

фп

4 95

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА

Журнал "Приключения, фантастика":

Комплекты 1991, 1992, 1993 гг. — по 15 тыс.р.

Комплект 1994 — 30 тыс.р.

1995 номера 1,2,3 — по 8 тыс.р.

Библ. прикл. и фантастики "Метагалактика":

Компл. 1993 — 10 тыс.р. Компл. 1994г. — 30 тыс.р.

1995 г. книги 1,2,3 — по 8 тыс.р.

Библиотека мистики и ужаса "Галактика":

Компл. 1993 — 10 тыс.р. 1994 книги 1,4,5,6 — по 8 тыс.р.

1995 г. книги 1,2,3 — по 8 тыс.р.

Тома серии "Приключения, фантастика":

Прокол. Бродяга. Бойня. Сатанинское зелье. Измена.

Западня. Чудовище — каждый по 8 тыс.р.

ТАЛИСМАН — ОБЕРЕГ от сглаза и порчи — 10 тыс.р.
(защищает от энергетического вампиризма)

Классификатор инопл. пришельцев — 8 тыс.р.
(подробное описание НЛО и инопланетян)

Прорицания в 2 книгах — 5 тыс.р.
(предсказаны все события до 2000 года)

Мордоворот. Повесть о рекитирах — 5 тыс.р.

Одержимые дьяволом. Ужасы. — 5 тыс.р.

Красный карлик. Эрот. повесть ужасов — 5 тыс.р.

ПФизмерение. Любовные приключения — 5 тыс.р.

Дорогами богов. Подлинная история Русского Народа.
12 тысячелетий. Истор. исследование — 15 тыс.р.

Ежемесячник аномалий "Голос Вселенной". Номера
7—8,9—10,11—12, 1,2,3,4,5,6 — по 5 тыс.р.

Собрание сочинений Юрия Петухова в 8 томах.
твердый переплет, по 700 стр. каждый том.
высылаются 1,2,3,6 тома + абонемент. Полный
выпуск собрания — до конца 1996 г. — 45 тыс.р.

Для получения заказа необходимо отправить почтовый
перевод на адрес редакции: 111123, Москва, а/я 40,
Петухову Ю.Д. Отправка сразу по получении п/п.

ISSN 0869-2726

Индекс 70956

фп

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА**

**Литературно-
художественный
журнал**

4 95

СОДЕРЖАНИЕ

В.Потапов "Охотник за смертью"	
Фантастический боевик	4
"Последний палач".	
Фантастическая повесть	84
"Сила ненависти и любви" Рассказ	130
"Исход" Рассказ	144
С.Журавлев "Находники" Историко – приключенческая повесть	149

Художник Алексей Филиппов

© Журнал "Приключения, фантастика"

Издательство "Метагалактика"

Перепечатка материалов только с разрешения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Розничная цена свободная.

Рег.номер - 319 от 1.10.90 Госкомпечати

Адрес редакции: 111123, Москва, а/я 40.

Учредитель, издатель, главный редактор -

Петухов Юрий Дмитриевич

Подписано в печать 1.07.1995г. Формат 84x108/32.

Бумага газетная. Объем – 9 п.л. Тираж – 27 тыс.экз.

Заказ 1204.

Отпечатано в ГМП "Первая Образцовая типография"

Комитета Российской Федерации по печати

113054, Москва, Валовая, 28

Индекс 70956

Виктор ПОТАПОВ

ОХОТНИК ЗА СМЕРТЬЮ

Фантастический боевик

Десятки тысяч лет поднималось человечество от дикости к цивилизации, за три тысячи лет достигло своей звездной поры и небывалого могущества. Такого могущества, что казалось, еще один шаг и сбудутся все мечты и даже то, о чем невозможно помыслить. Но это не случилось, мечты остались мечтами, а страшной реальностью стали звездные войны. Первые, вторые, третьи, четвертые, пятые... и так далее. Стирались в памяти названия уничтоженных ужасным оружием планет, звездных союзов, имена великих героев, наступали периоды мира. Возникали новые центры цивилизации, для которых Земля была только легендой, ибо люди давно покинули истощенную планету, вращающуюся вокруг одряхлевшего красного солнца.

Новые человечества осваивали космос и раскиданные в нем миры. Они показались бы древним землянам очень странными и непонятными по своим целям и образу жизни, они казались странными и не понятными друг другу и поэтому между ними слишком часто возникала устойчивая неприязнь, переходившая со временем во вражду.

Но космос велик и у разных миров всегда существовала возможность удержаться от новых войн самым простым способом — прекратить любые кон-

такты до тех пор, пока разум не возобладает над эмоциями.

Однако такой альтернативы не было у планет, подвергавшихся нашествиям завоевателей. Они были ужасом звездного человечества, следствием его расселения по мирам. На Земле все люди, не взирая на их склонности и устремления, вынуждены были жить вместе, что создавало зыбкий, постоянно нарушающийся, баланс между различными тенденциями развития. Попросту говоря, на каждое «хочу» находилось другое «хочу» — желание, не менее сильное, чем первое.

Когда свободных миров стало много, у людей впервые появилась возможность выбрать, где, с кем и ради чего жить. О, это были подчас очень необычные миры, причудливые, страшные, непонятные. Но все они имели определенные законы, по которым жили их обитатели. В конечном счете все они делились на мирных и завоевателей, следуя заповедям двух великих богов Вселенной — Жизни-Добра и Смерти-Зла.

Войны опустошали планеты, уничтожали межзвездные союзы и империи и тогда наступало жестокое время хаоса. В бесконечном пространстве блуждали армады кораблей, команды которых лишились родины, и за долгие годы обучились одному ремеслу — сеять смерть.

Об одном эпизоде из жизни людей Дангора — планеты, объединившей вокруг себя остатки населенных миров пятого сектора одиннадцатого союза Сириуса (на местном наречии именуемого «Четва») после седьмой межзвездной войны, рассказывается в этой повести.

1

Вот уже лет семьсот я не видел Шефа-Командора первой степени риска в таком плохом состоянии. Мы в нашей Службе всегда в разъездах, живем от анабиоза до анабиоза, неудивительно, что время отсчитываем по иному, чем на планетах. Удивительно другое, что не смотря на то, что полжизни наши тела холодны, как мороженое, некоторые из нас умудряются иметь детей. Например, я.

— Садись, — сказал Командор и замолчал, разглядывая меня.

Я ждал продолжения. Он потерял свои холеные руки — говорят у него есть специальный робот-маникюрщик.

— Дорогой мой, мы в большом затруднении. Ты немедленно отправляешься на Бельгонду...

Тут я возмутился. Представьте себе, 200 лет не видел в своей постели женщины, у меня в пять свидание с женщиной-змеей с Крона, и тут без всякого предупреждения. Я возмутился и высказал Командору все! Он невозмутимо выслушал меня, поглаживая свой облысевший череп, и отрубил:

— Все знают, что ты самый развратный тип, уцелевший со времен седьмой звездной. И закончим на этом. Ты знаком с Моргено?

— Еще бы мне не знать Моргено! Лучший из лучших во всех отношениях. Ох и погуляли мы с ним на Ситаке, где женщин в десять раз больше, чем мужчин. Правда, было это тысячи полторы лет тому назад.

— Он будет твоим напарником.

— Чудесно! Но вы, Командор, забыли сказать, в каком деле.

Шсф скромно, как девушка, потупил свои выцветшие глазки. Затем схватил нож для бумаг, вырезанный из клыка кашлуанского песчаного дракона и принялся нервно выстукивать на столе «Марш звездного легиона».

— Сегодня ты отправишься на Бельгонду и ровно через пять дней будешь поджидать на космодроме Аджи-Акса из «Черной девятки».

Услышав это имя, я сразу позабыл о красотке, которая тщетно будет ждать меня в баре, раздраженно присвистывая и облизывая губы раздвоенным змеиным язычком.

Во все времена существовали безумцы, стремившиеся при помощи супероружия покорить мир. Именно к таким безумцам относились и лидеры «Черной девятки». Их финансировали, нелегально конечно, националисты Сиквеста, Омбойи и Хаста, мечтавшие уничтожить Четву, покорить Дангор, его союзников. Пока для этого им не хватало сил и они были вынуждены поддерживать с нами мирные отношения. Однако их намерения были ясны — они назвали свой союз СОХ — по первым буквам объединившихся планет. На старосикветском это означало — победа, возмездие, власть.

Космопорты СОХа кишели пиратскими кораблями, которые вылетали со своих баз и нападали на пограничные миры Четвы.

По уровню экономического, военного и научно-технического развития Четва вдвое превосходила СОХ и по-

тому еще долгие годы могла не опасаться угрозы нашего существования. В традициях нашей политики со времен окончания седьмой звездной было поддержание мирных отношений любой разумной ценой. Единственная потенциальная угроза таилась в неизведанных глубинах пространства — на блуждающих тысячи лет мертвых кораблях, в тайниках сожженных в битвах прошлого планет. СУПЕРОРУЖИЕ.

Время от времени и Четва и СОХ находили, сохранившиеся от бог знает каких древних войн, образцы неизвестных видов оружия. Но ни один из них не дал пока той или другой стороне весомого преимущества в военной силе.

Это, однако, не охлаждало пыл организаций, подобных «Черной девятке». Когда-нибудь их бредовая мечта могла сбыться, и Четва должна была быть наготове к этому. Обеспечивать эту готовность должна была наша Служба...

— АА встречается на Бельгонде с Несущими Смерть... — Командор сделал короткую паузу, давая мне прочувствовать, какой тугой узел завязался.

Несущие Смерть, также как и Воины Апокалипсиса, доставляли Службе много хлопот. Эти религиозные придурки проповедовали, что человечество — болезнетворная плесень, рак Вселенной, и подлежит скорейшему уничтожению. Свою миссию они видели в том, чтобы любыми методами способствовать очищению звезд, планет, всего пространства от этой плесени. Может быть, рассчитывали за это получить от Господа Бога значок почетного ассенизатора.

— Есть данные, что Несущие Смерть, — Командор затейливо выругался, — раскопали где-то СУПЕРОРУЖИЕ...

— Захлопни рот, — сказал он, и я щелкнул отвисшей в изумлении челюстью.

— Это штамм микроорганизма, превращающего за сутки человеческий мозг в студень. Для других живых существ он совершенно безвреден. Погибает в течение 36 часов. Двое суток и любая планета чиста. Это с точки зрения Несущих смерть. А с точки зрения СОХа и Девятки — свободна для заселения, словно пустой отель. Свободна со всеми своими природными и техническими богатствами.

— Именно то, что снилось нам в кошмарах... — тихо произнес я.

— Да. Особого ума, чтобы использовать дьявольский

микроб, не требуется. Это абсолютное оружие — против него нет защиты. Если оно окажется в руках СОХа, у Четвы останется один путь — нанести упреждающий удар и уничтожить СОХ, стереть с лица земли Вселенной и из памяти людей этот зловредный союз. Другой — погибнуть в восьмой звездной войне.

Но даже если мы разгромим СОХ, нет никакой гарантии, что микроб окажется в наших руках. Девятка позаботится о том, чтобы эвакуировать его заблаговременно и нанесет удар позднее. Мы не сможем создать стопроцентную защиту от всех возможных видов нападения — ракетных ударов, замаскированных под метеориты супербомб, несущих микроб, от диверсантов, которые могут оставить колбу со штаммом в сумке, портфеле, полом куске дерева, камня. Через некоторое время сработает взрывное устройство и дьявольский микроб распылится в воздухе.

Пока, однако, судьба даровала нам шанс. Несущие Смерть связались с Девяткой, а не с правительственными кругам СОХа. Девятка, конечно, заявила, что она будет представлять интересы всей троицы, но на самом деле решила прикарманить находку.

Несущие запросили огромную цену — пять орсов тиндейла...

— Какие меркантильные идеалисты! — фыркнул я.

— Деньги нужны им, чтобы уничтожать другие миры. Они вовсе не собираются отдавать все запасы микроорганизмов Девятке. В Девятке они видят лишь временных союзников, для которых придет свой черед.

Операция разбивается на три этапа. Моргено и другие парни займутся Несущими, ты — АА. Моргено получит штамм как представитель Девятки и пустит по следу Несущих наших лучших ребят. Затем уничтожит в плазменной печи штамм в присутствии тебя и еще пяти избранных мною человек. Он не знает пока, кто они, но знает, какой знак подтверждает их полномочия.

— Вы не доверяете Моргено?! Или нам обоим?

Командор тяжело вздохнул.

— Есть хорошая поговорка: береженого Бог бережет. Мы не можем допустить и капли риска... Ладно... — он хлопнул ладонью по столу, — эта тема закрыта. Ты должен сделать так, чтобы у Несущих не возникло сомнения, что Моргено — это представитель Девятки. АА и его люди не должны попасть на встречу.

Затем наша главная задача будет обнаружить цент-

ральную базу Несущих, где, по имеющимся данным, они хранят запасы дьявольского микроба.

Итак, что касается тебя. Сегодня ты отправишься на Бельгонду, а через пять дней утром будешь поджидать АА... — и шеф начал излагать мне план предстоящей операции.

— Очаровательно! — сказал я, когда шеф закончил. — Как я узнаю этого субъекта?

Командор резко нажал на клавишу и над столом между нами возникло лицо. У АА был большой выпуклый лоб, увенчанный короткими вьющимися волосами. Губы у него были пухлыми и оттопыренными. Глаза под густыми бровями живые, жесткие, умные. Они меня пронзили.

2

После прибытия в Столицу — так бесхитростно жители Бельгонды называли свой главный город — я некоторое время бесцельно мотался по улицам, выясняя, нет ли за мной «хвоста». Потом пошел в лавку, купил небольшой дешевый чемодан и снял номер в скромном отеле, недалеко от памятника жертвам седьмой звездной, почти в самом центре.

Служащие должно быть приняли меня за скромного туриста и встретили без большого энтузиазма. После полудня я пошел перекусить в ресторанчик по соседству. «Хвоста» за мной не было.

Подготовку к операции я начал с психообработки в компьютерном центре. Многие не представляют, насколько различаются психология, нормы поведения, обычаи разных планет, даже планет-близнецов.

Вскоре я уже в общих чертах знал, какие способы нападения мог прогнозировать Аджи-Акс и его охрана и какие способы защиты они должны были предусмотреть.

На Сиквесте, Омбойе Хасте, откуда родом были эти люди или где проходили боевую подготовку, оказались распространены три круга защиты — мехэргический, ментальный и астральный. Мехэргические способы защиты включали в себя все способы вооруженной борьбы с помощью физической силы, механического и энергетического оружия, приводящего к физическому уничтожению. Ментальные включали различные варианты охраны сознания от внешнего воздействия, ведущего к подавлению и подчинению личности. Астральный, распро-

страненный только на Сиквесте, родине АА, основывался на вере его соплеменников в существование нефизического мира, через который одни люди могут оказывать воздействие на других людей, причиняя им зло или неся добро.

Специалисты нашей Службы построили мне сложную модель-программу, исходя из культурных, психологических и личных особенностей людей, окружавших АА, ну и, конечно, его самого. В ней были учтены также все особенности Бельгонды и ее обитателей. Без сомнения модель была несовершенной, так как базировалась на неполной информации, особенно в той части, что касалось АА. И следовательно, любой мой план имел бы несколько исходов.

Проанализировав все выданные искусственным мозгом (ИМом) варианты, я остановился на одном из механоэнергетических. Почему я выбрал именно его? По двум причинам. Первая — психологически он был наиболее чужд для ныне здравствовавших врагов АА. У них в моде были ментальные и астральные виды нападения. Вторая — у АА и его приспешников не в ходу были астральные способы нападения. Механоэнергетические не выделялись из числа прочих. Учитывая, что АА и его конкуренты располагают технологией, аналогичной той, что имела наша Служба (в этой области на отсталость СОХа рассчитывать не приходилось), выходило следующее.

АА, его советники и искусственный мозг почти со стопроцентной вероятностью придут к единодушному мнению: астральные каналы для атаки использоваться не будут. Здесь самое слабое место и оно будет защищено наиболее сильно. На прочих направлениях любые удары станут блокироваться с максимальной эффективностью. Мой ИМ указывал, что самым вероятным, с точки зрения врага, следует считать удар по нескольким направлениям сразу. Причем, главным может оказаться как один, так и несколько из них, и даже все одновременно. Здесь мы попадали на зыбкую почву тактических преимуществ, зависящих от реальных возможностей АА и его противника.

Обдумав все варианты, предложенные ИМом, я выбрал один — со всех сторон серенький и средненький планчик. Однако и это не давало мне стопроцентной гарантии успеха, если АА точно знал, кто является его противником. В этом случае ему достаточно было задать своему ИМу задачу и тот вскоре выдал бы точно такой

же ответ, какой выдал мне мой собственный. Все мои карты были бы раскрыты за исключением одной. Недавно один из кораблей космофлота Дангора выловил в пространстве дряхлую посудину, чудом сохранившуюся от одной из Бог знает каких древних, звездных войн. В арсенале корабля были найдены деструктуры, неизвестные Четве и, согласно данным разведки, другим мирам Ойкумены — звездного уголка необозримого космоса, нанесенного на наши карты.

Один из деструкторов после долгих переговоров был передан мне вместе с установленным на нем взрывным устройством, которое должно было сработать по моему мысленному приказу при моей гибели, либо при ненормальном изменении энцефалограммы, означающей, что я нахожусь под контролем АА и его команды.

Это было слишком опасное оружие, чтобы предоставить врагу хоть малейший шанс заполучить его. Деструктор превращал в студень мозг любого человека, оказавшегося на пути его луча.

Там была шкала с большим количеством делений. Ученые установили, если нажать кнопку, красный огонек передвигался от одного деления к другому, и деструктор становился совершенно безвредным для человека. Непонятно, на какие еще разумные расы, кроме человека, был он рассчитан?

Обо всем этом я узнал от Шефа-Командора первой степени риска. Я не стал выяснять, каким путем были получены эти знания. Мне было достаточно знать, что деструктор поможет сбить со следа и Несущих, и Девятку, поскольку он сделает с их мозгом то же, что сделал бы и дьявольский микроб.

Сняв номер в отеле, я нанял два наземных экипажа — по законам Бельгонды правительство сохраняло монополию на воздушный транспорт. Затем стал ожидать прибытия груза.

В назначенное время, двое суток спустя, в пустыне села экранированная шляпка, которую не способна была обнаружить служба безопасности Бельгонды. С рук на руки мне передали сумку с набором инструментов на все случаи жизни, робота-помощника и пленного сохмейца. Дангор и Сиквест находились в состоянии вооруженного нейтралитета с Сохмейей, установившегося после долгих лет войны, когда периоды нашествия звездных армад, бомбардировок планет сменялись периодам пиратских

рейдов и стычек на границах контролируемого мирами пространства.

Сохмеец был обработан специальными препаратами и находился в зомбированном состоянии, полностью подчиненный своим хозяевам. Он ни о чем не думал, ничего не помнил. И слава Богу, его участь была незавидной. Он был смертником.

Одна проблема не давала мне спать: что если машина АА снабжена защитой, которая не отключится после смерти находящихся в ней людей. С портативной аппаратурой, что можно было установить на бельгондийском экипаже, мне не пробить защитное поле, для этого потребуется втрое более мощная установка. К сожалению, и размеры ее будут таковы, что часть ее придется маскировать. В результате мое транспортное средство приобретет нестандартный вид и может вызвать подозрение у охраны либо службы безопасности (эсбэшников) Бельгонды. АА включит дополнительные экраны и, нанеся удар, я лишь раскрою себя, но не достигну цели.

На ум долго ничего не шло, и я решил проехаться по трассе, ведущей от космодрома к Столице. Бельгонда принадлежала к тем планетам, которые выжили после седьмой звездной войны. Но шрамы ее еще долго будут видны на поверхности этого мира. Огромные выжженные пустыни разделяли пригодные для существования земли, радиоактивные кратеры и остекленелые поля светились ночами призрачным бледно-голубым светом.

Одну из таких пустынь пересекала трасса, соединявшая космодром и Столицу. Наиболее сильно зараженные места накрывали белесые колпаки энергетических дезактиваторов. Они горбились над кратерами, оставшимися после взрывов ракет-торпед.

Я долго ехал мимо них, не осознавал, что решение проблемы перед моими глазами. Наконец до меня дошло: нужно подключиться к одному или нескольким колпакам и использовать их энергию для моей аппаратуры, которая нейтрализует защитное поле машины АА. Тогда я беспрепятственно проникну в нее и заберу Суперсмерть.

Да, только так! Это — единственное решение. Иначе придется тащить машину АА в заранее подготовленное место и вскрывать ее там. Как я не изощрайся, с таким буксиром эсбэшники легко возьмут мой след...

...Я притормозил в месте, выбранном для операции, и робот, как ящерица, выскользнул с заднего сиденья мое-

го экипажа. Щелкнул замок багажника, несколько раз хрустнул песок, и больше ни звука.

Мысленно пожелав своему помощнику удачи, я тронулся дальше. В черном небе горели тысячи чужих звезд. Дорога впереди и позади была пустынна, темна. Яркая светящаяся полоса шла по обе стороны трассы — в ней скрывалась специальная аппаратура, отпугивавшая редких, но опасных животных-мутантов, обитавших в пустыне.

Я быстро оглянулся — справа вдали один подле другого, как легендарные змные пирамиды, громоздились три энергоколпака. К ним сейчас и шел мой робот с гравитележкой, груженной оборудованием, которое обеспечит мне доступ к резервам энергии дезактивационных колпаков.

Примерно через час я буду в столице, немного покручусь по улицам, чтобы проверить, нет ли за мной слежки — всякое случается — и поеду обратно. Проезжая место предстоящей операции, свяжусь с роботом и узнаю, как идут дела. Дальше — в космопорт, где завалюсь спать в заранее снятом номере отеля. С утра рано вставать — надо успеть подобрать робота раньше, чем движение на трассе станет оживленным. Больше свидетелей, меньше гарантий успеха. Кроме того, у этого «парня» своя немаловажная роль в предстоящем деле.

3

- Ты проверил аппаратуру? — спросил я, трогая с места.

— Да, — отозвался робот.

— Тогда маскируйся. Рядом с тобой на сидении все, что нужно.

Робот быстро исполнил мой приказ. Натянул на голову маску, имитирующую человеческое лицо, надел костюм, сапоги и перчатки.

Въехав в город, я сразу же припарковался в удобном месте и стал критически осматривать своего помощника. Все было о'кей, кроме его глаз. Я подал ему темные очки.

— Вот так. Теперь тебя никто не отличит от человека. Слушай. Твоя задача состоит в том, чтобы отвлекать всех, кто не бросится на помощь сохмейцу. Здесь, — я подал ему кристалл с записью, — нужная программа. Ты будешь вопить, стонать, размахивать руками, корчиться на земле, изображая жертву аварии, пока не получишь

мой сигнал: следовать со мной или самоуничтожиться. Понял?

— Да.

— Тогда все пока, — закончил я и отдал все свое внимание дороге.

Спустя полчаса мы были в городе. Некоторое время я выгуливал робота по улицам, наблюдая за реакцией людей. Никто не обращал на него внимания. Удовлетворенный, я направился вместе с ним в номер отеля, где находился сахмеец. От него требовалось вовремя оказаться в пределах трехкилометровой зоны от места операции, в радиусе установленной аппаратуры, и направить экипаж на машину АА, словно потерявший управление. Далее сохмейцу предстояло сгореть в своем экипаже, в котором эсбэшники обнаружат кое-какие улики. Они, по моему замыслу, направят их по ложному следу, и пока эсбэ разберется, что к чему, я буду уже далеко от Бельгонды.

За три дня я полностью подготовил операцию. На четвертый, до обеда гонял сс модель на ИМе. Удовлетворенный результатом — ИМ не обнаружил серьезных промахов в моем плане и только посоветовал подправить кое-какие детали — я позволил себе расслабиться в ближайшем ресторанчике, с любопытством дегустируя местные блюда.

Доброе старое вино и острая пища незаметно переключили мои мысли с предстоящей операции на более приятную тему. Расплатившись, я вышел на улицу.

Я таскался по городу, не пропуская ни одной юбки, прелестного личика, трепетных грудок, крепкого задка, стройных ножек. Чудесная маленькая столица... Самая провинциальная из всех, в каких мне довелось бывать. Я следовал по странной улице, составленной из увитых плющом аркад, посреди которой били разноцветные фонтаны. Потом спустился к реке, пересек мост и очутился на круглой площади, центр которой занимали величественные развалины звездной крепости: почерневшие оплавленные башни, иссеченные лазерными лучами, все в рваных дырах прямых попаданий ракет серебристые стены. Перед входом, в остекленную почву вплавился истребитель с вспоротым брюхом. Из открытого люка свисал труп пилота.

Как выяснилось дальше, крепость была просто нашпигована ужасными останками. На мой взгляд они выглядели безвкусно, дисгармонировали с мрачной красо-

той древнего строения. Однако туристы, которых было здесь довольно много, явно придерживались иного мнения.

Я созерцал очередную ужасную бойню: море крови, оторванные конечности, распоротые животы, искаженные предсмертной мукой лица, когда заметил ЕЕ. Она стояла, облокотившись на искореженные перила галереи и строила мне глазки.

Вся моя духовная энергия, питавшая скорбные мысли о тщете усилий, о бренности человеческого существования, о жизни и смерти, мгновенно ухнула вниз и сконцентрировалась ниже пояса.

Куколка была блондинкой с красивым загорелым личиком и сверкающими зубами. Ее глаза, используя язык поэтов, были нежно-фиолетовые, как весеннее небо Дангора. Смакуя ее формы, я медленно спускал взгляд вниз. Настоящее божество! Лет 25, не более. Какой огнеопасный задок! Какие округлости! Им могла бы позавидовать профессиональная кормилица, но не в этом дело. С первого же взгляда я понял, им нужен крепкий мужчина, чтобы объяснить тайну бытия. М-м-м! Какая аппетитная плоть!

Я посмотрел на часы: скоро вечер. Три дня назад моя красавица-змея, не дождавшись героя, вынуждена была пойти с другим. Надеюсь, она не слишком огорчилась, пошипела сердито и утешилась с каким-нибудь красавчиком. Пора утешиться и мне.

Красотка краем глаза наблюдала за моим приближением. Когда я невзначай коснулся ее локтем, она удивленно посмотрела на меня и, указывая на кровавую сцену внизу, сказала что-то на местном диалекте.

— Я не говорю по-бельгондски, — ответил я.

— Откуда вы? — спросила она на всеобщем.

— С Дангора.

Она, конечно, была очарована.

— О! Из метрополии.

— Вы живете в очень красивом городе, — заметил я любезно.

— Вы находите?

— Да. Оч-чень уютный, старинный, романтичный... Я не провел бы здесь всю жизнь, но на час, — бросаю пламенный взгляд в ее декольте, — нахожу его вполне подходящим...

Она засмеялась.

— Наша Столица скучна, ей не сравниться с блиста-

тельской метрополией. Чтобы жить здесь, не теряя вкуса к жизни, надо иметь свои привычки...

— Вот я и спрашиваю себя, не приобрету ли я их с вашей помощью!

Это ей понравилось. Она слегка порозовела под загаром. Я не мог отказать себе в удовольствии вообразить все, что проделал бы с ней, если бы она пожелала. Сегодня я свободен, как ветер. Что же этому ветру придется одиноко завывать в ущелье?..

— Вы один на Бельгонде?

— Увы! И к тому же свободен, как ветер!

— Вы не женаты?

— Увы! А вы?

— Да, — ответила она и добавила, словно говоря, «пользуйся случаем»:

— Мой муж по делам на Торбасе...

Прекрасный человек! Хотя я с ним не знаком, не могу удержаться от выражения горячий симпатии к нему. Чем еще может побаловать мужчина братьев по полу, как не быть по делам без жены, которая так хороша.

— Так значит, вы вынуждены глядеть на эти ужасы, чтобы убить время?

— Да-а...

— Не пойти ли нам выпить чего-нибудь?

Это перепутье наших отношений. Тест. Если она согласится, можно считать, что вечер у меня в кармане. А может быть и утро, день... Но не будем загадывать... Ну-у?!

Скромно потупив глазки, она отвечает:

— С удовольствием...

— Тогда руководите мной, я только что прибыл в Столицу и не знаю ни одного заведения...

— Может быть поступим проще: сделаем это дома?

Умопомрачение! Вот женщина, которая не находится во власти принципов. Она знает, чего хочет, и рассчитывает получить это в самое короткое время. Конечно, она права, делать ЭТО дома гораздо удобнее.

Я поражен ее оперативностью и раздумываю, может быть пригласить ее в нашу Службу. Красота, рационализм, скорость — все, что надо.

Превратно истолковав мое молчание, она добавляет:

— Я одна дома, служанка в отпуске...

Ну что на это скажешь! Последний гвоздь забит.

— Я весь к вашим услугам.

— У меня маленький домик недалеко отсюда...

У нес фиолетовый, под цвет глаз, экипаж. Я усаживаюсь рядом с куколкой. Мы едем по набережной, потом сворачиваем в жилые кварталы с конусообразными домиками, покрытыми, словно широкополыми шляпами, крышами с волнистыми краями.

Прелестная лачужка. В ней пахло богатством и захламленностью. Сразу заметно, что горничная в отпуске.

Она бросила сумку на диван и сняла перчатки. Тишина и полумрак опьяняли. Царило первоклассное «побуждение к преступлению». Я обнял хозяйку за тонкую гибкую талию, а свободной рукой исследовал декольте. Оно содержало все, необходимое для соблазна.

— Как вас зовут, прекрасная дама?

— Люэн.

— Чудесно.

— Вы находите?

— Да.

— А как вас зовут?

— Ронбер.

— Ронбер... — повторила Люэн и подставила мне рот. Губы ее были горячи и мягки. Поразмяв бедняжек, я стал подталкивать красотку в сторону дивана. Ловко уворачиваясь, она сдерживала мой маневр.

— Нет, нет! Не так сразу!

А как?! Интересно, что ей еще надо? Может быть раздеться догола и, надев на голову суповую миску, промаршировать браво, стуча в барабан? Может быть это ее возбуждает?

Не люблю я сложностей.

Она выскользнула из моих рук.

— Что будем пить?

Мой взгляд был красноречивым ответом. Она совершенно смутилась. У каждого свои привычки, она делает ЭТО только после доброй порции алкоголя.

— У меня есть боргейн...

— Пойдет! — Черт знает, что это такое, но какая разница! Скорее! Давление подошло к критической отметке! Ситуация становится слишком опасной для молнии на штанах.

Она вернулась очень скоро, держа два стакапа, из которых один был щедро наполнен.

— Это все для меня?

— Да. Ты же такой большой!

Ты еще не знаешь, КАКОЙ я большой и какой НЕОБЫКНОВЕННЫЙ. Я чокнулся с ней и попробовал на-

питок. Он был не из лучших, что я пил. Ну да ладно, зато она была достаточно хороша, чтобы забыть об этой мелочи. Я сделал второй глоток, поставил стакан на низкий столик и вместе с Люэн упал на диван. Она прижалась ко мне, и мы поцеловались. Молния пронзила мои чресла и рука моя крепко сжала ее бедро. Она слабо протестовала, но не могла сдержать неумолимое движение моей руки — все выше, выше...

Странное дело, рука моя вдруг потяжелела. Я весь налился свинцом. Улыбка Люэн исчезла...

По инерции я пытался достичь цели, скрывавшейся между нежных и совершенных бедер, но это мне никак не удавалось.

«Черт побери! Вторая осечка за пять дней! Это слишком!» — подумал я и провалился в небытие.

4

Очнулся я от того, что меня начало рвать. Раскидав по полу остатки национальных блюд, я утерся и стал оглядываться по сторонам, одновременно пытаюсь сообразить где я и что со мной.

Вокруг была крошечная темнота. Достав из кармана маленький фонарик, я попытался исследовать место своего нахождения. Слабый огонек осветил пустую комнату с железной дверью. Пожалуй, отсюда не выбраться. Склеп, да и только...

Господи, как мне плохо! Желудок схватывало каждую минуту, ледяной пот струился по лбу, сердце билось совершенно ненормально...

Меня снова вырвало, еще и еще... Когда внутри стало пусто, как в вакууме, я отдышался и поднялся на дрожащие ноги. Осветил фонарем дверь. На ней не было замка. Немного подумав, я понял, она заперта снаружи на засов.

Какая неприятность! Уменьем и настойчивостью можно совладать с замком, но ничего нельзя поделаться с засовом, когда находишься по другую сторону от него.

Я совсем пал духом. По всей видимости, мне суждено умереть с голоду в этом склепе. Когда меня найдут, я буду маленький и сухой, и меня продадут какому-нибудь коллекционеру мумий.

Я терялся в догадках, пытаюсь понять, кто же дал приказ о моих досрочных похоронах. Кто бы это ни был, в любом случае он должен знать о моем задании. Это невероятно, только я и Командор знали, что я буду делать на

Бельгонде... Стоп! Стоп! Пустая башка, а Моргено и его группа! ЕГО ГРУППА!!!

Мой тысячелетний опыт подсказал мне сохранять спокойствие и как следует разобраться в ситуации. Я начал исследовать свои карманы. Может быть я все же добрался до цели прежде, чем отключиться, и этим тронул черствое сердце Люэн. Может быть это не входило в ее планы. Во всяком случае в карманах я обнаружил все свое снаряжение. Кучу разных предметов, которые могут сослужить добрую службу. Не было только моего маленького любимого бластера-бульдога. Намек был понят — сиди и не рыпайся. О тебе позаботятся.

Я подошел к двери и тихонько простучав ее, определил местонахождение запора. Потом открыл свой фонарик с задней стороны и достал миниатюрный резак. Резачок!

«Моя милая, — мысленно обратился я к куколке Люэн, — первая заповедь: имея дело с мужчиной, заberi все удлиненное, режущее, проникающее, если хочешь обезоружить его. Иначе он достанет тебя тем или иным концом».

Мой резачок быстро управился с запором, и я не замедлил сменить декорацию, выбрался в темный коридор.

Посветив фонариком, я узрел лестницу, круто ведущую вверх. На цыпочках я поднялся по ней... Навсрху путь к свободе преградила новая дверь. Тоже запертая.

Приобретя уже некоторую сноровку, я быстро расправился с нею. Затем чуть толкнул и прислушался. Издалека доносилась музыка. Чуть погодя раздалось покашливание. Вот как! Меня сторожат. Я снял пояс, нажал, где надо, и, содрав с него камуфляжную оболочку, получил гибкую отточенную металлическую полосу. Она быстро затвердела на воздухе, превратившись в превосходное мачете. Обмотав полосы, скрывавшей ее материей, я крепко сжал импровизированную рукоять и осторожно отворил дверь. Шагнув вперед, я очутился в холле, покашливание, как радиомаяк, указывало мне путь.

Застать стража врасплох, однако, не удалось. Только я шагнул на порог комнаты, как навстречу метнулось черное обросшее густой шерстью тело с оскаленной мордой. Я рубанул по морде ножом, и удар отбросил тварь к стене, где она и осталась лежать, корчась и истекая кровью. Мой добрый «меч» разрубил ее почти надвое.

С кресла вскочил здоровенный седоватый тип и схватил лежавший перед ним на столе бластер. Я тоже схва-

тил... стоявшую на камоде тяжелую вазу и метнул в типа, целясь в руку с бластером.

Опа! И оружие полетело в угол. С победным кличем я бросился на стража, собираясь прикончить его одним ударом, но не тут то было. Он проворно выхватил откуда-то ножище побольше моего и с ответным кличем ринулся на меня.

Мы сшиблись с треском, как два петуха, дерущихся за право, кому топтать несущек. Натиск стража был таким яростным и стремительным, что первые мгновения у меня не было возможности сделать ответный выпад, я только-только успевал защищаться. Ну да ничего! Я помоложе и могу подождать.

Я подождал и дождался: возраст и усталость дали о себе знать — удары стража замедлились и утратили прежнюю силу. Отразив очередной выпад, я нанес ему ответный удар прямо в грудь. К несчастью он не был точен, и мне удалось лишь распороть рубашку и поцарапать противнику кожу.

Страж быстро ретировался за стол и некоторое время стоял, сверля меня ненавидящим взглядом и судорожно хватая ртом воздух.

Я дал ему полюбоваться собою и швырнул в него первый попавшийся под руку тяжелый предмет. Он уклонился. Я швырнул следующий — нельзя дать ему остыть.

— Ну, старичок, запетушишь, а то что-то ты скис. Яйца отвалились?

Он поджал губы.

— Ошибся! По твоим гримасам вижу, тебя мучает геморрой. Повернись ко мне своей жирной задницей и я вырежу из нее все лишнее. Ну, давай, давай!

Судя по его реакции, я угадал. Тип бросился на меня, как разъяренный бык. Но я опрокинул ему под ноги стул. Он резво перепрыгнул через него и, раскорячась, стал наступать на меня.

— Да ты спортсмен! — рассмеялся я, пятясь вокруг стола.

Дзинь, дзинь, звякали наши клинки. То и дело что-нибудь рушилось на пол или хрясало в стену. Я глянул на перевернутый стул за спиной стража и у меня появилась идея. Поднатужившись, я с воплями погнал его назад. Так, так, еще немного... Он запнулся о стул и невольно оглянулся. Воспользовавшись этим, я подскочил вплотную и вонзил ему в грудь свой клинок. Затем выдернул его и проткнул стражу живот, снова рванул нож и наот-

машь ударил типа по горлу. Он зашатался и с хриплым стоном рухнул, как гнилое дерево.

Я подошел к столу. Странно, но на нем все сохранилось так, как было, когда Люэн гостеприимно потчевала меня боргейном, щедро разбавленным снотворным. Наши стаканы все еще стояли рядом. Я понюхал свой, потом ее, от моего исходил слегка горьковатый запах. Я обошел дом. Здесь давно никто не жил! Это была самая настоящая ловушка. И я в нее попался.

Я прошелся с тряпкой по комнате, уничтожая свои отпечатки пальцев, помыл стакан, огляделся еще раз на всякий случай. Вроде бы ничего не забыл, все мое было при мне. Где я еще мог наследить?.. В подвале?.. Я не поленился спуститься вниз.

Где еще?.. Разве что на чудесных ляжках Люэн. Но думается, она уже сменила колготки, и мои «пальчики» на них не достанутся эсбэшникам Бельгонды. А жаль, я был бы горд, обнаружь они мои многочисленные автографы в столь интимном месте. Ну да ладно...

В прихожей я глянул в зеркало — у меня был вид эксгумированного трупа.

Я вышел и неподалеку от дома нанял экипаж, доставивший меня в центр. Там я расплатился, прошелся немного, проверяясь на предмет хвоста, и сел в другой экипаж, который привез меня прямоиком к дому.

По дороге я всячески ругал себя на всех известных мне диалектах Четвы, СОХа, нейтралов и пиратов. Так попасться! Так подставиться! Как зеленому сосунку, которому первый раз показали, дали подержаться и даже позволили сунуть. Мать-перемать!

Если бы Командор не сорвал меня в одночасье, не поломал свиданье, дал спустить пар, меня б не заклинило на этой сучке. Все равно, так дешево купиться! Стыд! Стыд! Стыд!

Сровняв себя с землей, я немного успокоился и стал заново выращивать чувство собственного достоинства. В конце концов, нет худа без добра. ОНИ засветились! Пусть я не знал пока, кто они такие, но я уже знал, что ОНИ СУЩЕСТВУЮТ. Я знал, что должен прежде, чем делать следующий шаг, трижды оглянуться. А вычислить этого паскудного червяка, который забрался в чистос яблоко нашей Службы, будет не так уж трудно. Нужно предупредить Моргено и шефа... Хотя старика можно и не беспокоить, запаникует, начнет вмешиваться, еще больше осложнит ситуацию. Никто из команды Моргено не

знает о моем задании. Да и он сам не знает, что его напарником являюсь я.

Предупрежу его осторожно, не называясь, данного Командором кода достаточно, чтобы мое послание обрело вес и заставило Моргено призадуматься...

Нет, так не пойдет, сказал я себе. Если жучок в команде Моргено, их всех надо немедленно и внезапно брать и изолировать. Ведь главная задача стоит перед его группой, не передо мной.

Очень скоро я вышел на связь с шефом и рассказал о своих злоключениях. С присущей ему живостью Командор охарактеризовал их в таких выражениях, что я подумал, в нем погибает великий лингвист.

— Для связи с Моргено будешь использовать новый код, — сказал он, облегчившись. — Подключи шифратор.

Чуть погодя, Командор добавил:

— У Моргенс есть запасная группа. Ты вовремя предупредил. Он успеет расконсервировать ее. Пока. И зажми свою трехдюймовую мошонку в кулак до окончания операции, иначе я лично кастрирую тебя. Одно послабление — можешь пользоваться своим аппаратом в интересах дела. И отсекай немедленно все, что сделано ДО ТОГО. Все!

Командор был прав на сто процентов, придется рубить концы и уходить под лед. Любые мои действия, совершенные за эти три с половиной дня, придется рассматривать как ползание глупой мухи под микроскопом неизвестного наблюдателя. Придется... Черт побери! Люси! Когда я встречу тебя вновь, а у меня есть предчувствие, это произойдет, я подвергну тебя самой страшной пытке, которую знаю (для женщин). Я напрягу свои недюженные способности и оттрахаю тебя так, что дым пойдет, я вышибу разнузданным сексом твои хитрые мозги, превращу тебя в половую тряпку. А когда тебя осенит: не надо лезть в мужские дела, все, что тебе надо — трахаться с этим диким, развратным, первобытным, прекрасным типом, то есть со мной, тогда я тебя брошу. Волчья тоска, неразделенная любовь и сексуальная неудовлетворенность будут терзать тебя всю оставшуюся жизнь, если ты не решишься прервать мучения самоубийством.

Довольный своим грандиозным планом мести, я принялся за дело. Из богатого арсенала снаряжения достал «хамелеона». Это очень любопытная штучка. На вид обычный пояс, но активизируйте его, и он пока-

жет вам такие финты! С ним можно уйти почти от любого «хвоста», потому что «хамелеон» меняет внешность, и вы выглядите так, как хотите выглядеть. Только специальная аппаратура может раскрыть обман, но я надеялся, что у моего неизвестного противника ее не было. Я также надеялся, что по его расчетам я до сих пор нахожусь в подвале дома, куда запихнула меня коварная Люэн.

Я выбрал себе внешность 25-летней брюнетки. Грудь — четвертый номер, высокая, полная, колышущаяся при ходьбе. Ноги длинные, бедра — крутые, талия — тонкая. В общем конфетка! Тебе, Лю, до меня далеко!

Я подошел к зеркалу и оглядел себя. Бесподобно! Несколько завершающих штрихов: парик, кольцо с бриллиантом на безымянный палец левой руки, накладные грудь и зад. Теперь я мог все, даже согрешить с пьяным пиратом, если удастся убедить его, что он попал, куда надо, а не туда, куда попал. Ну да ладно, надеюсь, до таких тяжелых испытаний черед не дойдет.

Столь серьезная подготовка объяснялась одним: я — мужчина, а избрал женский образ. Поэтому, как убеждали специалисты, при случайном или намеренном близком контакте, контактер мог выявить несоответствие визуальной информации физическим ощущениям. Иначе говоря, если бы кому-нибудь пришлось в голову пощупать меня, он бы с изумлением обнаружил, что щупает совсем не то, ради чего так возбудился. Загнанному в угол, мне не оставалось бы ничего, кроме как изобразить из себя пассивного гомосексуалиста.

То же с волосами. Представьте, вы как бы ненароком касаетесь моих пышных благоухающих прядей и обнаруживаете на их месте пустоту.

Сексуально-агрессивный, представляя смертельную опасность для молний на штанах молодежи, отцов благополучных семей, старых развратников, я погрузил свой багаж и роскошное тело в наемный экипаж и отбыл в неизвестном направлении. Мои небогатые пожитки унес в неизвестном направлении неузнаваемый робот-помощник.

Покачивая умопомрачительными бедрами, я вышел у загородного парка и неспеша углубился в аллеи. Там, найдя подходящие кусты, я вновь превратился в мужчину, пожилого, седого, благообразного, с круглым брюшком. В этом образе я нанял два новых экипажа, сгонял по трассе и выбрал другое место для операции — поближе к

космопорту. Пусть друзья Люэн ждут меня на старом месте, пока у них не повылазят их буркалы.

Мчась в космопорт, я не позабыл незаметно выкинуть по дороге робота-помощника.

Итак, игра начата, часы начали отсчет. Через сутки станет ясно, кто кого.

5

Из зала ожиданий, сквозь гигантские обзорные экраны, я наблюдал за посадкой корабля. Серебристая точка блеснула в небе, похожая на осколок солнца. Точка гудела и приобретала очертания посадочного бота гиперсветовика, медленно заходящего на посадку. Бот описал на горизонте гармоничную траекторию и мягко сел в конце поля. Затем неспеша стал приближаться, распластавшись, как доисторическое животное. Я ждал.

Сказать, что я чувствовал себя в своей тарелке, было бы сильным преувеличением. Всегда испытываешь чертовское неудобство, когда ждешь вполне определенного типа для сведения с ним счетов.

АА не заставил себя ждать, появившись вторым — следом за телохранителем — на верху трапа. Со своего поста наблюдения я его легко узнал. На нем был черный, блестящий комбинезон. В правой руке АА держал кейс-сейф. Прекрасно, не надо будет перетаскивать из их экипажа все барахло, а после разбираться, где находится то, что мне надо.

АА быстро спустился по ступеням и направился к таможенному посту. Его сопровождало пять человек, окруживших патрона плотной группой.

Выполнив формальности, АА и его команда погрузились в экипаж, поджидавший их на стоянке. Я тотчас бросился к своей колымаше и пустился в дорогу, опережая их на несколько десятков метров. Я не торопился и они, естественно, обогнали меня. Десять-пятнадцать минут мы спокойно катили по трассе. Впереди, сзади, сбоку, навстречу шли машины... Вот справа показались дезактивационные купола...

Я приказываю роботу, сидящему на заднем сиденье, приготовить деструктор, затем передаю по радиации приказ: «Пошел!» Сахмеец трогает с обочины противоположной полосы и, набирая скорость, движется нам навстречу.

«Атакуй!» — приказываю я ему. Экипаж сахмейца делает несколько пьяных виражей и врывается прямо в нос

машины АА. Его тащит вперед с десятков метров, затем сцепившиеся машины останавливаются. Робот поднимает деструктор и направляет дуло на экипаж нашего клиента. Невидимые лучи смерти поливают его и злокозненные мозги АА вместе с тупыми мозгами его телохранителей превращаются в холодец, правда, без хрена или горчицы.

Затормозив сзади, я выскакиваю из машины и бросаюсь к дверце экипажа АА. Защитное поле отталкивает меня. Я нажимаю кнопку на маленьком пульте у меня в руке и преграда исчезает. Я припечатываю робота-взломщика величиной с бутылочную пробку к дверце, и он в мгновение ока вскрывает замок. Голубчики внутри в наилучшем виде. Я хватаю кейс, поворачиваюсь и сталкиваюсь нос к носу с еще одним таким же прытким, как я, типом. Он жаждет помочь и не имеет других намерений.

— Помогите второму! — кричу я, указывая на экипаж сахмейца, и нажимаю еще одну кнопку на приборчике, спрятанном в кулаке. Машина сахмейца загорается. Сердобольный тип сразу утрачивает интерес к АА и мчится спасать другого «пострадавшего».

Я без помех обыскиваю охранников, у них ничего, кроме оружия. Вытаскиваю тело АА на дорогу и начинаю истошно орать, требуя вызвать скорую медицинскую помощь. Медпомощь, конечно, не успевает появиться за те короткие мгновения, что у меня хватает терпенья ждать ее, и я, возмущаясь, проталкиваюсь сквозь толпу. Как все понимают, поторопить нерасторопных медиков.

На самом деле я, прикрываемый роботом-помощником, сажусь в свой экипаж и покидаю место удачно проведенной операции. Взломщик отпирает кейс, слава Богу, плата за СВЕРХОРУЖИЕ здесь.

Мы мчимся в Столицу и я молю Бога, чтобы он помог еще и Моргено. Навстречу пролетает флаер службы безопасности, чуть погодя — медпомощи. Как я люблю вас, ребята, вы как раз вовремя.

Загнав экипаж в заранее присмотренные, заброшенные владенья, я прячу тарантас у полуразрушенной стены. Приказываю роботу избавиться от маскарада и стать самим собой. Сам я подбираю внешность под фальшивые документы и избавляюсь ото всего, что может вызвать у эсбэшников подозрения, после чего мы отправляемся на вокзал.

Гордый, как школьник, я вошел в здание вокзала и взял билет до указанной Командором станции. С биле-

том в кармане мне показалось, что я уже там. Через пару часов я покину поезд и растворюсь во тьме пыльных улиц небольшого городка. Получив вызов, смело направляюсь в пустыню, где меня подберет флиттер. Сутки спустя я буду на Дангоре.

Однако, пока еще рано пускать розовые слюни. Вокзал — идеальное место для слежки. Как только появляется удирающий куда-то тип, его всегда поджидают на вокзале. Что ж, надеюсь мой ангел-хранитель купил себе новый кусок замши, чтобы начистить мою путеводную звезду.

Мой поезд состоял из дюжины жемчужно-серых, сплюснутых сверху и снизу, закругленных с концов цилиндров. Внутри них были устроены овальные секции с уютными мягкими диванчиками. Я поставил робота-помощника в шкаф для бытовой техники, предварительно настроив его на исполнение моих мысленных приказов. Усевшись на диванчике, я с ленивым, скучающим взглядом, стал читать газету. До отправления оставалось 20 минут.

За 10 минут до отбытия, мимо моего окна прошли трое слишком крепко скроенных парней. Вид у этих малышей был такой, что им больше всего подходила каторга.

Я ни минуты не сомневался, что эти злобные гориллы по мою душу. Сомнение было лишь на счет того, от чьего лица они выступали — службы безопасности или друзей Люэн.

Я ждал с судорогой в горле. Хотя разум говорил, ничего с тобой не случится, инстинкт выл сиреной: атас! атас!

Прошло несколько минут. Пассажиры садились в вагоны. Я слышал, как они устраивались в соседнем купе и чирикали по-бельгондски. Где-то заплакал малыш... Толчки... Крики... Прерывистое дыхание... прекрасные звуки вокзала. Прекрасные, потому что это были звуки жизни, в которой я чувствовал себя... жалкой дрожащей былинкой. В животе у меня бурчало и внутренний холод стянул лицо. Я ждал... Косой взгляд на часы — до отправления пять минут.

Я вздрогнул, словно мне с размаху врезали по затылку, — в коридоре раздались шаги. Шаги, звук которых замирал у каждого купе... Я слышал, как открываются и закрываются в полной тишине двери. Сомнений нет... Это патруль... Я постарался сделаться совсем маленьким. Ес-

ли так будет продолжаться, через минуту я превращусь в обивку дивана. В настоящий момент это была моя голубая мечта.

Шаги приближались. Я видел, как начала поворачиваться ручка двери. Сильная рука схватила ее и потянула на себя, дверь резко распахнулась. Я закрыл глаза и сделал вид, будто сплю. Сквозь опущенные ресницы я разглядывал два суровых лица. Это были лица горилл, замаскированных мною через окно.

Я разглядывал их исподтишка, они меня, не скрываясь. Затем один вошел в купе. Другой остался в дверях. Тот, что вошел, дотронулся до моей руки, что-то говоря по-бельгондски. Я вздрогнул, как внезапно разбуженный человек, и выдал ему очаровательную улыбку. Затем вернувшись к суровой действительности, вытащил из кармана билет и протянул горилле, вроде бы не понимая его требований.

Номер не прошел. Здоровяк посоветовался с коллегой в дверном проеме и повторил свое требование предъявить документы. Одновременно второй тип втиснулся в купе, а на его месте возник третий. Господи, их там, как мух на помойке!

— Что вам нужно? — спросил я, по-прежнему изображая из себя ничего не понимающего иностранца.

— Покажите ваши документы! — ответил первая горилла на чистом дангорском.

Далее мы действовали почти синхронно. Почти, потому что я хоть на секунду, но был впереди. Я отдел приказ роботу напасть на бульдога, наседавшего на меня и успевшего уже достать наручники. Блокурая бестия в тот же миг выхватила бластер. Робот, как метеор, вылетел из шкафа и получил полновесный заряд в грудь. Однако это не остановило его — специального робота-бойца службы безопасности Дангора. Его бронированный кулак обрушился на череп гориллы и он смялся, словно яйцо.

Вторая горилла, столь же проворная, что и первая, снесла выстрелом голову моему всрному слуге. Воспользовавшись тем, что нападающий отвлекся, я вцепился левой в его кисть, сжимавшую бластер, а правой врубил ему по рогам. Бластер полетел в угол, противник на один диван, я на другой.

В этот миг на сцену выскочил третий артист. Я откинулся назад, одновременно согнув конечности, и отвесил ему жестокий удар ногой в нижнюю челюсть. Он получил сорок третьим размером серьезного мужчи-

ны, и я уверен, его внутренности заиграли марш: «меня тошнит».

Я вскочил и столкнулся лбом в лоб со вторым детской. Он врезал мне так, что теперь мои внутренности вывернулись, как фуфайка. Я рухнул. Здоровяк собрался с силами, чтобы продемонстрировать новый образец своего искусства боксера. Я получил боковой в скулу, прямой в лоб и начал считать звезды. Третий под дых подбросил меня в воздух и я услышал жалобный хруст моего пояса-хамелеона. Подлец знал, куда ударить.

Громила, которому я продемонстрировал свои грязные подошвы, сидел напротив с окровавленным ртом. Он вынимал зубы один за одним, как будто отрывал лепестки ромашки, и клеил на диван.

Этот спектакль страшно его унижал, а его напарника превратил в разъяренного быка. Он хотел подловить меня еще раз и, ожидая, что это будет хорошей дозой снотворного, вложил в удар всю свою силу. К несчастью для его фаланг, я успел уклониться, и его чудовищный кулак врезался в стену. Озлобленный живодер испустил душевраздирающий крик.

Его вопль вывел меня из летаргии. Я ударил его прямо в рыло. Его отбросило назад. Еще один удар ногой, но, какая жалость, мне не хватило места для размаха, вместо челюсти я угодил в ту часть его персоны, где собраны причендалы, служащие для продолжения рода. Удар по этому месту больнее, чем удар по самолюбию.

Громила зарычал, как раненый лев, и растянулся в проходе купе. Не забыв прихватить бластер и кейс, я перескочил через него и устремился в коридор. Беззубая горилла забыл свои зубы на диване и бросился мне вдогонку... Я выиграл чуть меньше метра. Вагон был переполнен, набит битком. Ужом проскальзывал я между людей и чемоданов. Столкнувшись со старушкой в черном, я поменялся с ней местами и всучил старую даму моему преследователю. Теперь он выглядел так, словно просил ее руки. Старушка среагировала быстро — вместо руки он получил по морде. Я вскочил на чей-то багаж и выпрыгнул через открытое окно на перрон...

А теперь, дамы и господа, ноги в руки! Целую, до пятницы! Я расталкивал людей, переворачивал чемоданы. Скакал, как легендарная птица-кенгуру с Земли, а может быть зверь, не помню. Но скакал здорово. Домчавшись до выхода с вокзала, я оказался лицом к лицу с большим и суровым служащим, которого уже предупредили, и, ко-

торый готов был исполнить свой долг. Я протянул ему билет, забыв разжать кулак, и угодил ему в подбородок. Бедняга перелетел через вертушку и шмякнулся затылком о стену.

Привет! привет! Лечись и думай о смысле жизни! Сзади послышались азартные крики. Я удвоил скорость. Вылетев из здания вокзала, я заметил черный грузовик. Я рванул к нему и вспрыгнул на подножку. Ошеломленный шофер смотрел на меня, не мигая.

— Моргни, папаша, и жми на полную, — сказал я ему, давая понюхать ствол бластера. Он, видимо, любил этот незабываемый запах, так как сразу дал по газам.

Мы летели по улицам на глазах у изумленных прохожих. Эсбэшники быстро вычислят меня, размышляя я, щурясь на ветру, и ринутся в погоню на своих флаерах, более быстрых, чем грузовик. Остаться на нем опасно.

На повороте я прыгнул... Бросил взгляд вокруг. Маленький кондитер слезал с велосипеда, держа перед собой торт с надписью «Честь Ярзуны». Я обесчестил эту «Честь», размазав по тротуару, и оседлав велик. Приподнявшись в седле, высунув язык, я накручивал педали... Сворачиваю, еще... еще... Плевать на направление, для меня хороши все, где меня не поймают.

Время от времени я оглядывался через плечо. Столица безмятежно купалась в солнечных лучах. Жители спокойны и не подозревают, какой страшный преступник катит мимо.

Я оставил велик у чьего-то порога, сворачиваю за угол и спокойно иду по узкой старинной улочке. Как хорошо жить! Розовое спокойствие разливается внутри. Мой «хамелеон» приказал долго жить, а я отнесся к этому столь философски. Сам удивляюсь себе.

Квартал, в котором я находился, спокоен. Дома здесь зажиточные. Если бы я ушел отсюда, то наверняка наравлся бы на кордон. «Эсбэ» знал теперь, что я в Столице, и скоро прочешет весь город. Но начнет не с таких кварталов.

Мне надо срочно воспользоваться короткой передышкой и найти укрытие. Но это возможно только теоретически. А что такое теоретическое укрытие? Место, где можно расположиться, не боясь быть замеченным. Где же мне расположиться, будучи гонимым, без друзей, без знакомых...

Слово «друг» застряло у меня в голове. Моргено! Если бы мне удалось связаться в нем, добрым старым другом,

он смог бы меня спасти. Его моральный долг оказать мне эту услугу, потому что мы работаем в одной связке и не раз спасали друг друга.

Но как с ним связаться? Я не знаю, где он живет. Я не ведаю, есть ли у него фон и не имею времени, чтобы разузнать это.

Пока я скреб свой котелок стамеской, пытаюсь выскрести из него дельную мысль, в конце улицы появился эсбэшник. Он сразу же обратил на меня внимание, едва увидел. Он не просто обратил внимание, он меня узнал! Ну и свист! Какие потрясающие звуки! Резковаты, правда, для моих ушей, но наверно обворожительны для ядовитых змей.

Я повернул назад. Проклятье! Моя нерасторопность дорого мне обходится... Другие пингвины, поднятые по тревоге свистком товарища, объявились на противоположном конце улицы. Настоящее нашествие! Положительно их здесь разводят. И когда они успели заполучить мой портрет? Во время драки в поезде?.. Ха-ха! Или до того?..

Я не на шутку сдрейфил. Для моих бельгондских коллег я был опасным преступником и, если я опять сейчас ввяжусь с ними в драку, то получу сполна на этот раз.

До чего паскудная жизнь! Вот ребята, с которыми у меня всегда были хорошие отношения, к которым я инстинктивно питал симпатию, а обстоятельства оборачиваются так, что я должен бежать от них, как от эпидемии космической чумы.

Я заметил монументальный портал по левой стороне и, не раздумывая, нырнул в него. Захлопнул тяжелую дверь, в замке торчал ключ. Я повернул его, чтобы выиграть время. Пока они будут растирать сухари, я, может быть, смогу вырыть крысиную нору и укрыться в ней.

Ракетой я пронесся через внутренний дворик, успев заметить посередине него, поросший мхом бассейн, наполненный заплесневелой водой. В другом конце двора была дверь. Только бы она оказалась не заперта, черт возьми! Я дернул ручку. Дверь не только открылась, но упала на меня, треснув по лбу, так как просто была прислонена к стене... Выхода у меня не было. Я затравленно огляделся. Массивная дверь, которую я запер на ключ, трещала под мощным напором парней из «эсбэ». Скоро она сдастся.

«Внутрь дома и на крышу!» — промелькнула суматошная мысль и мои ноги было уже рванули следом за

нею, но я вовремя дал по тормозам. К чему приведет это скакание по крыше. Все равно они знают, что я здесь.

В отчаянии я снова огляделся. Здание безмолвствовало. Окна были закрыты, добропорядочные бельгондцы отдыхали после обеда, никто меня не видел. Входная дверь угрожающе затрещала.

Я посмотрел в сторону бассейна и меня осенила идея. Она стояла того, чего стояла, правда, не слишком много. Но это все же лучше, чем задираТЬ лапки вверх. Я подошел к бассейну и смело перешагнул барьер. Воды было до середины бедер. Я раздвинул большие сиреневые листья плавучих голубых цветов и погрузился в воду. Над поверхностью остались глаза, нос, рот.

Я быстро замаскировался липкими листьями. Осклизлая гадость! Вонь!.. Остается только молить Бога, чтобы у них не появилась мысль проверить бассейн. Будем надеяться, что идиотская мысль спрятаться в нем, могла прийти только в мою дурацкую голову.

Несмотря на воду в ушах, я услышал треск поддавшейся двери. Раздался топот, крики, приказы, свистки... Орава эсбэшников бросилась на обыск здания.

Можно сказать, что бельгондские эсбэшники очень добросовестные люди. Обследование дома было методичным и скрупулезным. Через полчаса я увидел их на крыше и поздравил себя с тем, что не полез на верхотуру. Там меня спас бы только гравипояс.

Сквозь облепившие меня листья, я видел все весьма приблизительно, но тем не менее различал фигуры на крыше, фасад, усеянный многочисленными любопытными лицами. Не дай бог, какой-нибудь шустрик с соколиным взглядом примет эту игру всерьез да заорет, показывая на меня пальцем. Тогда я встану, увешанный листьями, дрожащий, мокрый и вонючий, и меня поведают...

К счастью в центре бассейна стояло что-то вроде большого гриба, откуда когда-то стекала вода. Этот колапак скрывал меня от посторонних взглядов.

Двое эсбэшников отделились от группы и подошли к лежавшей на дворе двери. Они что-то там прикинули и позвали своих друзей. Один тип объяснял, по-видимому, что я преодолел стену, используя дверь в качестве лестницы. Прекрасная мысль! Тем более, что она была принята единогласно и эсбэшники снова поскакали искать меня там, где меня не было.

Жители дома понемногу успокоились и убрались из

окон. Наконец-то я мог пошевелиться. Какие-то мелкие твари ползали, щекочась, по мне. Надеюсь они не сожрут меня до темноты!

Ох, как медленно тянулось время... Иногда затылок мой соскальзывал с липкого края и я наслаждался добрым глотком зловонной воды... Уже не первый час лежал я в бассейне и следил за солнцем. Вот оно покинуло двор, и я стал мерзнуть. Вот сгустились тени, и вода вокруг меня почернела.

Не пора ли мне встать с этой тинистой постели?.. Нет, еще слишком светло. Я не пройду и двух метров, как заверещат все свистки в округе. Ночь еще так далека... Еще часа два, ужас! Меня начало мутить. Вонь становилась непереносимой. А если я упаду в обморок? Что тогда произойдет? Начну пускать пузыри? Нет! Такая смерть не достойна парня, прожившего столь богатую жизнь, как я.

— Дружок, — сказал я себе, — посчитай до десяти... Затем тихонько осмотришься, нет ли кого у окна. Если никого не увидишь, вставай и выходи из бассейна... Пересечешь двор, поднимешься по лестнице... Заберешься на самый верх... В любом доме есть чердак. Там ты спрячешься, разденешься, чтобы высушить одежду...

Я замолк на полуслове, чья-то тень надвинулась на бассейн.

6

Я разинул рот, чтобы заорать, но подавился зловонной водой. Это был СКЕЛЕТ! Он смотрел на меня своими пустыми глазницами. Я мог засунуть палец в черную дырку его носа, пересчитать все зубы и ребра.

Оставалось сделать вывод: вода из фонтана не только отвратительна, но и вредна. Наглотавшись этой тухлятины, я начал бредить. Скелет сел на каменный барьер. Костяная рука протянулась к стеблю цветка, закрывавшего мое лицо, и наши взгляды встретились. Пустые глазницы бесстрастно изучали меня, затем зубы черепа задвигались, и я услышал голос. Это был голос молодой женщины.

— Думала, вы умерли!

Я промолчал, ожидая, что еще поведает мне этот загробный житель.

— Вот уже битый час, как я наблюдаю за вами из окна... Благодаря лучу солнца я замстила одну ногу в воде...

Я взяла бинокль и разглядела ваше лицо, скрытое листьями беры. Когда они ушли, я думала, вы тоже выйдете отсюда... Но не дождалась... Я думала, вы погибли!

Она прочитала в моих глазах тоску и затаенный страх и рассмеялась. Вы видели, как смеется скелет здоровой молодой женщины, скаля все свои 32 зуба?.. Очаровательно!

— Вылезайте!

Положение становилось смешным. Посмотрите на меня. Я превратился в карпа, который беседует со скелетом, сидящим на краю фонтана. Если бы мои коллеги могли видеть эту сцену, они дорого заплатили бы за зрелище.

— Вы не должны бояться меня. Я — прозрачник... Слышали о нас?..

— Да, да... — пробормотал я, припоминая. Прозрачники считали красоту обнаженного скелета красотой высшего порядка по сравнению с красотой скрывавшего его тела. С рождения они принимали специальные препараты, придерживались строгой диеты, что в сумме давало тот ошеломляющий эффект, который демонстрировала сидевшая предо мной дама.

— Если я выйду, — сказал я, — меня увидят... Это чудо, что только вы одна заметили меня...

— Однако не можете же вы находиться здесь бесконечно?

— Безусловно.

Я искал решение. Оно должно было найтись, поскольку теперь у меня была помощь.

— Не оставайтесь здесь, — продолжал я, — вы привлечете внимание ко мне.

Она поднялась, подумала мгновение в нерешительности... Затем удалилась.

Время шло и казалось мне нескончаемым. Наконец, в подъезде послышался шум. Это ОНА. Я узнал ее скользящие шаги. Прозрачник остановилась у бассейна и сказала что-то, я не понял что именно. Между домом и моим взглядом раскинулась тень. Красивая оранжевая тень. Я понял: она раскрыла пляжный зонтик и поставила его так, чтобы он закрыл бассейн.

— Не двигайтесь, — сказала прозрачник, — я пойду посмотрю из окна, хорошо ли вы скрыты.

— Предположим, он меня закрывает. А вы не думаете, что это удивит ваших соседей?

Она покачала черепом.

— Нет. Я часто прихожу сюда и открываю этот зонтик. К тому же они стараются не замечать меня. Я им неприятна. Мало ли что и зачем делает прозрачник.

— Подождите...

ОНА опять отбыла. Я ждал, душа цвела надеждой.

Вот она снова вернулась.

— Из дома ничего не видно. Вы можете выйти из бассейна при условии, что не будете разгибаться. Я вам принесла банный халат. Раздевайтесь, я вернусь...

Ошеломленный, я растянулся на животе на краю бассейна. Выбрался из водоема и с большим трудом скользнул на асфальт двора.

Некоторое время я хранил неподвижность, буквально изнуренный этим усилием. После водяных насекомых на меня напали сухопутные. Я заполз под зонт и начал раздеваться. Куча моей одежды смахивала на кучу рыбьей требухи. Я втиснулся в халат прозрачника, который затрещал по швам. Порывшись в карманах, я выудил все бумаги, которые у меня были, деньги и положил в карманы халата. Кейс с бесценным тиндейлом весил не 5, а все 25 орсов.

Девушка-прозрачник еще раз вернулась, прижимая к ребрам термос. Отвинтив крышку, она протянула ее мне, тоненькая струйка пара поднималась из горлышка.

— Что это такое?

— Местный напиток, чтоб вы набрались сил. Я добавила в него боргейна!

Господи! Опять этот боргейн! Надеюсь, он без снотворного.

Так или иначе, но трогательная забота милого скелетика вызвала давно забытое чувство — мне захотелось рыдать.

Прихлебывая из крышки термоса нечто гадкое, но жидкое и горячее, я с интересом разглядывал свою спасительницу. Вскоре я понял, что тело прозрачника невидимо только на ярком солнечном свете. Когда же она вставала в тени зонтика, если как следует приглядеться, становились различимы бледно-розовые губы, круги сосков, темнеющие к середине. Она походила на статуэтку из тончайшего стекла.

Движения ее были завораживающими. Вот мелькнул контур груди. Очень красивой груди. Мне хотелось увериться, что зрение не обмануло меня, я паялился в то место, где скрывалась эта грудь, но девушка замирала, и я не мог разглядеть уже ничего, кроме воздуха.

Но я был упорен и любознателен. Неожиданно прозрачник опять начинала двигаться, открывая моему взору контур стройного бедра или позволяя солнцу шаловливо играть зеркальными зайчиками на круглых ягодицах. Но вот досада, как только я начинал приглядываться, прозрачник замирала.

Утомившись от этих непрерывных эротических картинок, я спросил в упор:

— Почему вы это сделали?

Она дала исчерпывающий ответ:

— Я не знаю.

И я понял, что она действительно не знает.

— По дименсино сообщили о совершенных вами убийствах, — проинформировала меня прозрачник. — Эсбэ считает, что это связано со шпионажем.

— А-а! Вот так вот они думают...

— Да, это правда?.. Вы — шпион?

Это слово неприятно подействовало на меня.

— Не совсем точно. Я принадлежу к секретной службе дружественной планеты. Не СОХа, не пиратов...

— И это по приказу своего начальства вы убили этих людей?

— Позволь мне сохранить это в тайне.

Она не стала настаивать. Мы помолчали. Потом я спросил:

— Мы останемся здесь до ночи?

Она покачала головой.

— Нет, скоро будет проезжать цирк мутантов с Драбба. По соседней улице. И все выйдут посмотреть. Тогда вы сможете подняться ко мне.

Какая умная женщина, лучше не придумаешь. Я положил голову на согнутый локоть и погрузился в оцепенение, забыв о ее присутствии...

Вдруг она начала трясти меня за локоть.

— Пойдемте... Пришло время...

— Вы думаете?

— Да... Вы проспали больше часа. Я живу на третьем этаже. Берите зонт и постарайтесь прикрыть лицо...

Она собрала мою мокрую одежду и тесно прижалась ко мне, мы должны были изображать одну фигуру.

«Горячая, нежная и упругая» — определил я свои ощущения и крепко сжал ее тонкую талию.

Лестница... Я покосился на массивную дверь, которую несколько часов назад азартно штурмовали эсбэшники Бельгонды. Интересно, если кто-нибудь войдет сейчас,

что он подумает, увидев мужика, завернутого в купальный халат с цветастым зонтиком над головой и скелетом в обнимку?

Но я этого не узнал, так как никто не появился. Мы вошли в подъезд, взбежали на третий этаж, прыгая через ступени. Прозрачник толчком открыла дверь. Сообразительная девушка догадалась не запирасть ее. Я почти ворвался в квартиру. Поставив зонт у двери, я взял у прозрачника свою одежду и осведомился, где располагается ванная комната. Она проводила меня, дала полотенце и простыню взамен своего халата, еле прикрывавшего отдельные части моего большого тела. Мы прошли в комнату.

— Садитесь...

Диван, на который указала мне прозрачник, был вполне обычного вида в отличие от своей хозяйки.

— Лягте, — посоветовала женщина-прозрачник, — вы кажетесь очень усталым.

Я действительно устал. И очень-очень плохо себя чувствовал. Откровенно говоря, я просто разваливался на куски: меня тошнило, сильно болела голова. А кроме того, несмотря на мое состояние, я чувствовал, что от меня жутко воняет.

— Скажите, не могу ли я принять ванну?

— Я хотела вам это предложить...

Я покинул уютный диван и побрел, шатаясь в ванную. Скелетик покачала мне вслед своим черепом.

— У вас совершенно никудышный вид! — Заметила она.

— Ничего, завтра я буду в порядке.

Я пустил горячую воду она обнимала меня как одеяло, как нежная страстная женщина. Я вытягиваюсь, блаженствуя, но блаженство длится недолго — сердце начинает колотиться, как сумасшедшее, я задыхаюсь. Скорее, прочь отсюда, говорю я себе, и с огромным трудом вылезаю из ванны.

Беру простыню и медленно-медленно заворачиваюсь в нее. Все плывет в тумане. Скелетик раскачивается, как маятник, подле приготовленной постели. Я впиваюсь взглядом в белую простынь и неуверенными шагами иду к ней. Падаю, бормоча:

— Простите...

Скелетик набрасывает на меня одеяла.

— Спите, — слышу я будто из другого мира.

Когда я проснулся, было утро. Розовый свет разлился по комнате. Девушка готовила что-то на кухне. Это что-то испускало вкусный запах теплого масла, жареного лука, мяса. Я закричал:

— Эй!

Она явилась тут же во всей своей красе.

— Что с вами?

— Голоден!

Она засмеялась.

— Вы быстро пришли в себя!

— Благодаря вам!

— Пф!..

— Да! То, что вы здесь совершили, просто сенсационно... Вам ничто не говорило, что я опасный злодей, вы что-то вчера слышали по дименсино...

— Злодей не стал бы прятаться в бассейне.

— Почему?

— Потому что злодей — трус!

У нее вполне сложившееся мнение... Аромат на кухне сменился запахом гари, и милый скелетик бросилась вон из комнаты.

Чудесная малютка! Подумать только, ничего не зная обо мне, рискнула своей честью и безопасностью, чтобы вырвать меня из когтей эсбэ и смерти!

Она вернулась.

— Большие потери?

— Нет, пустяки, немного подгорело мясо.

— У вас не будет неприятностей из-за меня?

— Никто не имеет понятия, что вы здесь.

— Ваши соседи?..

— Я ни с кем не общаюсь.

— Мужчина?..

— Сейчас я одна.

Я представил малышку плачущей из-за того, что ее бросил такой же скелет, но только побольше. Он сказал: «Мне надоело стучать с тобой костями». «Почему, милый!» «У тебя не тот звук. Вначале он очаровывал меня, но теперь раздражает. В нем появилась дребезжащая нотка. Наша любовь дала трещину».

Как бы там ни было, мне это было на руку.

— Будем завтракать?

— С удовольствием.

Она прикатила к дивану столик на колесах и постави-

ла два прибора. Очаровательно! Честное слово, иногда приятно и поболеть.

— Надеюсь, завтра утром смогу уйти, — сказал я, когда она все убрала.

Девушка застыла, раскрыв глаза от изумления, сказал бы я, если мог бы видеть что-то в пустых глазницах.

— Завтра? Вы сошли с ума!.. Вы не стоите на ногах... Вас ищут повсюду...

— Я быстро восстанавливаюсь. А искать меня будут долго, так что...

— Вы мне не доверяете?

— Что за вздор! Меня терзают угрызения совести!

— Тогда прогоните их!

Она вышла. Я подумал и последовал ее совету: мне стало совсем хорошо. Я дал ей прозвище — Стеклышко.

8

На следующее утро я встал бодрым и полным сил. Было еще рано. Я прислушался — в квартире стояла полная тишина. Встревожившись, я направился на кухню. Там на надувном матрасе спала Стеклышко. Она лежала, уткнувшись носом в подушку. Ее трогательный черепок и узкая кисть мертвеца выглядывали из-под пушистого одеяла.

Скрип двери разбудил ее. Она приподнялась, опираясь на локоть, и стала протирать глаза.

— Вы уже встали?

— У меня сердце разрывается, когда я вижу вас на полу, а сам валяюсь в вашей постели!

Подогнув под себя ноги, я сел на пол подле нее.

— Что-нибудь было новенькое о моем деле?

— Эсбэ думает, что это сведение счетов между двумя экстремистскими группировками. Она также думает, что вы улетели на посадочном боте и что ваш корабль уже покинул орбиту Бельгонды.

— Хорошо...

Я задумался. Мне необходимы были еще день-два, чтобы уладить дела: выйти на Моргено, ведь без меня он не может уничтожить супероружие. Чем дольше он держит его у себя, тем большей опасности подвергается дело. С Моргено я должен начать. Придумал же Командор эту супербезопасную схему. А если бы меня взяли? Моргено дожидался бы моего освобождения?.. Сомневаюсь, без сомнения на этот случай у него были

особые инструкции, о которых шеф не поведал мне из скромности.

Тем не менее, первым пунктом — Моргено. Затем свяжусь с кораблем, по мнению эсбэ покинувшим Бельгонду, и улечу на самом деле, прихватив тиндейл. Но разыскать Моргено я смогу лишь выйдя на улицу, где на каждом углу развешаны мои портреты. Придется...

Вдруг я осознал, что Стеклышко рядом. Я поднес руку к ее хрупкому затылку, и она вздрогнула от моего прикосновения. Потихоньку я привлек ее к себе и положил поперек матраса. Мои губы встретились с ее губами и это было великолепно. За время, меньшее, чем часы успели тикнуть трижды, я оказался у нее под одеялом, и понял, какое великое преимущество быть прозрачником и не носить одежды.

Стеклышко стащила с меня брюки и прильнула горячим телом. Сколько же она ждала этой минуты! «Возьми меня всю», это выражение было ей хорошо известно. Она была столь же чувственна, сколь оригинальна. Теперь я понял. Ореол преследуемого агента в пиковом положении возбуждал ее. Выхаживая меня, она трудилась для своего личного блага. До чего же сложны женщины! Они пойдут на все ради своего удовольствия. Они готовы выкормить мужика собственным молоком, чтобы положить его к себе в постель, когда он созреет.

Надо думать, мои способности показались ей удовлетворительными, так как Стеклышко покрыла меня жаркими поцелуями. Затем, как все любовники во Вселенной, мы заснули.

Ближайшие городские часы пробили двенадцать. Я сосчитал сквозь сон. Да, пробило точно полдень. Я уютно нежился около Стеклышка. Ее горячее тело вливалось в мои вены чудесную юность. Лаская ее гладкое плечо, я сказал себе: «Еще одна, парень!»

Я не тщеславен и не циничен, однако моей мужской гордости необходим новый успех у женщин. Как еще я могу доказать себе, что все еще мужчина.

Все было прекрасно. Стеклышко ворковала рядом, я был счастлив. Это хороший признак. Обычно, сразу после того, как я развлекусь с девушкой, меня тянет закурить сигарету на другом конце планеты.

Стеклышко приподнялась и поцеловала меня.

— Я тебя люблю...

— Я тоже, малышка. — И добавил. — И это вызвало во мне волчий аппетит!

— Я пойду куплю чего-нибудь на завтрак. Чего бы тебе хотелось?

— Яичницы с ветчиной.

— Ты нетребователен...

— И еще бутылку шампанского!.. Да, когда будешь ходить по магазинам, купи мне новую одежду. Мои лохмотья не годны к длительному употреблению после купания.

— Какого цвета?

— Какой тебе понравится...

Какая идиллия! Ты меня любишь, я тебя люблю, мы будем любить друг друга! Это всегда доставляет удовольствие и стоит недорого.

— У тебя есть на чем и чем писать?

— Конечно...

Стеклышко подала мне бумагу и ручку.

— Это тебе подойдет?

— Выясни номер фона вот по этому адресу, а также, как туда добраться. Где это место. И кроме того... — я встал и вышел в комнату. Там я взял «хамелеона» и сел за стол. Быстро разобрав пояс, я выяснил причину поломки. К счастью этот ценнейший аппарат можно было исправить. Я составил список необходимых деталей и вручил его Стеклышке.

— Я сделаю для тебя все, — сказала она, целуя меня в губы.

— Ты самая обожаемая. Иди скорее, чтобы скорее вернуться.

Стеклышко принесла все детали, необходимые для починки «хамелеона» и к моей великой радости он заработал. Теперь я мог относительно безбоязненно идти на свидание с Моргено. Я не стал долго ломать голову над тем, в каком виде мне явиться к нему, и выбрал образ юной обворожительной нимфы. Грудь у меня торчала, как снаряды, а при виде моего зада у пылких южан вскипала и запекалась в вешах кровь. Но не ради них надевал я на себя всю эту сбрую, хотелось порадовать старого товарища по оружию.

Стеклышко — ее настоящее имя было Иштар — хохотала до истерики, и мне пришлось выключить «хамелеона» из опасения за ее и собственное здоровье. Вид корча-

щегося в истерическом смехе скелета, мягко сказать, не слишком эстетичен.

На прощанье я пообещал ей вскоре вернуться и доказать, что я настоящий мужчина. Я пообещал также, что ее снова начнет корчить, но причина этого окажется иной.

Я провел со старым приятелем несколько отличных часов. Мы выпили, посмеялись, вспоминая совместные похождения, соединили свои бляхи, дававшие полномочия на уничтожение супероружия. Вскоре, откликнувшись на посланный ими зов, явились пятеро недостающих наблюдателей.

Затем мы торжественно поместили сосуды с культурой вируса в плазменную печь и уничтожили этот нависший над Вселенной кошмар.

Дангор продолжал жить своей обычной жизнью и не подозревал, что несколько минут назад мы избавили его обитателей от ужасной смерти или новой звездной войны. Выбирайте, что больше по вкусу.

Моргено чуть не упал со стула, когда я вошел в его скромные апартаменты, развратно вихляя бедрами и наградив его самой чарующей улыбкой, которую мог изобразить.

Он даже привстал. Я его понимал, при виде такой секс-бомбы ни один нормальный мужчина не усидит.

— Чем могу служить, пермангана? — спросил старый боевой конь, используя вежливое бельгондийское обращение.

Я поправил свою левую грудь ладонью и она заколыхалась. Глаза Моргено забегали следом, словно два маятника. Сев напротив, я заложил ногу за ногу, подпернув подол короткой юбки и открывая обозрению свои закрома. Моргено нырнул взглядом под юбку, потом перевел его на мою грудь — она все еще продолжала колыхаться — и тогда я отключил «хамелеона».

Визг и хохот. Нечленораздельные выкрики, изображавшие восторг, и шлепки по ляжкам. Ему понравилось мое представление.

Когда с дьявольским микробом было покончено, я рассказал Моргено о своих проблемах. Он хмуро выслушал меня.

— Лапша с яйцами, — начал отчитывать меня этот тип. — Попасться на такую дешевку. Из-за тебя мне пришлось делать двойную работу.

— Ты забыл, дружок, это из-за тебя нам пришлось делать двойную работу. Нашел стукача?

Он секунду смотрел на меня, будто не понял, затем отрицательно покачал головой:

— Пока все чисты. Никакой зацепки.

— Очень мило. Учти, если бы я не попал в эту ловушку, мы бы сейчас с тобой не разговаривали. Они поспешили, провели захват грязно и засветились.

— Не такие уж они дилетанты, как хочет представить твое оскорбленное самолюбие, — подковырнул меня Моргено. — Ты не смог задурить им голову всеми своими примочками, — он ткнул пальцем в «хамелеона»: Они вели тебя до самого поезда. Если бы не робот и не твоя везучесть, ты бы сейчас сидел где-нибудь упакованный по первому классу.

Я вздохнул и в рассеянности почесал накладную грудь. С ним трудно было не согласиться.

— Да, дорогой, как ты скажешь, дорогой, — ответил ему я, жеманно поводя плечом. — Может быть и сейчас я подставляю тебя и ребят, но другого выхода не было. Вирус нужно было уничтожить. И потом, мне кажется, моих неизвестных поклонников больше интересует тиндейл, чем супероружие. Они не оказали тебе того же внимания, что и мне. Ты имеешь все основания обижаться на них.

Мы помолчали, думая каждый об одном и том же. Ситуация сложилась тухлая. Главное было сделано — Моргено обдурил Несущих, как желторотых цыплят. Пять орсов поддельного тиндейла, пояса-«хамелеоны» и АА со своей командой предстал перед фанатиками. С идейной частью у них все обстояло здорово — уничтожение человечества и все такое прочее, но с контрразведкой и техническим оснащением — из рук вон плохо. Их без труда скрутили и переправили на корабль-невидимку, который сутки назад отбыл на Дангор.

Теперь мы могли подумать и о себе. Если я лишусь тиндейла, шеф не слишком расстроится. Деньги, конечно, немалые, но главное было не дать попасть ему в руки Несущих.

— Если понадобится срочная помощь, ты знаешь, где меня искать, — сказал я на прощанье и включил «хамелеона».

— Ты тоже.

Я сжал ладонями свои чудесные груди так, что они чуть не выскочили из платья, сложив губы трубочкой, послал Моргено воздушный поцелуй.

— Я люблю тебя, дорогой.

Прсжде чем приступить к обеду, приготовленному Скелетиком-Стеклышком-Иштар, я прошелся по квартире. Коридор, ведущий от входной двери, делал поворот 90°, за которым стоял большой книжный шкаф. Если этот шкаф обрушить поперек прохода, получится неплохая баррикада. Конечно, если ОНИ станут пользоваться только парализаторами и огнестрельным оружием. Против бластера нужна броня.

Я выглянул из-за занавески во двор и с удовольствием отметил, что приобретенной на обратном пути от Моргено домой альпинистской веревки хватит с лихвой, чтобы бежать этим путем. Затем прошел в ванную комнату. Там было узкое оконце, смотревшее глаз в глаз точно такого же, заросшего грязью, оконца соседнего дома. Я спросил Иштар, что там. Чулан, ответила она, где помещается установка регулирования климата... То, что надо!

В ванной комнате моей новой подружки нашелся большой лист прочного на вид пластика. Я положил его концами на два стула и лег сверху. Покачался на нем, пластик даже не прогнулся.

Я перекинул между домами мостик и сполз по нему к противоположному оконцу — оно располагалось чуть ниже моего. Обследовав раму, я убедился, что она открывается легко — достаточно поддсть ее снизу ножом и готово.

Что я и сделал. Влез внутрь, подергал ручку двери, дверь была заперта. Ничего, у меня был мой чудесный «взламыватель замков», моя супероткрывашка. Если она справилась с кейсом АА, то с этой дверью справится и подавно.

На обратно пути я не стал закрывать окно чулана до конца, иногда мгновенья решают все. Вернувшись в уютную квартирку Скелетика, я объяснил ей, что все это элементарные меры предосторожности и, если она намеревается провести некоторое время в моем обществе, то должна спокойно воспринимать некоторые непривычные для нее вещи. Для меня это то же самое, что умываться и чистить зубы по утрам и вечерам. Только благодаря моим пунктуальности и осторожности она имеет честь видеть меня в своей постели.

На что получил резонный ответ, что она как раз этого и не видит — меня в своей постели. Обед пришлось отложить, и я устроил небольшой гала-концерт. Для разогре-

ва я показал ей «фаршированную индюшку», а когда она загремела всеми своими нежными косточками, продемонстрировал «пишущую машинку» — скорость, точность, жирная печать. Стеклышко стонала и извивалась подо мной, когда я нажимал на табулятор или передвигал каретку. Завершил это безумие я своим коронным номером — «вертушкой».

Женщины, удостоившиеся чести вознестись на эту вершину наслаждения, уже никогда оттуда не спускались. Из 3054, согласно моему реестру (может я кого-нибудь и позабыл внести в него, при моей суматошной профессии это немудрено), попробовавших «вертушку», 115 ушли в монастырь, 72 — в дом терпимости, 13 были обнаружены с пулей в голове или полным желудком снотворных таблеток, 379 стали членами оргастических сект. Это вам что-нибудь говорит?

В итоге, подавать обед пришлось мне самому. Иштар была в совершенно разобранном состоянии.

После того, как все наши желания были удовлетворены настало время более близкого знакомства. Нет, мы не стали поведывать друг другу захватывающие и печальные истории из своих биографий, мы задали друг другу ровно по одному вопросу.

Ее ужасно заинтересовало, КАК МНЕ УДАЛОСЬ СОТВОРИТЬ С НЕЙ ТАКОЕ?

Я прочел ей стандартную лекцию для восхищенных дам, в которой сообщалось, что мать моя была с планеты людей-змей, а отец с Трансформа. Это скрещение придало моему организму некоторые любопытные свойства. Как отец, я мог изменять внешний облик, правда, значительно медленнее. После нашей первой ночи с Иштар я сделал определенные выводы о ее внутреннем строении и трансформировал соответствующим образом ту часть тела, которая так занимает сейчас ее воображение.

Затем я объяснил ей, что если у женщин-змей раздвоенный язык располагается во рту, то у мужчин совсем в другом месте. При этом мой язычок ужасно проворен и нежен, может доставлять несказанное наслаждение.

Полученная информация ошеломила Стеклышко. Когда она справилась с собой, то потребовала предъявить верительные грамоты. Экскурсия по музею была долгой и обогатила ее новыми знаниями.

Настал мой черед задавать вопросы. Я признался, что вот уже второй день пытаюсь представить, как она выгля-

дела бы в нормальном человеческом облике. Знает ли это она сама?

Конечно, ответила Скелетик. Она включила дименсiono и продемонстрировала мне свою компьютерную реконструкцию. Иштар оказалась пепельной блондинкой с огромными черными глазами, нежно-розовыми сосками и молочной кожей. Все остальное, кроме цветов, я о ней уже знал.

10

Вечером мы собирались отбыть в направлении, которое не намеревались указывать эсбэ Бельгонды. Но до вечера надо было дожить. Я привел в готовность весь свой арсенал, точнее новый комплект, полученный от Моргено. На окно в комнате прилепил «сторожа». Он должен был сообщить мне обо всех визитерах, входящих во двор дома, если их окажется болсс одного человека.

После обеда «сторож» истошно заверещал своим тонким голоском и изо всех сил замигал. Я подлетел к окну и увидел четырех типов препротивного образа. Не тратя времени даром, я переправил Стеклышко, кейс с тиндейлом и свой инвентарь в чулан соседнего дома и велел ей ждать меня. Я уже буквально слышал, как убийцы топают по лестнице. Лихорадочно распаковал брикет пластиплоти и воткнул в него «кукловода».

Пластиплоть стала раздуваться, расти, одновременно приобретая заданную форму. Не прошло и минуты, как в кресле передо мной сидела копия той красотки, под которую я замаскировался идя к Моргено. Сжимая в кулаке пульт дистанционного управления, я рванул в ванную комнату. Отмычка уже тихо ворочалась в замке входной двери.

Свалившись на Иштар, я втянул пластиковую доску и опустил раму.

— Зачем ты посадил эту девку в мое кресло? — недовольным шепотом спросила Скелетик, глядя на крохотный экран пульта.

— Ее видели многие, тебя никто. Кстати, — я посмотрел на нее, удивляясь собственной сообразительности, — я никому не сказал, что ты прозрачник.

— И Моргено?

— И Моргено.

Наше внимание вновь приковал к себе экранчик. Типы схватили задремавшую в кресле девушку и привязали

ее к нему. Вначале они просто задавали вопросы, интересуясь моим нынешним местонахождением. Потом разозленные молчанием куклы, заклеили ей рот, обнажили груди и стали прижигать их сигаретой.

«Кричи и извивайся!» — приказал я. «Кукловод» послушно исполнил мое указание. Обе стороны с усердием выполняли свои роли: палачи мучили жертву, жертва страдала.

Не добившись успеха, они занялись ее ногтями. В ход пошли иглы и щипцы. Безрезультатно.

Тогда мучители отвязали куклу от кресла, раздели до гола, поставили на четвереньки и закрепили в такой позе. Конечно, при виде ее чудесного задика у них появились посторонние мысли. Как мужчина я их понимал, когда в течение получаса, а может, и дольше они насиловали ее.

Когда последний из палачей застегнул штаны, их главарь связался с центральной конторой и получил новые указания. Два типа покинули квартиру Иштар, а оставшиеся приступили, как я понял, к заключительной пытке. Главарь достал «паяльник» — так мы называем длинный штырь с ручкой, который раскаляется до нужной температуры. Когда конец его засветился красным, главарь стал медленно вводить его в зад куклы. Она выдала им такой каскад прыжков, что лучшая актриса Галактики умерла бы от зависти.

Сволочи вошли в раж и всадили свою железку в то место, что предназначено для наслаждения, а не для боли.

По моему приказу кукла потеряла сознание и повисла на веревках.

Увлечшиеся изуверы не заметили, как я и Стеклышко бесшумно перебрались в ванную комнату. Я глянул на экран пульта: бандиты отвязали жертву и усадили в кресло. Главарь достал нож, схватил куклу за волосы и, запрокинув ей голову, спокойно перерезал горло. Ну и методы! Я еле успел приказать «кукловоду» пустить кровь.

И тут на сцену выступил я. Мне пришлось легонько кашлянуть, чтобы привлечь к себе внимание ублюдков. Они обернулись и, разинув рты, уставились на явившееся пред их поганые очи привидение.

— Привет, говнюки! — сказал я и отдал «кукловоду» команду. Руки куклы взметнулись и впились в глотки бандитов.

Для них это было испытанием, когда истерзанный труп с перерезанным горлом, обожженной, залитой кровью грудью, открыл глаза и вцепился в их бычьи шеи.

Я скользнул к главарию и временно отключил его ударом рукоятки бластера по кумполу.

Второму типу я связал руки за спиной, после чего приказал «кукловоду» отпустить его горло. Затем отдал команду свернуть пластиплоть. Минута, и мертвая красotka на глазах обалдевшего убийцы превратилась в скромных размеров брикет. Рядом на сиденьи лежал «кукловод» и комки испорченного материала.

Я спрятал инвентарь в «сумку фокусника» и толкнул пленника в кресло. Очень символично — он занял место своей жертвы. Пусть подумает, чем это может кончиться.

— Ну что, лапша с яйцами, что ты думаешь о моем трюке?

Он не ответил, по крайней мере словами. Его упорный ненавидящий взгляд создавал дискомфорт. Я подумал и прописал ему удар под дых, который наполнил его глаза слезами.

— Сволочь! — проскрипел он.

Я повторил.

— Начнем сначала. Во-первых, вежливость. Понятно?

Казалось, он был не вполне уверен. В третий раз для разнообразия я съездил ему по морде.

— Ты должен понять, что упрямство тебе не поможет. Я взял верх, а против силы не поперешь. Теперь ясно?

Он сделал едва уловимое движение головой. Я принял его за знак согласия.

— Я знаю, что ты принадлежишь к организации, но не знаю, к какой — Несущим, Воинам, Девятке.

Он казался удивленным, по его рожу я понял, что допустил промах.

— Не согласен? — спросил я и дал бандиту зуботычину.

У него пошла кровь из губы, от чего он сильно погрузнел.

— Я не из сети, — ответил он. — Я просто друг Попки Лю.

Очко не в мою пользу. Когда начинаешь задирать нос перед кем-то, надо по крайней мере, выгresti из того всю правду, иначе, если он поймает тебя на ошибке, ты рискуешь остаться в дураках. Я принялся снова воздействовать на него устно.

— Ты, невылупившийся кретин! Невооруженным глазом видно, что ты принадлежишь к организации. Давай колись!

Он скривил свою мерзкую рожу.

— Скажите пожалуйста!

Я смотрел на него и думал:

«У тебя харя мерзавца. Ты уколошил бы мою Иштар также, как уколошил куклу из пластиплоти. Ты бы мучил и насиловал ее, а потом хладнокровно перерезал горло».

Нервы мои сдали. Я набросился на него и стал молотить изо всех сил. О, как это было приятно. Почти сексуальное наслаждение. Я работал как скульптор. Под моими кулаками его лицо понемногу менялось. Я смастерил ему красивые солнечные очки, толстые щеки, плоский монгольский нос. Завтра утром его родная мама не узнает, честное слово. Если у него назначено свидание с подружкой, она примет его за другого и выгонит пинком по яйцам.

Наконец я остановился, пьяный от усталости. Типчик в кресле хныкал и стонал.

— Подлюга! — сказал я, — ты меня утомил! Теперь будешь говорить без единого жеста с моей стороны, потому что этот жест будет для тебя последним!

И он заговорил. Скотина сам напросился. Ему потребовалось всего несколько дополнительных оплеух для оправдания своей слабости, затем все пошло само собой.

— Я слушаю тебя, олух! Ну, или я тебя изничтожу! Кто такая Попка Лю?

— Бывшая жена Кварелли... Люэн.

У меня брови полезли вверх. Кварелли!.. Общественный враг номер один. Пират: порт приписки Сиквест. В прошлом году эскадра Дангора разнесла в пух и прах его корабли и его самого. Так вот какой чести я удостоился!

— А дальше? — спросил я.

— После смерти Кварелли Лю скрывалась где-то... не знаю... Потом встретила одного типа, который занимался шпионажем и стала жить с ним.

— Хорошо, потом?

— Лю написала, чтобы мы вчетвером прилетели и присоединились к ней для большого дела. Мы и прилетели...

— И что это за большое дело?

— Один тип из СОХа вез громадную сумму в слитках... Мы должны были отобрать их у него по дороге. Но вы нас опередили. Мы потеряли вас, когда вы бежали с вокзала.

— Это она послала вас сюда?

— Да. Она почти все время знала, где вы находитесь.

— От кого?

— Она никогда не говорила.

— Может быть он знает? — я кивнул головой в сторону главаря.

Бандит покачал головой.

— Она никому не говорила, никогда не показывала его.

Я задумался. Значит версия о червячке в нашем чистом яблоке оказалась верной. Кто же этот червячок?.. Пожалуй, самый простой способ найти его — найти Лю.

И тут на сцену выступила Иштар. В руке у нее была сечка для рубки капусты. Увидев ее, парень в кресле остолбенел. Придя в себя, он завизжал, чтобы я убрал свою куклу, он сыт по горло моими фокусами.

Я объяснил ублюдку, что Стеклышко такая же кукла, как мы с ним. Ублюдок не поверил. Что ж, сказал я ему, он может не верить ничему. Но Стеклышко убедит его, когда нарежет его колбасу кружочками, высушит на солнце и станет продавать старым девам как сувениры.

Он опять заорал... Хороший удар рукояткой бластера по макушке успокоил его.

Следующие полчаса я работал с главарем, но ничего принципиально нового он мне не поведал.

Снова заверещал и замигал «сторож». Я бросился к окну. Во дворе опять стояли четыре гориллы с рожами мрачных убийц и садистов.

— Быстро собери вещи, без которых не обойтись, и мотай в чулан! — крикнул я своей подруге.

Стеклышко, не произнеся ни звука, заметалась по комнате.

Я со своей стороны запрограммировал «кукловода» на многострадальную темноволосую красотку с аппетитными формами. Развязав бесчувственного бандита, которого допрашивал первым, положил его рядом с телом жертвы и сунул в лапу его личный бластер. Поставив собственный на минимум, аккуратно прострелил подлещу затылок. Затем обернулся к главарю.

— Нет! Пожалуйста нет! — закричал он, но я оборвал его крик. Сунув в руку бластер, торчавший у него в кобуре под мышкой, я опрокинул кресло. Главарь вывалился на пол, оружие отлетело к стене.

Стрелой я метнулся в ванную комнату, вылез в окно, захлопнул его, шмыгнул в чулан, убрал мостик и опустил раму. После чего позволил себе вдохнуть и выдохнуть.

Подошел к двери и прилепил к замку моего «взламывателя». Еще минута, и мы оказались на свободе.

Скелетик отвела меня к своим друзьям-прозрачникам, у которых мы и укрылись на время. От беготни и убийств у меня голова шла кругом. Чтобы чего-нибудь не упустить, я сел один в пустой комнате и стал сводить концы с концами.

Что-то я совсем потерял форму: ни опыт, ни снаряжение, которое другим и не снилось, ни знание того, что я на крючке, не помогали мне уйти от «хвоста». Мне и сейчас было неизвестно, ушел ли я от него на этот раз.

Моргено я наверняка засветил. Пиратов, как и «девятку» могут интересовать обе вещи — супероружие и тиндейл. Абсолютная власть и деньги — кто не мечтает об этом.

Однако Моргено я помочь ничем не мог. Если «хвост» у меня на «хвосте» (простите меня за неуклюжий каламбур), прямой контакт может погубить Моргено в том случае, коли я ошибаюсь, и он вне подозрений. Ежели его засекли, а меня потеряли, я сам облегчу своим недоброжелателям работу. Используй я любые распространенные средства связи — результат будет тот же — если сидят на «хвосте» у Моргено, узнают, где я, если у меня — где он. Куда ни ткнишь, везде тупик.

Что оставалось делать мне?.. Исчезнуть на время из Столицы, пока не утихомируются все — эсбэшники, фанатики, пираты. Вернуться, выйти на связь с резидентом и убраться скорее на Дангор. Сейчас главная задача — выбраться из города. Как это сделать?.. Может быть Иштар и ее братья-скелетики предложат что-нибудь дельное?..

И они предложили. Оказалось, что с помощью двойной дозы специального препарата можно сделаться прозрачником на 5—6 часов. Правда, при этом, предупредили меня, я буду чувствовать себя препогано, поскольку приму препарат без подготовки.

Да! Это был выход. Меня могли искать в каком угодно обличье, но только не в обличье настоящего прозрачника. На окраине нас будут ждать «торпеды» — индивидуальные транспортные средства на гравиподушках, в багажниках которых мы найдем свои вещи, запас продовольствия и кое-какое другое снаряжение. Укрыться нам советовали в общине прозрачников, находившейся в двух днях пути от Столицы.

На все это мне нечего было возразить и я сказал: по коням!

10

Мы покинули Столицу глубокой ночью. Утро и весь следующий день прошли спокойно, а вечером на закате нас неожиданно обстреляли с флаера. По их замашкам я сразу сообразил, к эсбэ они не имеют никакого отношения.

Пришпорив «торпеды», мы нырнули под спасительную сень леса и были таковы. После Седьмой Звездной на Бельгонде уж если что росло, то росло. Планету как следует подогрели ультрабомбами — мутанты-деревья, мутанты-звери, мутанты-люди...

Флаер покружил над джунглями, время от времени пронзая зеленое покрывало лучом бластера, и улетел.

Мы вновь выбрались на дорогу и погнали так быстро, как могли. И это была моя тактическая ошибка, к ночи на нас опять напали — в черном небе появились бортовые огни двух машин. Они снизились и сели на дорогу.

Меня и Стеклышко осенило одновременно — они высаживают десант! За нами будут гнаться по земле, от юрких «торпед» просто так не укроешься в придорожных зарослях.

— Придется уходить с дороги, — сказал я. — Сможем мы пробраться через лес?

— Будет трудно, — ответила Стеклышко. — Но до города не так далеко, послезавтра, если не станем слишком удаляться от дороги, мы будем на месте. Нужно надеть костюмы, тут много всякой ядовитой пакости — насекомых, змей, мелкого зверья.

Мы надели костюмы и шлемы — пот сразу начал заливать глаза, но приходилось терпеть.

Прежде чем вскочить в седло и дать по газам, я положил руку на плечо моей возлюбленной и сказал:

— Нам не надо в город, дорогая. Нам нужно ехать, куда угодно, только не туда, куда мы собирались.

— Почему? — наивно спросила она.

— Мой фокус с куклой задержал погоню, но не сбил ее со следа. Они выяснили, кто на самом деле живет в твоей квартире. У тебя, к несчастью, слишком приметная внешность. В Столице много прозрачников?

— Нет. Большинство живет в трех общинах.

— Думаю, за последние сутки их число сократилось.

Подонки добрались до твоих друзей и вытрясли из них все. Поэтому они появились здесь на дороге. Нам не нужно в Барсак — нас там будут ждать. Нам нужно просто исчезнуть, раствориться, как призрак в тумане.

И еще одна проблема... Не могла бы ты проделать с собой то же, что вы проделали со мной, только наоборот?

— Не понимаю...

— Превратиться в обычную женщину.

— Я так и знала! — воскликнула Скелетик с обидой и вызовом. — Пока ты во мне нуждался, я была для тебя и такая хороша, а как только...

— Глупая! — перебил ее я. — Меня твоя внешность устраивает по-прежнему. Я доказываю тебе это каждый раз, как опрокидываю тебя на спинку. Но у нас возникла проблема. Можно замаскировать тебя с помощью «хамелеона», но достаточно им будет включить детектор и увидеть, кто скрывается под маской обычной девушки, как все станет ясно. Мы слишком заметная пара.

— Можно превратиться... — буркнула Иштар. — Но для этого мне придется есть сырое мясо, а я его терпеть не могу, и принимать специальные препараты. И не спать с тобой 3—4 дня! — закончила она с вызовом.

Я рассмеялся.

— Все, кроме последнего, чепуха! Но думаю, ребята, что повисли у нас на хвосте, позаботятся, чтобы на ЭТО у нас не осталось времени. По коням!

И мы углубились в ночной лес.

11

В джунглях Бельгонды подпирали небо гигантские — высотой в сотню метров — деревья самых разных пород. По ветвям верхнего яруса, наполняя лес неумолчными криками, скакали горсы и паргусы, хвостатые, пушистые и безобидные; взлетали, хлопая крыльями и щебеча, птицы с ярким опереньем. Ниже, под этим постоянно волнующимся морем зеленой листвы, было царство ползучих растений; лианы толщиной в человеческую ногу свисали петлями, переплетались и свивались в клубки. По лианам в поисках добычи ползали большие, как крабы, мохнатые пауки; глаза их сверкали, будто пригоршни крохотных драгоценных камней. Прямо на стволах и ветвях деревьев коренились растения-паразиты, украшенные цветами нежнейших оттенков.

У самой земли в вечном сумраке нижнего яруса, куда

ни глянь, утопали в рыхлых кучах прелой листвы подножия древесных стволов. Там и сям лиственный ковер пробивали тонкие — большей частью засохшие — деревца и островки папоротника. Сквозь сплошной зеленый полог, если смотреть снизу, лишь изредка проглядывал клочок голубого неба, но порой золотой лучик, блеснувший в вышине меж ветвей, указывал направление, в котором следует искать утреннее солнце. Нам нечасто приходилось встретить крупных зверей, потому что они, издали учуяв людей, спешили уйти с дороги.

Мы почти не слезали с седел. Ночью нам ни минуты не удалось поспать. Краткие остановки, чтобы перекусить и немного отдохнуть, и снова дорога вперед, вперед, вперед. Мы были усталыми и измученными. Изнуряющая влажная жара просто доканывала в застегнутых наглухо костюмах. Я держался за руль только одной рукой. Не послушав Иштар, я снял куртку и на крутом вираже, стараясь удержать равновесие, ненароком схватился за колючий куст. Через два часа левая рука распухла и покраснела, запылала, как в огне. При каждом резком толчке ее словно пронзало острыми иголками, боль причиняла мне невыносимые мучения.

В очередной раз я остановился и направил сканер назад. На экране появились 10 красных движущихся точек. Они растянулись широкой дугой, ехали далеко друг от друга. Только один огонек значительно опередил остальные и мигал в опасной близости от нас.

— У нас на хвосте висит только один подонок, — сказал я. — Остальные растянулись слишком широкой цепью и уже потеряли друг друга из виду.

— Что ты собираешься делать?

— Спрячемся за этим деревом и дождемся преследователя. Надо покончить с ним быстро, чтобы не успел передать сигнал тревоги. Нет, лучше сделаем так: я спрячусь за этим деревом, а ты за тем.

Мы разъехались и укрылись за двумя стволами могучих древесных великанов, которые обступал густой кустарник. Наемник Попки Лю или кто там еще наверняка проедет здесь, иначе ему придется выжигать дорогу бластером.

Все ближе и ближе подбирался к нашей засаде огонек на экране. Вот уже стал слышен отдаленный треск ветвей. Наконец, когда напряженное ожидание стало невыносимым, он появился. Как и мы в костюме, шлеме, верхом

на «торпед»». На груди болтался бластер, у пояса — кинжал.

У Стеклышка не выдержали нервы, и она, высунувшись из-за ствола, послала в пирата очередь. У нее было местное автоматическое оружие с глушителем.

Пули взрыхлили почву перед «торпедой» пирата и он мгновенно остановился. Схватив бластер, он полоснул по стволу, за которым пряталась Иштар. Вспышка, шипение, пар — к счастью он не задел се. Дерево было слишком могучим даже для огненного луча.

Пржде чем пират сделал второй выстрел, луч моего бластера пронзил его грудь. Ублюдка подбросило в седле и, широко раскинув руки, он упал наземь.

Соскочив с «торпеды», я бросился к нему. Глаз не изменил мне — Смерть уже записала его имя в свою страшную книгу. Я вынул из нагрудного кармана трупа переговорное устройство, подсоединил к специальному щупу из своего набора фокусника и вонзил щуп в мозг мертвеца.

Когда из переговорного устройства донесся голос, зовущий пирата, его губы разомкнулись и произнесли:

— Все нормально. Нашел звериную тропу. Ориентир — два гигантских дерева в конце коридора кустарника. Двигаюсь дальше.

Так он будет болтать еще полчаса. За это время мы успеем убраться далеко-о-о. Когда пираты найдут своего товарища, щуп порадует их еще одним сюрпризом. Только они попробуют выдернуть его из тыквы мертвеца, как произойдет взрыв.

...В ближайшие полчаса пираты нас не беспокоили, их мертвый товарищ каждый раз исправно отвечал на вызов, убеждая своих бывших коллег по разбою, что нас нет там, где мы есть.

Вскоре наш путь пересекла лощина, по которой тек ручей. Стеклышко предложила ехать по воде: авось удастся сбить подонков с нашего следа. Не имея лучшего предложения, я согласился. Мы развернули «торпеды» и бесшумно помчались над водой. После джунглей ручей казался нам настоящим шоссе.

Ниже по течению примерно через час мы подъехали к тому месту, где он сливался с другим ручьем. На месте слияния брала начало небольшая речка. Здесь мы с сожалением покинули удобную дорогу и вновь углубились в джунгли. Пираты уже «порадовались» нашим сюрпризам и вдвое энергичнее ищут нас, сказал я Иштар. Если такая

блестящая идея ехать по воде пришла в голову ей, рано или поздно она придет и им.

Ничто, кроме жужжания мошкары да криков птиц не нарушало тишины леса. Немного погодя я заметил, что местность стала меняться. Появились камни или, скорее, небольшие валуны, разбросанные там и сям под деревьями. Валунув становилось все больше, и вскоре я понял, что их расположение и правильная форма говорят об искусственном происхождении. Хотя большинство камней вросло наполовину в землю и было покрыто мхом, все же можно было различить плоские грани и прямые углы, явно обработанные каменотесом. Более того, камни лежали рядами, — неровными, ломаными, но рядами — это не вызывало никакого сомнения.

Мы приблизились к тому месту, где древняя кладка была плотнее и лучше сохранилась. Всматриваясь в лесной сумрак, я видел участки исполинской стены и остатки обвалившихся башен. То мой взгляд останавливался на сооружении, сплошь оплетенном древесными корнями, которые, словно щупальца какого-то растительного осьминога, проросли из его вершины и ползли к земле, цепляясь за камни кладки и расталкивая их в стороны так, что скорее дерево поддерживало остатки строения, чем строение — дерево. То вдруг вставала предо мной исполинская стена, поражающая немыслимым обилием горельефов. В просветах между деревьями неясно вырисовывались покрытые искуснейшей резьбой башни из песчаника; их вершины тонули под буйно разросшейся тропической зеленью. На величественной лестнице росли деревья, их корни взломали и разрушили ступени.

Из зарослей выглядывали зловещие каменные лица. Среди обвалившихся стен и вздымавшихся к небу древесных стволов лежала распавшаяся при падении на три части огромная статуя; под наслоениями мха с трудом угадывались ее очертания. Чуть погодя мы выехали на дорогу, вымощенную большими квадратными плитами. Дорога поднималась вверх, ее основание составляли две гигантские стены, сложенные из глыб весом в сотни тонн.

По обе стороны тянулись бесконечные галереи, образующие громадные, заросшие травой дворы. Каменные порталы при входе в галереи были лишены привычных сводов. Вместо них проходы венчали консольные арки: каждый последующий ряд кладки нависал над предыдущим, пока обе стороны портала не соединились, образуя

высокий равнобедренный треугольник. Среди горельефов, украшавших стены галерей, я успел заметить изображения войск в походном строю, легендарные поединки богов и демонов, танцовщиц, развлекающих королей, рабочих, занятых строительством циклопического города.

Стая черных птиц выпорхнула из развалин и с пронзительными криками унеслась прочь. Паргусы карабкались на готовые обвалиться своды. Маленькие ящерики всевозможных оттенков сновали по камням. Огромные бабочки, сев отдохнуть на разрушенную стену, трепетали пурпурно-золотыми крылышками и снова взмывали ввысь.

— Что это за развалины? — спросил я Стеклышко

— Храб-Аг-Лук, — ответила она. — Не пора ли устроить привал? Иначе я скоро умру.

— Можно, — согласился я, — мы опережаем их как минимум на несколько часов, — и спешился у подножия безголовой статуи.

Голова ее лежала в двух шагах от постамента, но так заросла мхом и плесенью, что нельзя было разобрать черт лица.

— Ты что-нибудь знаешь об этом городе? — спросил я Иштар, когда мы растянулись на траве посреди прекрасной лужайки, усыпанной яркими цветами.

— Только легенды и кое-что от бабушки. Говорят здесь была колония твоих родичей-змеелюдей. Но очень давно, чуть ли не до Первой Звездной. После Седьмой в период Хаоса здесь была столица Нах-Ар-Лью, обширного царства с варварскими обычаями и верой. Его основал Ахраг-дьявол — жесточайший из известных на Бельгонде правителей. Утверждают, что в тайных храмах жрецы приносили тут человеческие жертвы, подвергая их перед этим неопишуемым мукам. Таким образом они вызывали духов мрака и заставляли их служить себе.

Я улыбнулся.

— Я совершенно серьезно, — с нажимом сказала Мос Прозрачное Ребрышко. — Бабушка была психокинетиком, и их община занималась поисками линий и центров мистической силы. Все планеты опоясаны ими и первоначально эти линии имеют положительный заряд. Но со временем они нарушаются катаклизмами, людьми. Нарушенные линии из добрых превращаются в злые — черные — гниют, как отсеченный хвост ящерицы. Силы Зла обладают особой властью и могуществом в таких местах.

В центрах пересечения черных линий с древних времен ставились храмы жестоким богам. Нах-Ар-Лью — одно из таких мест.

Но бабушка занималась этим не для колдовства. Она и ее друзья искали геопатогенные зоны, в которых люди чаще болеют и умирают, чем в других местах, видят кошмары. Вообще в таких местах с ними чаще происходят неприятности.

Я не стал спорить со Стеклышком, она говорила очень серьезно. Зачем обижать ее бабушку и ее саму. Проблема существования потустороннего мира меня не интересовала. По крайней мере, пока. Меня интересовала моя малышка, мой Скелетик. Пусть верит во что хочет, лишь бы нам не ссориться. Я верю в ее жаркие губы, упругие груди, гибкое тело, страстное лоно.

Солнце скрылось за деревьями-гигантами и на лес упала тьма. Я выбрал прогалину с холмиком посередине, согнал скремблером всю живность с него и раскинул шатер защитного поля. Сканнер показывал, что пираты потеряли нас. Я включил сканнер на автоматический режим и спокойно улегся спать, он разбудит нас, как только враги подберутся на расстояние двух километров. Сейчас они успешно продвигались на север, развалины Храб-Аг-Лука располагались на Западе.

Мы сразу же заснули, заключив друг друга в объятия, и я увидел сон.

12

Скрываясь от кого-то, я блуждал по пустынному берегу безымянного моря, поросшему редкими островками высокого кустарника. Я что-то искал. Что именно, как ни старался, я не мог вспомнить. Зато отчетливо ощущал, что мои поиски сопряжены с опасностью, ибо в душе моей был страх, страх и еще раз страх.

Вскоре начало темнеть и я укрылся в гуще ближайших зарослей. Укрылся и стал ждать. Чего?..

Некоторое время спустя со стороны далеких холмов показалась черная фигурка. Она быстро приближалась, уверенно направляясь к кустам, в которых прятался я.

Не доходя десятка шагов до моего убежища, фигура окликнула меня женским голосом, и я вышел, сжимая в руке сук — единственное оружие, которым располагал.

— Кто ты?! — спросил я, леденея от ужаса.

— Стеклышко, — ответила фигура, закутанная в плащ, и сделала шаг вперед.

— Не подходи! — крикнул я и замахнулся суком. Фигура остановилась.

— Я — Стеклышко! Твоя Иштар! — повторила она жалобно и призывно.

— Нет! Иштар осталась в Храб-Аг-Луке! Ты лжешь, ты — чудовище!

— Нет. Я — Стеклышко, я — Скелетик. Смотри.

Плащ упал на землю и в сумерках я увидел прозрачника.

— Я — Иштар, мой милый, мой дорогой. Твой Скелетик, — повторил прозрачник и медленно стал приближаться ко мне.

Я заворуженно смотрел на нее или него, противоречивые чувства раздирали меня. Затем последовал неожиданный всплеск страха, и я бросился бежать.

Прозрачник зарычал, как зверь, от которого ускользнула добыча и в его руке появилась блестящая трубка.

— Ху-у-у! — прогудела струя огня, обдав меня жаром. Я бросился наземь и пополз вправо.

— Ху-у! — вновь подало голос оружие и кусты вспыхнули слева от меня. Я скатился с бугра и, прыгая из стороны в сторону, помчался к воде. Только там можно было спастись. С чего я это взял, не знаю.

Пятна вспыхивающей травы отмечали мой путь. Сердце превратилось в трепещущую, вот-вот готовую лопнуть струну. Когда я упаду, злобно воющее чудовище настигнет меня и вонзит в мое тело свои черные ядовитые когти.

Но струна выдержала, и вот уже впереди спасительные камни, за которыми шумит прибой. Я из последних сил рванул к ближайшему валу, хлопнул ладонью по его сырому боку и прокричал что-то на неизвестном мне языке. Мгновенно между мной и пытавшейся уничтожить меня тварью встало голубое сияние, не пропускавшее огненного луча, которым она пыталась сжечь меня.

Прозрачник топнул ногой и мгновенно превратился в безликую черную фигуру. Словно крылья летучей мыши взметнулись над головой чудовища, сомкнулись, и через мгновение оно было уже черной колонной, быстро погружавшейся в землю.

Я закрыл глаза и упал на песок.

Очнулся я на вершине утеса на берегу моря, среди вы-

ветренных древних скал причудливой формы. Потоки теплого воздуха, насыщенного запахами моря, обдували лицо, посвистывали в расселинах. Временами слышался еще и другой звук, напоминавший глухой рокот барабана, шедший из крепости, венчавшей верхушку скалистого мыса слева от меня.

Вдалеке над морем кружили белые, похожие на чаек, птицы, а среди камней, упрямо цепляясь за редкие клочки земли, стелился коричневый ползучий кустарник с мелкими редкими листьями.

Я посмотрел вверх и увидел узкие окна, черными дырами прорезавшие высокие стены башен. Ни один луч света не проникал в наполнявшую их тьму, ни одно живое существо не мелькало в них.

Неожиданно из-за скалы показалась Скелетик.

— Пойдем! — прошептала она и вновь скрылась за скалой.

Я шагнул раз, другой и застыл в нерешительности. Скелетик опять выглянула из-за утеса и несколько раз махнула мне рукой. И я пошел за ней. Каменистая тропа, петлявшая среди огромных валунов, постепенно поднималась все выше и выше, ведя нас к крепости.

Внезапно Скелетик остановилась, как вкопанная. Над морем пронесся шипящий свист и в вышине мелькнуло огромной рыбой металлическое тело. Рыба-ракета скрылась за дальним утесом и земля содрогнулась от мощного грохота. Несколько секунд тишины и откуда-то издали донесся стихающий быстро шипящий звук, словно где-то забил и иссяк гигантский гейзер. Снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь глухим рокотом, дрожью пронизывавшим скалы.

Неожиданно, обогнув очередной выступ скалы, тропа пошла вниз, спускаясь в узкое глубокое ущелье. В дальнем конце его скалы смыкались, образуя глубокую тенистую нишу, в которой стояла небольшая башня из алого камня. Ни одно окно или бойница не прорезали ее стен. Лишь под остроконечной крышей шел ряд маленьких круглых отверстий. Вход в башню закрывал огромный черный валун.

Подойдя ближе, мы увидели, как она стара. Поверхность когда-то идеально отполированного камня была изрыта, словно оспой, иссечена трещинами.

Шедшая впереди Скелетик обернулась и, встретившись со мной взглядом, молча кивнула. Расстегнув висевшую на боку сумку, она достала из нее нечто круглое и

мерцающее. Это был шар, необычный шар. Сквозь прозрачную зеленоватую поверхность внутри виднелись небольшие, вспыхивающие остроконечными колпачками шляпок, грибы. Они сплошной массой покрывали черную шевелящуюся горку, вглубь которой уходили их бесцветные полупрозрачные ножки.

Скелетик еще раз оглянулась на меня и, подойдя к черному валуну, закрывавшему вход в башню, коснулась его шаром.

Камень беззвучно растаял, открыв темный проход. Мгновенно я ощутил, как изменилась окружающая обстановка. Внешне все было по-прежнему, но воздух словно уплотнился, наполнившись злобным клокочущим гневом. Я не мог определить источник этих эмоций, но знал откуда-то, ярость вызвана тем, что некто, желавший уничтожить меня и Иштар, не ожидал встретить на своем пути препятствие — мерцающий шар.

Невидимое существо ненавидело его и боялось, жаждало разбить на куски. Но пока было не в силах исполнить свое желание и отступило. Злоба и гнев отхлынули волной и через считанные мгновенья исчезли вовсе.

Скелетик глубоко вздохнула.

— ОНО ушло.

— КТО? — спросил я.

— Почему я знаю! ОНО! У кого достает сил держать нас здесь.

— Где здесь?!

— Спроси у Попки Лю!

Я изумленно уставился на Скелетик. Потом открыл рот, но сказать ничего не успел.

Скелетик предупреждающе подняла руку.

— ОНО возвращается, — прошептала она и крепко прижала шар обеими руками к груди.

Почти сразу вслед за ее предупреждением свирепый удар чуть не сбил нас с ног. За первым последовала целая серия ударов: в живот, затем между лопаток, в живот и опять между лопаток. Таким образом ОНО подталкивало нас к башне, попеременно то вышибая дух, то пихая в спину.

Не устояв на ногах, Скелетик упала на колени и чуть не выронила шар. Испуганно вскрикнула и прижала магическую сферу к груди так крепко, что побелели пальцы. Скалы ответили ей злобным хохотом. У меня зашевелились волосы на голове — я понял — ЭТО хотело, чтобы мы вошли внутрь башни. Но я знал, делать этого ни в ко-

см случае нельзя. Как устоять против такого свирепого натиска? Мое тело, словно дерево под ураганным ветром, сгибалось то вперед, то назад под ударами невидимки. Я стоял из последних сил, до боли сжав зубы. И готов был умереть в этой борьбе — в башне нас ждало нечто, более страшное, чем смерть.

Не отдавая себе отчета, зачем делаю это, я бросился к Скелетику и положил руки на шар. «Объединить волю», — объяснила мой поступок запоздалая мысль. Скелетик поднялась с колен и встала рядом — плечо к плечу.

Шляпки грибов внутри шара заалели раскаленным металлом, затем стали полупрозрачными и распрямили края. Вокруг шара разлилось чистое серебряное сияние. Бушевавший в ущелье ураган стих на короткое мгновение, казалось, враг замер в замешательстве или испуге и вот-вот отступит. Но нет! Злобный вой пронесся по узкому ущелью, тьма во входном проеме башни заколебалась и выползала вперед черным извилистым языком.

Мы сделали шаг назад, но гигантский кулак вновь толкнул нас жестоко в спины навстречу ужасу и смерти.

Конец черного языка поднялся с земли и, изогнувшись, закачался из стороны в сторону, словно головка изготовившейся к атаке змеи. Нас пронзил свирепый взгляд, хотя глаз у чудовища не было. Одновременно ОНО стало надвигаться со всех сторон — воздух словно обрел мускулы, начал каменеть, пропитанный ЕГО яростью, сковывая движения. Очередной удар в спины, еще одно движение черной ленты навстречу.

«Как только один из нас коснется ее, силы иссякнут и мы будем втянуты внутрь, — пронеслось у меня в голове. — Что же делать?! Что делать?!» — в панике выкрикнул я про себя. Наши силы и воля слабели с каждой секундой, а ОНО оставалось таким же могучим и полным жажды убийства, как и в начале схватки.

Неожиданно Скелетик издала рыдающий вопль и, размахнувшись, метнула волшебный шар в проем башенного входа. Тьма вспучилась, начала корчиться, как змея с перебитым хребтом, земля задрожала и башня, медленно клонясь вперед, стала падать на нас.

В глазах зарябило, очертания предметов сделались расплывчатыми, быстро начал гаснуть свет. Последнес, что я увидел, это ухмыляющееся лицо Люэн, повисшее в воздухе. Оно тоже стало быстро меркнуть, сквозь него проступили другие знакомые черты, но я не успел разоб-
брать чьи — гробовая тьма стерла страшный сон.

Утром я проснулся чуть свет и сразу до малейших подробностей вспомнил свой сон. Люэн! Черт тебя подери! Видимо мне придется вскоре всерьез заняться тобой, раз ты никак не можешь оставить меня в покое...

Рядом, протирая глаза, села Иштар. Выглядело это потрясающе: скелет, трущий пустые глазницы.

— У нас будут неприятности с этой женщиной, — сказала Стеклышко.

— С какой? — встрепнулся я.

— С Люэн. Она сегодня снилась мне. Мы с тобой... — и далее Скелетик пересказала во всех деталях мой сон.

Я разинул рот от изумления.

— В чем дело?! — спросила она.

Я объяснил.

Иштар пружинисто вскочила и нервно заломила руки.

— Сними защиту, — потребовала она, беря свое оружие.

— Что ты собираешься делать?

— Принести жертву.

— Кому?

— Неважно. Ты не веришь в духов. Позволь мне сделать так, как я считаю нужным.

— Но это глупо!

— Это мое дело!

— Ну что ж... — Я убрал защитный колпак и встал. — Я тебе помогу. Неважно, верю я или нет. Это не имеет значения.

— Нам нужно животное. Лучше, если оно будет только ранено, а не убито.

И мы пошли на охоту. Она была удачной. Я подстрелил антилопу. Животное билось на земле, когда я навалился на него. Жертва стала рваться еще отчаяннее, словно чуяла свою участь. Но подросла Иштар и спутала ей ноги.

На месте нашего бивуака был разожжен костер. Его Стеклышко заключила в треугольник, прорезая кинжалом дерн, а в его вершинах изобразила замысловатые иероглифы. Затем все вершины треугольника были помечены смолистыми лучинами, заменившими свечи.

На этом приготовления были закончены, и Стеклышко приказала мне положить антилопу подле костра. Шея ее припала на плоский камень, принесенный Иштар из развалин.

Спектакль был отменный. Но на этот раз я воздержался от своего традиционного зубоскальства.

Стеклышко встала над антилопой, языки пламени просвечивали сквозь ее ребра, и начала нараспев произносить рифмованные фразы на неизвестном мне языке. При этом она взмахивала ножом и отбивала такт ладонью по колену.

Впечатляюще, хотя и первобытная дичь!

Некоторое время я наблюдал за разворачивавшимся передо мной действием просто с любопытством, но потом неожиданно встревожился. Что-то появилось в дальнем конце прогалины и стало приближаться к нам — невидимое, страшное, сильное. Сразу же вспомнилась свирепая сила из моего сна, до жути сходными были ощущения, испытываемые тогда и сейчас. Мне стало не по себе и я невольно потянулся рукой к бластеру.

Иштар кольнула антилопу ножом в бок, та жалобно закричала, забилась, по ее атласной шерсти потекла кровь. Иштар произнесла новые заклинания и опять уколола жертву. Так она мучила ее минут десять, пока в воздухе над костром не появилось НЕЧТО. Темная, клубящаяся субстанция, похожая на уродливое облако, напоминающее очертаниями человека, хотя нельзя было разобрать, где у этого фантома руки, ноги, а где голова.

Иштар с удвоенной яростью принялась терзать бедное животное, кромсая ножом его тело. Крики жертвы слились в один жалобный стон, а движения — в судорожные конвульсии. При этом Стеклышко не забывала выкрикивать свою абракадабру.

Хоть я ничего и не понимал, но по интонациям догадывался, моя малышка то просит, то требует чего-то.

Прошло еще некоторое время. Облако сгустилось, его начали пронизывать бледные ветвистые молнии, похожие на светящиеся трещины. Иштар взвыла трижды, уже не выкрикивая, а словно выплевывая слова. Схватила антилопу за рога и перерезала ей горло.

Таинственный силуэт переместился от костра к жертве и накрыл ее голову и шею. Прошли минуты и фантом начал таять. Вскоре он растворился бесследно. Залитые кровью шея антилопы и камень под ее головой были чисты!

— И как это надо понимать? — спросил я, когда Иштар вновь стала способна воспринимать окружающий мир.

— Я попросила ЕГО избавить нас от погони, — отве-

тила она усталым тусклым голосом, тыкая ножом в землю, стараясь очистить его от крови.

— Кого ЕГО?

— Духа Нах-Ар-Лью... Ах! Ты все равно ни во что не веришь, оставь меня в покое!

— Пожалуйста, пожалуйста, — поспешно ретировался я, озадаченный этой несвойственной моей уравновешенной девочке вспышкой.

Некоторое время мы молчали. Потом Иштар сказала:

— Я обещала ему еще двух антилоп, если он сдержит свое и поможет нам с Люэн. Найти ее и покончить с ней.

Я дипломатично промолчал, в душе признавшись себе, что недавней самоуверенности всезнайки у меня поубавилось. Сегодня я дважды видел такое, что не мог пока объяснить. Вскоре я стал свидетелем третьего необъяснимого явления. Стеклышко попросила включить сканнер — красные точки на нем удалялись все дальше и дальше на север. Я зачарованно следил за ними, пока они вовсе не исчезли.

Затем мы отправились на охоту...

Когда все было кончено, Стеклышко сказала, что нужно как можно скорее покинуть древний город. Я не возражал. Мы вскочили в седла и повернули к Столице. Пора было заканчивать эту затянувшуюся пьесу.

14

Из заброшенного дома на окраине я связался с нашим постоянным резидентом на Бельгонде и узнал две важные новости. Первая заключалась в том, что ожидавший меня корабль улетел и теперь для моей эвакуации придется вызывать новый. Он сможет прибыть не ранее, чем через полтора суток. Вторая — Моргено все еще в Столице.

Я договорился с резидентом о встрече и сдал ему на хранение кейс АА, наказав беречь, как зеницу ока, и передать мне, либо Командору, никому более, не взирая ни на какие приказы или верительные грамоты.

Затем я направился к Моргено. В первое мгновение он просто остолбенел, но тут же заключил меня в свои крепкие дружеские объятия. Я поведал ему о своих приключениях, о двойной охоте, которую эсбэ и пираты устроили на меня, о том, что несмотря ни на что, я успешно выполнил свою миссию и через двое суток отбываю на Дангор. Умолчал я только о колдовстве своей подруги.

Моргено, в свою очередь, сообщил мне, что предатель наконец найден. Как мы и предполагали, он был одним из членов первой группы. Приятель поведал мне поучительную историю о том, как важно уделить вовремя должное внимание воспитанию детей, иначе ваша дочь может пристраститься к азартным играм, наркотикам, после чего ей нетрудно подсунуть красивого любовника из пиратской шайки и начать шантажировать любящего папашу — сотрудника Службы. Папаша мучается, оказавшись перед нелегким выбором: выполнить свой долг и рассказать обо всем Командору, в результате оказаться вышвырнутым из Службы со скромной пенсией, без перспектив на хорошую должность, но зато с перспективой получить свое непутевое дитя по частям. Либо спасти заблудшего ребенка и начать оказывать кое-какие услуги хозяевам ее дружка.

Сейчас, сказал Моргено, нам похоже удалось стряхнуть убудков с хвоста. Он трижды сменил квартиру, приказав сделать то же своим парням, сменил все коды и явки. Стопроцентной гарантии дать, конечно, нельзя, но он почти уверен...

— Ладно, — сказал я, оборвав его затянувшийся монолог, — будем надеяться на лучшее. Главное сделано, осталось красиво смыться.

— Ты отослал тиндейл?

— Нет, — ответил я, — возьму с собой. Столько вокруг него было суеты, что я уже никому не доверяю. Если уж что-то случится, то пусть случится со мной. Я буду знать, что сделал все возможное.

— Поберегись, — сказал Моргено на прощанье и крепко обнял меня.

— Не беспокойся, я устроил так, что никто, кроме меня и Командора, не сможет получить его.

— Тогда я спокоен, — сказал Моргено и я вышел.

По дороге домой на выходе из подземки меня взяли эсбэшники Бельгонды.

15

Их было трое. Они набросились на меня, как голодные мухи на дерьмо. Мощным ударом мне разбили нос. Я зашмыгал кровью и неуклюже споткнулся. Чтобы меня подбодрить, мне врезали коленом промеж ног и душа моя подскочила аж до желудка. Так низко она у меня находилась.

Крики! Ругательства! Затем клик-клак и я в наручниках. Меня подняли с пола, проволокли по лестнице и втиснули на заднее сиденье машины промеж двух типов с каменными бицепсами.

Экипаж рванулся с места и минут через пять затормозил подле мрачного особняка без опознавательных знаков. Меня сразу провели в кабинет какого-то начальника.

Кто, откуда? С этого эсбэ начинается всегда. Я подтвердил, что действительно являюсь тем кретином, который обозначен в моих фальшивых документах.

Новый вопрос — профессия.

— Представитель, — ответил я небрежным тоном.

— Кого?

— Великой Матери Большое Влагалище. Скоро наступит звездная зима и все погибнут, кроме истинно верующих, их Мать укроет в своем горящем лоне, как в пещере.

Похоже, мой ответ устроил эсбэшника, так как он, не моргнув глазом, перешел к следующему.

— Где вы живете?

— В раковине на дне океана, — ответил я самым серьезным образом. — Установил там водяное отопление и телевизор на дровах. Мне там очень хорошо.

— Насмехаешься, — сказал эсбэшник не без иронии.

Я поднял брови.

— Глюки летают не так низко, чтобы я мог себе это позволить.

Немного помедлив, тип задал еще вопрос.

— Почему вы убили Аджи-Акса?

— Потому что Гляцовина для Бульбулизации приказала мне сделать это.

— Кто такая эта гла-гля-цовина? — запинаясь, спросил эсбэшник.

— Пророк Великой Матери.

— Где вы достали оружие?

— Сильная рука всегда вооружена.

— Что вы сделали с портфелем, украденным у Аджи-Акса?

— Седло для ходьбы пешком.

Я упал на колени с горящим лицом и сложенными на груди руками, собираясь затянуть молитву Великой Матери Большое Влагалище, но у людей, пригласивших меня в гости, кончилось терпение.

— Достаточно! — взревел эсбэшник. В комнату вошли два амбала и начала мутузить меня.

Очнулся я в больничной палате. Так мне во всяком случае показалось, потому что рядом с моей постелью я увидел двух дюжих санитаров.

По тому, как они драли свои пасти, зевая, я понял, сейчас глубокая ночь. Чтобы разогнать сон, парни покурили и взялись за газеты. Вскоре я услышал их ровное дыхание. Это был хороший знак.

Хвала Всевышнему, у меня связаны только руки, прикручены обычной веревкой к спинке кровати. Вот если бы они надели на меня наручники...

Медленно, чтобы не потревожить сон санитаров, я стал поднимать ноги к голове. Вот я коснулся большим пальцем правой ноги своих запястий и принялся за работу. На ноготь была наклеена прозрачная пластина из сверхтвердого материала. Она была остра, как бритва. В рукопашном бою ею можно было перерезать горло противнику. Большим пальцем левой я скovyрнул чехольчик, прикрывавший мое тайное оружие, и провел ногтем по веревке.

В голове моей созрел план: сейчас я разорву последние волокна, на которых держатся веревки, встану, кратко и энергично поблагодарю своих стражей за заботу и отправлюсь искать выход на волю.

Удача или ТОТ из развалин помогали мне, не знаю, но не успел я освободиться, как один из санитаров открыл глаза. Он подтолкнул локтем напарника.

— Смотри, оклемался!

Я не замедлил перехватить инициативу.

— Ради Бога, я хочу пить... Дайте мне испить росы весенней ночи... сжальтесь...

Парни встали.

— Дай ему воды, — сказал самый крепкий из двоих с сознанием своей силы.

Другой поднялся и налил воды из крана металлического бачка. На меня он даже не посмотрел.

— Положить снотворного? — спросил он коллегу.

— Несколько капель, тогда он оставит нас в покое до утра.

— ...Двадцать пять, двадцать шесть... — считал санитар.

Доза слишком сильная. Видать они решили отоспаться сразу за трое суток.

Молодой водонос направился к моей постели. Вот он уже у кровати, подносит стакан к моим губам...

Мгновенно я освободил руки и схватил дичь за шею. Любопытный захват. Мой друг Моргено показал мне его. Ударить, отклонить торс, поднять плечо, подтянуться вперед, и мой счетчик капель уже в другом углу комнаты лежит с острой болью в шее, сложив ручки крест-накрест.

В долю секунды я соскочил с кровати и ринулся на второго санитара. Он еще не вполне успел встать со стула, как получил удар кулаком по голове и снова оказался на стуле. Он выставил вперед руку, пытаясь защититься, и я тут же схватил ее и начал выкручивать. Санитар заорал, я поднажал, и вот он уже на коленях на полу. Великолепный удар коленом поддых, зубы здоровяка клацнули, как пустой капкан, и он упал на живот. Я «прикончил» его последним ударом в висок.

Затем, не теряя времени, отнес обоих на кровать и привязал спиной друг к другу обрывками веревки, которой недавно был связан сам. Выдернул из-под бедолаг простыню и запихал ее концы им в пасти.

Открыв шкаф, где висели мои вещи, я быстро оделся и обыскал санитаров. У одного из них я нашел связку ключей, которую и взял.

Теперь пришла пора действовать. Я был совсем один в большом доме, нафаршированном врагами, и без оружия. Открыв дверь, я выглянул в коридор. Под потолком горели тусклые лампы. Коридор был пустынен и тих. Быстрый, как таракан, я миновал его на цыпочках и оказался перед дверью.

«Хоть бы она не была заперта!» — подумал я. Дверь ответила на мою мольбу и распахнулась без труда.

Я оказался на площадке, слева лестница, справа лифт. Я выбрал первое: меньше шума и нет риска застрять между этажами.

Я стал спускаться. Вот уже только один лестничный пролет отделял меня от погруженного во мрак холла. Слева, справа и в центре двери, надо всеми слабый свет. Я спустился и обследовал их по очереди. Левая и правая были такими, какие ставят внутри домов, центральная из массивного темного дерева, такие двери предназначены для того, чтобы защищать дома от незваных пришельцев. Я осторожно, но сильно нажал на нее ладонью, дверь была заперта. Изучив замочную скважину и все ключи в связке, я выбрал нужный — у меня был острый глаз.

Два поворота, нажим и вот я на мощеном внутреннем дворе, окруженном высокой стеной, оцетинившейся копьевидными наконечниками. Чтобы преодолеть такую

высоту, надо быть флаером. Я обошел двор кругом. Еще одна дверь. Эта из металла, да еще с решеткой, прутья которой толщиной с мою руку. Да, тут на Бельгонде, они не мелочатся.

Я перепробовал все ключи, но безрезультатно, ни один не подошел. Что делать?.. Я осмотрелся — справа от двери был звонок и я предположил, что он предупреждает служителя, который ее открывает. А что если я легко и непринужденно звякну пару раз, как будто я кто-то из «своих»?.. На несколько мгновений воцарилась тишина, затем дверь бесшумно распахнулась. Ура! Я не мог опомниться от счастья. Наверное охранник спросонья просто ткнул в какую-то кнопку и снова завалился спать. Как только я вышел, дверь сама закрылась.

Длинный коридор с притушенными лампами, затем вестибюль с купольным сводом. В конце его светящееся окошко подле очередной двери.

Я направился к окошечку и глянул в него из-за угла. Моему взору открылось чистое, выложенное белыми плитами помещение охраны, где, положив ноги на стул, в плетеном кресле сидел страж. Рядом на полу лежал автомат, поверх него ворохом журналы. Голова парня свесилась на грудь.

Это было, конечно, лучше, чем если бы он ходил за мной по пятам, но ничем не помогало моему освобождению. Я встал в темный угол между дверью и караулкой и задумался. Какие у меня альтернативы... Мои трудные мысли прервал звук мотора подъехавшего к дому автомобиля. Хлопнула дверца, слышались шаги.

Затем раздался требовательный стук в стекло. Я сообщил, что вновь прибывший постучал в окно караулки. Обмен короткими фразами, смысл которых я не уловил, и над моей головой вдруг что-то зажужжало. Я напрягся... и... дверь распахнулась. На пороге появился человек. Не задумываясь ни секунды, я ударом по кадыку вырубил его и нежно подхватив, как любимую девушку, уложил на пол. В следующее мгновение я был уже на свободе. Опять зажужжал моторчик и дверь захлопнулась. Справа от меня светилось окно караулки и я благоразумно взял влево. Вначале мягко, на цыпочках, чтобы не услышали охранники, потом припустил изо всех сил.

Петляя по улочкам и переулкам, я чутко прислушивался. Сзади не доносилось ни криков, ни выстрелов, ни других подозрительных звуков, которые могли означать, что бегство мое обнаружено и началась погоня. По моим

расчетам засоня на втором посту уже должен был забеспокоиться и начать выяснять со своими товарищами, куда девался прибывший мужчина. По всему выходило, что на этот раз они включили свои мозги и преследуют меня молча, чтобы не подсказывать, в каком направлении мне бежать.

Переулки кончились и я выскочил на хорошо освещенный бульвар. Огляделся. Кругом никого. Пара автомобилей пронеслась мимо, пока я раздумывал, куда мне дальше навести лыжи. Потом я взял ноги в руки и припустил что было мочи через бульвар. Я выбирал самые темные улицы... Я поворачивал направо, налево, путая след, как это сделал был любой сбежавший человек...

Неожиданно я оказался на одной из главных улиц Столицы. Несмотря на глубокую ночь, здесь было довольно оживленно. На какое-то время я спрятался в тени, чтобы перевести дух. Легкие горели огнем, сердце выбивало барабанную дробь, как во время исполнения «смертельного номера» в цирке.

Жадно хватая ртом воздух, я продумывал свои дальнейшие шаги. Если свернуть направо, пересечь улицу, то дальше начнется ступенчатая лестница с аркадами, затем улица с разноцветными фонтанами. Дальше, мне помнилось, справа неподалеку я видел большое скопление автомобилей. Правда, это было днем, но я надеялся, что немалая часть их проводит и ночь на свежем воздухе. Мне надо украсть один из них: он укроет меня и даст возможность передвигаться, не привлекая внимания к себе.

Я выдвинул свой перископ и огляделся: ничего подозрительного. И двинулся по намеченному маршруту.

Мои надежды оправдались — машин было много. Я выбрал ту марку, с которой уже имел дело. Дверца была заперта на замок, но мог ли он меня остановить. Куда ему против моего страстного желания проникнуть внутрь. Я обошелся с ним, как хам с красоткой, схвативший ее врасплох на улице и сунувший руку под юбку. Не успела красотка пискнуть, как ножки ее раздвинулись, говоря, заходите, пожалуйста, будьте, как дома.

Я сел за руль. Никаких осложнений, никаких противоугонных устройств... Конфетка! Мотор ровно заработал, его привычный шум приободрил меня. Все-таки я выпутался из БОЛЬШОЙ передраги.

Теперь надо было предупредить Моргено. Все его телодвижения ничего не стоили, избавиться от хвоста ему не удалось.

Моргено жил в дешевом пансионе. Дверь мне открыла, ежась от холода, старуха-хозяйка.

— Что надо?! — буркнула она, глядя исподлобья.

— Извините, вы хозяйка отеля?

— Ну...

— Прошу прощения, что тревожу вас в столь ранний час, но случай чрезвычайный. Мне необходимо увидеться с господином... — я назвал фальшивое имя Моргено. — Это так срочно!

Старушенция смягчилась, видать Моргено был у нее на хорошем счету.

— Господин еще не вернулся.

— Не вернулся?! — ледяная рука погладила мне спину.

— Он часто возвращается... нерегулярно... — она замялась, подбирая выражение.

— Господи! — я изобразил отчаянье.

Старушка разволновалась.

— Подождите! Я кажется знаю, где его искать, если он, конечно, все еще там.

— Где! Где! Где!

— Я слышала, как он договаривался по фону встретиться в «Барзи Куне». Это, мне кажется, была женщина.

— В «Барзи Куне»?..

— Вы не знаете Столицу.

— Увы! Я — приезжий.

— Это большой ресторан с ночной программой.

— Очень хорошо!

— Вы не заблудитесь, — она объяснила мне дорогу.

— Благодарю вас! — крикнул я на бегу. Мотор взревел и я помчался в «Барзи Кун». Часы показывали половину пятого утра. Шансов застать Моргено в ресторане было немного, но мне не из чего было выбирать. Может быть там, на месте, я напущу на его след, если он отправился с подружкой развлекаться в другое место. Вы не представляете, как много лишней с точки зрения обычного человека информации запоминают служащие гостиниц и ресторанов. Запоминают, потому что она приносит им немалый дополнительный доход.

Вот я в ресторане. Спускаюсь в зал, он расположен в большом подвале, и сажусь за столик, укрытый колонной. Осматриваю зал и с облегчением вижу за одним из столиков Моргено. Он сидит ко мне в профиль в компании девушки. К сожалению она повернута ко мне спиной и я не могу оценить ее по достоинству, но надо сказать,

что мне по вкусу ее распущенные по плечам светлые волосы и аппетитная попка.

Насколько можно судить по поведению этой парочки, отношения их были самыми что ни на есть приятными. Мой приятель держал свою пастушку за руку и жадно целовал тонкие пальцы.

Подошел официант. Чтобы отвязаться от него и поднять свой боевой дух, я заказал бутылку боргейна и какую-то закуску.

Время шло, а этот паршивец Моргено по-прежнему сидел и покусывал пальчики своей спутницы. Чертов парень! Он всегда начинал с того, что опрокидывал какую-нибудь красотку, где бы не появлялся. Кроме меня в Службе, пожалуй, не найдется субъекта более шустрого в такого рода развлечениях.

В другое время я бы только поаплодировал ему, но не сейчас. Сейчас пора было начинать биться задом о фонарный столб, а этот паршивец ни разу не удосужился глянуть в мою сторону.

Я расплатился с официантом и двинулся неспеша по направлению к влюбленной парочке. Вскоре я был всего в трех метрах от них. Моргено нежно и самозабвенно целовавший в шею свою спутницу, заметил меня, и его глаза округлились. Я сделал ему предостерегающий знак, чтобы он не дергался и вел себя естественно, и взглянул в зеркало, висевшее за его спиной. Любопытно, все же, что же это за чудо, которое смогло так увлечь его.

Взглянул и остолбенел. Девушка, которую он чмокал, была никто иная, как моя отравительница, очаровательная Попка Люэн собственной персоной!

Сюрприз что надо! Я резко развернулся и направился к входу в туалеты, где стал ждать Моргено, надеясь, что он поймет и последует за мной.

Действительно, он вскоре явился с напряженным лицом. Сделав вид, что не знаком со мной, проверил кабинки и, убедившись, что они не заняты, подошел ко мне.

— В чем дело?!

— Ты известил Командора о прибытии АА?

— Я.

— Шеф поручил мне убрать его.

— Я знаю.

— Только вот в чем загвоздка, девушка, с которой ты только что лизался, чуть не помешала мне сделать это!

Он подскочил.

— Люэн.

— Ага. Попка Люэн. Она соблазнила меня, заманила в пустой дом и напичкала отравой. Я чудом спасся!

Разоблачение его просто ошеломило.

— Ты уверен, что не ошибся?

— Спроси что-нибудь поумнее. Твоя нимфа столь же опасна, как бомба в плавках во время верховой езды.

Он смотрел на меня, все еще не веря.

— Но она не имеет ничего общего с фанатиками! Я с ней познакомился...

— Вот именно, покупая яблоки! Она действительно не имеет отношения ни к Несущим, ни к Девятке, зато имеет к банде пиратов. Они приставили ее к твоей заднице, чтобы лучше следить за тобой. За нашей операцией. Один раз мы уже их разочаровали, уничтожив вирус. Если тиндейл тоже ускользнет от них, они этого не переживут. И мы, может быть, тоже.

— Ты думаешь?..

— Идиот! Иначе, откуда она узнала обо мне? Нас обложили так плотно, что мы то и дело садились в лужу... Ладно, не мне учить тебя жить. Нам некогда собирать твоих парней, да и не знаю, поможет ли это. Какая у нее тут команда. Будь начеку. Найди средство избавиться от нее. Почувствуй себя плохо, чтобы тебя отправили в больницу. Набей морду официанту, чтобы тебя засадили на ночь. Послезавтра прилетит корабль и мы смоемся.

— Да... — только и промычал Моргено. Потом спросил:

— У тебя есть оружие.

— С собой нет. — Я не стал ему рассказывать о своих приключениях, не было времени.

Моргено посмотрел мне в глаза. Взгляд его был долгим и задумчивым.

— Я никогда не встречал такого классного типа, как ты.

— Спасибо.

— Прошел слух, что тебя арестовали.

— Я и был арестован, но удалось бежать.

— И ты, не колеблясь, пришел сюда, чтобы предупредить меня?

— Ну!..

— Это здорово...

Моргено протянул мне руку.

— Я никогда этого не забуду.

— Я тоже. Пошли. Отвлеки внимание своей красотки, если она меня узнает, будет плохо.

— Не беспокойся. Дай мне несколько минут и выходи.

Он ушел. Я смотрел на удалявшуюся широкоплечую фигуру. Его решительная походка нравилась мне, чувствовалось, что это не тряпка.

Я немного подождал и вышел следом. Моргено и Люэн в зале уже не было. Я отправился на стоянку и сел в машину. Я ждал... Недолго. Вскоре в дверях ресторана появились Моргено и Люэн. Они отошли в сторону и стояли, о чем-то разговаривая. Я начал немного нервничать, Моргено балансировал на кончике ножа.

Трое вышли из-за угла и направились к моей парочке. Я напрягся. Троица приблизилась к Моргено и Люэн и подключилась к беседе. Если поначалу мне страшно хотелось узнать, о чем идет речь между моим другом и вдовой пирата, то теперь мне было уже наплевать на это. Моргено решили брать. Один из людей Люэн встал перед ним, другой справа, третий тоже справа, но почти что за спиной, под левую руку этого бабника держала сама Попка. Я был уверен, она владеет кой-какими приемчиками.

Решение созрело быстро. Я включил фары: два прожектора осветили группу. Одновременно я нажал звуковой сигнал. Полный успех! Все как в театре. Громилы обернулись. Я узнал одного из них: он был в квартире Стеклышка. Я вылез из машины, чтобы они могли меня как следует разглядеть, и даже выключил фары, чтобы облегчить им задачу.

Поглазев некоторое время на мою персону, они вернулись к прерванному разговору. Люэн покрутила пальцем у виска, а один из громил постучал себя по кумполу. Все это означало одно — они доказывали Моргено, что я идиот, не более того.

Я забрался обратно в машину и стал ждать развития событий. Они не замедлили последовать. Люэн помахала ручкой своим подручным и повлекла Моргено куда-то влево по улице. Ну, приятель! Если там тебя не ждет засада, воспользуйся моментом, я сделал для тебя все возможное. Теперь мне самому придется разбираться с собственными неприятностями.

Как только Люэн и Моргено скрылись из виду, три душегуба бросились к машине, стоявшей неподалеку, и вскочили в нее... Я думал, они смоются, но дудки. Эти обормоты решили заняться мной. Они описали дугу и оказались впереди меня. Я даже не успел запустить двигатель, но зато успел нагнуться. И вовремя. Короткая

очередь изрешетила окно моей колымаги. Повеяло свежим ветерком. Их автомобиль пронесся как ураган... Я выпрямился, включил двигатель и помчался за ними.

Я был загипнотизирован двумя красными огнями впереди, которые быстро удалялись. Очень хорошо, что я угнал мощную машину. Я быстро догнал тройцу.

Они были сильно озадачены и пожалели, что промахнулись. Теперь им было трудно стрелять, заднее окно их консервной банки было слишком маленьким. Пока я не стану обгонять их, я ничем не рискую.

Итак, я их преследую... Мы катим по предместьям, затем выезжаем из города, и преследование продолжается на прямой дороге. Так мы проехали с десятков километров. Я сбавил скорость. Надо дать им подстроить какую-нибудь гадость, иначе я буду гоняться за ними, пока мы не совершим кругосветное путешествие.

Красные огоньки растаяли в утреннем тумане. Я дал им пять минут форы и вжал педаль газа в пол. Потом выключил передние и задние огни. Впереди показался знак, предупреждающий, что через несколько сот метров меня ждет перекресток. Ясно, ловкачи укрылись на проселке, погасили огни и ждут. Решили, что я или проскочу мимо, не заметив их, или же выйду из машины, и тогда они получат удовольствие подстрелить меня как зайца.

Подъехав к перекрестку поближе, я затормозил и остановил свой экипаж на обочине. Тихонько покинув машину, я пополз по кювету. Добравшись до перекрестка, я выполз из канавы и стал пробираться вдоль изгороди, производя шума не больше, чем улитка, ползущая по взбитым сливкам. Все шло хорошо, войска бодрЫ! А вот и мои недоноски. Двое из них вышли из своей коляски. Они спрятались за капотом, держа наготове оружие — один автомат, другой — пистолет. Третий придурок остался за рулем. Значит, они не слишком уверены в себе и предусмотрели вариант быстрого отступления. А может быть напротив, слишком уверены и держат лошадь оседланной, чтобы сразу пуститься в погоню.

Я обогнул изгородь, собираясь напасть на них сзади. Самое трудное, это подползти к ним вплотную, ведь я безоружен. Правда, подобрал в кювете увесистый булыжник, но, увы, булыжники летают медленнее, чем пули. К счастью, легкий ветерок шелестел листьями деревьев, скрадывая шорох моих движений.

Я был уже так близко, что мне приходилось сдерживать дыхание. Я поднял руку. Охваченный предчувстви-

ем, парень с пистолетом обернулся и увидел меня. Он испустил дикий, но последний крик. С громким уханьем я обрушил камень на его висок. Раздался треск, и тип свалился замертво. Я вырвал из его руки пистолет и всадил пулю меж глаз его обалдевшему приятелю. Поменив пистолет на автомат, я приготовился встретить шофера, но тот оказался слишком благоразумным и дал по газам. Я врезал ему по покрышкам, машину развернуло ко мне боком, и тогда я врезал еще по боковому окну. Машина остановилась. Я подошел посмотреть. Типчик за рулем уютно спал, положив голову на руль. Три ноль в мою пользу!

Сев в свой экипаж, я помчался назад в Столицу. Остановившись у ближайшего фона, позвонил Моргено. Хозяйка пансиона ответила, что он еще не появлялся. Тогда я связался с резидентом.

— Что новенького? — спросил я.

— Моргено едет ко мне. Он взял какую-то важную бабу...

— Я сейчас буду! — крикнул я в трубку и нырнул в машину.

«Моргено везет важную бабу! Кто кого везет, еще неизвестно! Ох уж этот Моргено! Что он задумал?..»

Я покосился на сиденье рядом — на нем лежали два автомата и целый пояс запасных обойм, позаимствованные у бандитов. Я не слишком хорошо был знаком с этой системой и грустил по своему бластеру, но он остался дома.

За квартал от дома резидента я остановил машину, надел пояс и сунул под куртку оружие.

Возле подъезда стоял большой экипаж. Из любопытства я заглянул в него. На заднем сиденье лежали здоровенные чемоданы, коробки, плащи. Кто-то собрался в дальнюю дорогу... Я задумался... Потом открыл дверцу и лег на пол, замаскировавшись багажом.

Время шло ужасно медленно... Наконец, передние дверцы открылись и парочка заняла свои места. Люэн с облегчением вздохнула

— Ты знаешь, я очень боялась, — проговорила она. — Оказывается, зря, он ничего не подозревал. С ним было легко.

Моргено, не отвстив, двинулся в путь.

Люэн рассмеялась.

— Такого я еще не видала! Твой приятель сбежал от эсбэшников, пренебрег всеми опасностями, чтобы

помочь нам найти то, что мы уже и не надеялись отыскать.

Они оба расхохотались. Сукина дочь! Бывают же сюрпризы в жизни. Большие, но как этот — редко. Чертов Моргено, смотри у меня! Умудрился поймать сразу всех — и меня, и Командора.

Крутил втихаря любовь с Люэн и готовил удар. Конечно, он мог провести порученную мне операцию и сам, но побоялся засветиться. Напрашиваться на задание, значит заставить Командора задуматься. Зачем! Для этого существуют такие болваны, как я. Моргено связался с Командором и тот послал меня. Я был встречен Люэн и привезен в тот дом, где она меня опоила. Им было нужно, чтобы я оставался жив до момента, когда туда же привезут АА. Что уж они там хотели разыграть, не знаю. То ли застрелить из моего оружия, то ли вынуть пулю из трупа и заменить другой из моего оружия. Впрочем, что я порю, какая пуля. Мой бластер оставил бы точно такой же след, что и бластер Моргено. Меня нашли бы рядом с трупом, с оружием в руке и пьяным. Никто меня не видел, никто меня не знает. Да, забыл сказать, что я буду таким же холодненьким, как и АА. Дальше мой «приятель» честно выполняет задание по уничтожению супероружия и оказывается в дамках. Получает поздравления от шефа одной рукой, а другой страстно гладит попку Люэн, сидящей на кейсе с тиндейлом.

Мы выехали за город и направились, по всей видимости, к космопорту. Куда еще мог Моргено бежать. Узнав обо всем, Командор прикажет прочесать всю Бельгонду.

Машина неслась, ветер посвистывал, голубчики ворковали. У меня затекли ноги и бок болел от упирившегося в него автомата. Пора поразмяться.

— Пассажиров берете? — спросил я, появляясь, словно чертик из коробочки.

Машина вильнула, пальцы Моргено судорожно сжали руль. Люэн вскрикнула. В зеркале заднего вида отражалось лицо моего коллеги, оно было мертвенно бледным. Я бросил взгляд в окно. Мы проезжали мимо дезактивационных колпаков. Местность была совершенно безлюдной.

— Остановись! — приказал я Моргено.

Он затормозил. Его руки на баранке дрожали.

— Когда выбираешь такую профессию, как наша, — сказал я ему, — надо забыть про деньги, не то сгоришь. Это свято, третьего не дано, понятно?

Он стал ругаться. Я слушал внимательно, не забывая следить за Люэн. Она опустила правую руку... Пальцы зацепились за край кармана на дверце... Рука скользнула внутрь и появилась оттуда с пистолетом. Мой автомат пролаял. Пули прошли ее висок и разбили боковое стекло. Тело девушки медленно склонилось к Моргено. Застывшим взглядом смотрел он на отверстия, оставленные пулями в ее прелестной головке. Потом как-то сразу сник, стал жалким, бледным, размякшим. Я глядел на него с состраданием.

— Думал, что обвел меня вокруг пальца? Решил использовать меня как козла отпущения?

Он ничего не ответил.

— Выходи.

Моргено подчинился.

— Не вздумай бежать, я стреляю быстрее, чем ты бегаешь! Свою пушку оставь в машине.

Моргено сделал все так, как я велел. Мы сошли с обочины и пошли по песку. Слезы текли по его безжизненному лицу.

— Ты ее любил по-настоящему?

— Да. Это она все скомбинировала, я потерял голову.

— Но не настолько, чтобы забыть приказать ее бандитам прикончить меня. Подлец!

Моргено остановился и обернулся ко мне. Лицо его перекосилось, и стыд, и злоба читались на нем.

— Что ты будешь делать? — спросил он безжизненным голосом.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал?

Я жал на гашетку, пока магазин не опустел. Затем вернулся к машине и вытащил Люэн. Я положил ее рядом с ним. Она была чертовски красива.

Она будет работать у нас, шеф, — сказал я, вводя Иштар в кабинет Командора.

— Ты уверен? — задумчиво протянул он, разглядывая Стеклышко. — Она проверена?

— На все сто, — ответила за меня Иштар.

Шеф ухмыльнулся.

— И как долго она у нас продержится?

— Пока мне не отстрелят яйца, шеф! А может быть и дольше, если найдет достойную замену.

— Люблю трезвомыслящих людей. Я приму к сведению твою рекомендацию.

Шеф обратил свой взгляд к Иштар.

— Бедняжка, что он с тобой вытворяет, сквозь тебя солнце видно.

Спустя месяц мы нашли базу «Черной Девятки». Она располагалась на одном из спутников Ласки, планеты в системе, находившейся на окраине СОХа. И это после долгих лет, что мы потратили на ее поиски на Сиквесте, Омбойе, Хасте и других центральных мирах союза.

Я видел запись боя по дименсино. Он был захватывающим.

17

На бесплодной черной равнине, опоясанная тремя кольцами больших темно-синих шаров, высилась стометровая башня. Поверхность ее была ребристой, вершину венчал матовый купол со множеством прорезей.

Внезапно черная ледяная равнина вспыхнула ослепительным светом, таким, какого, наверное, не видела за свою миллионную историю. Над башней-фортом возник огромный мерцающий золотистый купол. Чуть погодя яркость его уменьшилась и вскоре он словно растаял, напоминая о своем существовании еле заметной туманной кисеей, сквозь которую хорошо было видно черное небо и чуть потускневшие звезды.

Внезапно с неба на башню обрушился ярчайший свет. Высоко над горизонтом, словно мячик, подскочило фиолетовое пламя и, распухая, быстро начало терять форму. За несколько мгновений оно превратилось в облако светящегося газа, медленно уплывавшее вдаль.

Затем одновременно, в разных местах, мерцающая завеса взорвалась мощными вспышками пламени. В тот же миг семь огненных комет взвились из окружающих башню синих шаров и унеслись ввысь.

Защитный экран потух и над равниной повисла напряженная томительная пауза. Она длилась недолго. Мерцающая пелена вспыхнула нестерпимо ярко и превратилась в гигантский раскаленный щит. По его поверхности побежали пепельно-фиолетовые пятна. Казалось, над равниной зажглось огромное солнце, ярче которого ничего не может быть. Но это был еще не предел. Яркость света все нарастала и нарастала. Откуда-то из пространства по башне била невидимая, но страшная сила, обрушивая поток смертоносной энергии. И щит, словно плоть, сдерживал яростный напор этого потока.

Сила бьющих из космоса лучей все росла. Цвет защитного экрана неуловимо менялся, переходя из ослепительно-белого в бело-желтый. Его края были окружены дрожащей короной разрядов. Из синих шаров залпами взлетали ракеты.

Я окинул глазами небо, ища цели, к которым они устремлялись, и увидел атакующий корабль. Его черный силуэт был очерчен слабым световым ореолом. Между ним и фортом плавал сверкающий эллипс, то поднимаясь, то опускаясь, казалось, будто две невидимые руки с неимоверным напряжением стараются отодвинуть его дальше от себя навстречу врагу.

Прошло еще какое-то время, прежде чем я разглядел в пляске вспышек огненной пульсации защитного поля еще четыре корабля. Как черные призраки, окруженные световой каймой, носились они над равниной. Эти звездолеты Дангора обладали невероятной скоростью и маневренностью. Они мгновенно останавливались и также мгновенно срывались с места, словно не летали, а перескакивали из одной точки пространства в другую, кувыркаясь и петляя, как им заблагорассудится. Против них были бессильны любые ракеты.

В полнейшем безмолвии космоса битва приближалась к своему апогею. Лед таял вокруг башни, окутывая ее серебристым туманом, пронизываемым пучками смертоносных лучей. Миллины лет скрытая подо льдами скалистая почва обнажилась и понемногу начала плавиться. Невозможно было пока сказать, какая из сторон понесла больший урон. На башне не было заметно никаких следов разрушения, экран полыхал безумным пламенем, отражая видимые и невидимые лучи.

Зато сразу было видно, когда защитникам форта удалось поразить корабль-истребитель. Его обшивка начинала вишнево светиться, и он мгновенно уходил в сторону с таким невероятным ускорением, что глаза не поспевали за ним. Орудия башни тоже не поспевали, хотя ими управлял кибермозг.

В небе появились еще три истребителя, теперь их было всего семь. Они двигались слаженно, крутя над фортом бешеную карусель. То один, то другой корабль камнем падал вниз и, нанеся удар, свечой взмывал вверх. Другие, прикрывая его, совершали в это время множество отвлекающих хаотических движений, били по башне издалека.

Трудно было поверить, но шла всего лишь шестнад-

цатая минута боя. Было трудно поверить, так он был жесток и быстротечен. И ни одна из сторон не нанесла еще другой тяжелого урона. Именно в эту минуту защитники пиратской базы применили свое главное оружие.

Можно было только гадать, почему они так долго не использовали его. Возможно, ждали момента, когда огонь атакующих кораблей ослабнет хоть на мгновение, и они смогут пойти на риск, ослабив на миллисекунду свою защиту, и нанести коварный удар стилетом. Может быть, напротив — стремились втянуть эскадру Дангора в ближний бой, чтобы ударить наперняка.

Так или иначе, но внезапно золотистый купол защиты разомкнулся и через образовавшуюся щель в звездное небо ударил сиреневый луч. Он пронзил один из истребителей столь легко, как-будто тот был бесплотен. Жало спряталось и защитное поле снова сомкнулось. Но дело было сделано.

Звездолет рванулся, как смертельно раненый зверь, но скорость его тут же упала, и он, беспомощный и беззащитный, медленно кувыркаясь, поплыл в небе. Лучевые орудия форта dokonчили дело. Металл обшивки начал светиться и плавиться, обнажая внутренности, затем полыхнул взрыв и корабля не стало.

Как мне объяснили потом, сиреневый луч был незнакомым для Дангора оружием, и потому прежде чем истребители научились уходить от его ударов, эскадра потеряла еще один корабль. Черные призраки начали спешно отступать и вскоре растворились в космической бездне.

Наступило затишье. Но длилось оно недолго — считанные минуты. Затем пятерка кораблей пошла в новую атаку. Набрав невероятную скорость, они в вертикальном пике мчались на башню. Их излучатели работали на полную мощность, плавившаяся почва фонтанами хлестала во все стороны, как дорожная грязь из-под колес. Но форт стоял непоколебимо. Защитный экран был весь испещрен не успевающими тухнуть фиолетовыми пятнами, а над ним и под ним плавали разноцветные эллипсы, возникавшие на пересечении встречных потоков энергии.

Корабли вышли из пике всего в каком-то километре от поверхности. Застыв на мгновение, потребовавшись, чтобы погасить огромную инерцию, они дружно взмыли вверх. Однако, этого мгновения оказалось достаточно — сиреневый клинок молниеносно вонзился в бок одного из черных призраков. Тот замер и повис черной торпе-

дой над планетой. Затем неожиданно ожил и, набирая скорость, понесся по гигантской дуге к горизонту. Он скрылся за горами и острые вершины пиков осветились далеким заревом взрыва.

Удача пока сопутствовала «Черной Девятке». Не успело потухнуть зарево над горами, как защитникам форта удалось подбить еще один истребитель. Теперь он уходил, но уходил слишком медленно, сжигаемый лучами бластеров. Его обшивка раскалилась сначала до вишневого цвета, затем стала алой... Я ждал, что он сейчас взорвется на моих глазах, но вышло иначе.

Повинуясь чьему-то приказу, наверное, переданному с другого звездолета, двигатели корабля ожили и, мгновенно набрав скорость, черный призрак понесся на форт. Он шел на таран, нос его стал белым от ударов лазерных лучей, но остановить этот мчащийся кусок расплавленного металла уже не могла никакая сила.

Попадание было почти прямым. Корабль врезался в озеро лавы у подножия башни, закрыв ее веером пламени и тучами светящегося газа.

«Вот и конец», — подумал я.

Тучи рассеялись... Невероятно! Гигантская башня стояла на своем прежнем месте. Она выдержала, но на ней явно были видны следы разрушения. А главное — над ней более не светился спасительный щит силового поля. Она была беззащитна перед врагом, который выжидал, затаившись где-то в глубине черных небес.

Три оставшихся корабля не замедлили нанести удар. Лавина лучей, смертоносный звездный дождь обрушился на форт... Башня подскочила вверх, словно стартовавшая ракета, и взорвалась. Фонтаны магмы взметнулись на сотни метров ввысь, вырастая причудливыми деревьями. Вот их желто-красные ветви застыли на миг и начали клониться к земле. Расплавленная порода рухнула в разлившееся на равнине огненное озеро. На месте ее падения вздыбился огромный горб и нехотя осел.

Огни чудовищного фейерверка погасли, и три черных призрака пошли на посадку. Вскоре за ними последовали десантные корабли с боевыми роботами и командос. Им еще предстояли тяжелые бои в подземном городе. А на внешних подступах к планетной системе, в которой располагалась база Девятки, развернулась настоящая звездная война. Форт успел вызвать подкрепление и на помощь ему двинулись корабли Девятки и эскадры пиратов. Флот Дангора ждал их... Встретил и разгромил.

СОХу был предъявлен ультиматум: либо они под наблюдением наших инспекторов ликвидируют все пиратские базы на мирах своего союза, либо Дангор сделает это сам без их разрешения со всеми вытекающими из этого последствиями. Правители СОХа предпочли унижительный мир оккупации.

Так закончилась эта история — одна из многих в моей жизни. Все они хранятся в моей памяти и будут храниться в ней до самой смерти. Но приключения на Бельгонде оставили мне много больше, чем только воспоминания, они дали мне Стеклышко... Скелетика... Иштар...

Виктор ПОТАПОВ

ПОСЛЕДНИЙ ПАЛАЧ

Фантастическая повесть

Глава I. Ночная стража

Ветер смерти трепал мои волосы. Он дул с юго-запада. Впрочем, это было совершенно неважно, с какой стороны он дул. По всей Земле теперь дули одинаковые ветры — ветры смерти.

Я глянул на небо. Рваные облака быстро неслись на северо-восток, сквозь них проглядывал узкий серп луны и яркие звезды. Я повел стволом пулемета влево от ворот. Спаренный с ним прожектор заскользил лучом по битому кирпичу. Мы на совесть поработали, взорвав все дома, окружавшие здание городской тюрьмы, чтобы ни одна тварь не подобралась незамеченной.

На месте бывшей булочной луч высветил двоих. Как обычно, они замерли, загипнотизированные светом. Я ждал, когда они придут в себя и начнут двигаться. Как только твари окажутся рядом друг с другом, я выстрелю. У нас было правило — не более трех патронов на пару тварей. Мы старались быть экономными, потому что все запасы разрывных были привезены из Большого Города, до которого 10 часов пути на машине. А это означало, что такую вылазку, не рискуя жизнью, можно было позво-

лить себе только в теплое время года, когда день длинен, а ночь коротка.

В Большом Городе нам приходилось ночевать в здании арсенала военной базы, слушая, как твари скребутся и злобно воют снаружи, пытаясь добраться до нас.

Наше счастье, что вместе с жизнью они утрачивали и разум. Точнее, почти утрачивали, превращаясь в двуногих хищников. Ими управляли два простых инстинкта — Жажда и Страх. Со временем Жажда становилась все сильнее и сильнее, а Страх слабел.

Я представил их муки, месяцами не видевших капли свежей крови... Я представил их неисчислимые полчища, рыщущие по планете, и мрачно порадовался одному — скоро они уничтожат все зверье, всех инфицированных, и им останется жрать только друг друга. Жрать до тех пор, пока от миллиардных орд красноглазых клыкастых чудовищ не останется одно единственное — Последний Вампир.

Он будет пробуждаться на закате и рыскать до утра, оглашая пустынную Землю воплями бессильной злобы, потому что единственная кровь будет течь в его собственных жилах.

Может быть, последней тварью будет вовсе и не человек, а какой-нибудь зверь... Например, кашалот и спрут. Хоть упыри и боятся воды, жажда крови в них сильнее страха. Найдется тварь, что доберется до лежбища тюленей, моржей, котиков, морских львов, а они, в свою очередь, доберутся до прочих морских теплокровных...

Впрочем, я не прав, спрут не будет Последним Вампиром. Головоногие, моллюски, рыбы, земноводные и пресмыкающиеся останутся безраздельными хозяевами планеты. Птиц и насекомых эпидемия по каким-то непонятным причинам выкосила начисто. И где-то среди существ с холодной кровью будет ждать своего часа Последний Вампир. Он не позволит природе начать все сначала. Теплая кровь притянет его, как магнит, и рано или поздно трагедия повторится. Если только на смену нам не придут разумные ящеры.

А если Последний Вампир не дожидается своего часа... мало ли что. Есть еще этот ужасный вирус, уничтоживший за полгода все человечество. Сколько раз уже он пытался погубить наш вид, но по каким-то причинам эпидемии заканчивались, живые мертвецы истреблялись, и люди продолжали жить, сохраняя в памяти легенды и знания о том, как бороться с вурдалаками: чес-

ноком, крестом, осиновым колом в сердце, отсечением головы...

Вспышка света и истошный вой мгновенно прервали мои размышления. Я резко рванул ствол вправо и успел увидеть, как падает со стены черная фигура, пораженная электротоком. Мы не зря выбрали местом своего жительства городскую тюрьму. Вначале обзавелись мощными генераторами: они давали свет, но не давали достаточно напряжения на проволоку. Трупы чадили, повиснув на ней, источали гнусный смрад. Ночью к ним было не подойти, нельзя было отключать ток. И только утром мы вилами сбрасывали за стену останки тех, от кого осталось что-нибудь, кроме костей. Солнце быстро довершало дело. В пасмурные дни распад тканей шел медленнее, и нам приходилось порядком глотнуть вонищи...

Я повернул пулемет влево. Как там моя парочка?.. Ага! Шерочка с машерочкой! Я нажал на спусковой крючок.

Ду-ду-дут! Пули отбросили тварей назад, и они забились судорожно, как рыбы на берегу. Тотчас из мрака явились три новые гадины и припали жадно к телам, лаякая их кровь.

Я примерился... Так... сниму двоих: сначала женщину в нижнем белье, подставившую мне спину, затем этого бородатого оборванца. Если удастся, то третьего одним патроном. Но он скорее всего убежит. Посмотрим...

Полоска белого лифчика служила мне хорошей мишенью. Под нее я и всадил первую пулю. Поведя стволом вправо, снес череп бородачу. Третий придурок оторвал — ся от разворочанной грудной клетки одной из двух первых моих жертв и жадно навалился на женщину.

Понаблюдав за ним несколько секунд, я вбил ему пулю в поясницу.

Давайте, ребята, подгребайте, устроим вечеринку с красным вином!

Я знал, чем больше жертв, тем многочисленнее будет стая, которая соберется на пиршество. Вначале они станут лакать из откупоренных мною сосудов, потом, опьяненные и обезумевшие, начнут бросаться друг на друга.

Валяйте! Экономьте мои боеприпасы!

Я вспомнил, как мы пытались уничтожить их, стреляя обычными патронами. Пули шлепали в тела, как в густой студень, не причиняя никакого вреда. Только с ног сбивали. Чтобы прикончить вампира, нужно было фактически перерезать его очередью пополам или проделать

в нем такую здоровую дыру, которую тварь уже не могла бы затянуть.

Из всех нас пятерых, окопавшихся в этой тюрьме, на такое способен был только Серега. Он был виртуозом! Но не мог же он дежурить еженощно и отдуваться за всех остальных. Тогда мы попробовали гранаты. Они действовали куда как эффективнее. Однако жужжавшие мимо ушей осколки постоянно напевали: «следующий лоб — твоей».

Мы, к счастью, остались все целы, но однажды Николай так увлекся, что перебил осколком колючую проволоку на стене. Ток вырубился, и твари радостно полезли во двор. Мы заперлись в здании и, вздрагивая, слушали, как бьются оконные стекла под ударами палок и камней. Решетки не пустили упырей внутрь, но ночь была не из приятных.

Днем нам пришлось прочесать весь двор — ящик за ящиком, брезент за брезентом, машину за машиной. Мы обшарили каждый закоулок и вытащили на свет пять тварей. Перекинули их через стену и с энтузиазмом взялись за укрепление обороны. Николай стеклил окна. Серега с Димкой отправились в Большой Город на поиски огнеметов и разрывных патронов, мы с Алексеем обследовали, наконец, местную гидроэлектростанцию. Алексей хорошо разбирался в двигателях, через неделю эта старая хреновина запыхтела как миленькая. Энергии у нас стало навалом, мы повысили напряжение и начали делать из тварей скоропортящиеся бифштексы.

«Какого черта мы не сделали этого раньше? — подумал я. И сам себе ответил:—Много пили и много трусили...»

О! На месте бывшей булочной развернулось ожесточенное сражение. Привлеченная запахом крови, явилась стая псов-вампиров. Люди-кровососы оторвались от жертв и похватали, что попало под руку — кирпичи, обломки досок, стальные прутья арматуры. Все-таки какая-то капля разума у них оставалась.

Стая против стаи стояли они и злобно рычали друг на друга. Потом огромный мраморный дог прыгнул вперед и, повалив мужчину, одним взмахом громадных клыков порвал ему глотку. Жадно лакая кровь, пес не заметил, как жертва нанесла ему удар в бок. Стальной прут глубоко вошел в тело, и человек стал дергать его вверх-вниз, расширяя рану. Кровь хлынула из нее, пес взвыл, оторвавшись от шеи жертвы, и мужчина, воспользовавшись ис-

пугом животного, опрокинул его на бок и припал ртом к ране. Чуть погодя движения обоих замедлились, стали вялыми, и они застыли в окончательной неподвижности настоящей смерти.

Рядом два пса повалили женщину. Один добирался до горла, терзая слабую руку, пытавшуюся остановить его, другой, разорвав платье, прогрызал левую грудь, стремясь добраться до сердца. Левая рука женщины поднялась, и увесистый булыжник опустился на череп пса. Кровь хлынула из глубокой раны. Тотчас на спину животного прыгнул мужчина-вампир и впился ему в загривок.

Оргия Смерти, Бенефис Дьявола — еженощно он разыгрывался перед нашими глазами.

Мой обострившийся за последние полгода слух уловил звук шагов на лестнице. Мы уже так хорошо изучили друг друга, что я сразу распознал Николая.

Гулко хлопнула металлическая крышка люка.

— Привет! — сказал он и стал рядом — невысокий, сухой, с желтой кожей и мешками под глазами. От Николая крепко пахло водкой.

— Что у тебя?

— Обычный концерт.

— Дай бинокль.

Я снял бинокль с груди и протянул ему. У «Коля-малы» было слабое зрение.

Некоторое время он молча созерцал бой гладиаторов, развернувшийся в развалинах, потом сказал:

— Пospел ко второму акту.

Я знал, что он имел в виду. Скоро люди и псы, насытившись, уйдут и их сменят женщины, не осмелившиеся участвовать в драке. Как гиены притащатся они, чтобы высосать остатки стынущей крови. Но не только за этим... Где-то в глубинах их полумертвых мозгов сохранилось воспоминание о своей прежней природе, своем предназначении и власти, которой они обладали над сильным полом.

Они приходили соблазнять нас. И делали это самым непристойным образом, как развратные пьяные суки, как профессиональные шлюхи! Расстегивали платья, поднимали на ладонях груди и трясли ими перед нашими глазами; задирали подолы и, спустив трусы, принимали самые непристойные позы, поворачиваясь то передом, то задом, надеясь соблазнить нас видом своих мертвых влагалищ. Для мужчин, полгода не спавших с жен-

щинами, это было тяжелое испытание. После смерти тела вампиров обретали красоту, которой не имели при жизни. Дьявольскую красоту. Только Мечь, водка и онанизм спасали нас от безумия, от жестокой междусобойки. Удерживали от того, чтобы броситься к этим прекрасным белоснежным телам.

Скрежеща зубами, мы расстреливали женщин с особой ненавистью, чтобы избавиться от дьявольского соблазна, от этого наказания Господнего.

— Никогда раньше не думал, что существует столько конфигураций задов, бсдер, грудей, — сказал Николай, во всю глаза на разворачивавшийся перед нами шабаш. — Смотри, вон у той, совсем круглая, а у той, как перевернутое сердечко, а у этой, — он ткнул вперед пальцем, — как оплывшая квашня.

— Во! — Николай схватил меня за рукав. — Гляди! Вот это груди! Снаряды! Стоят параллельно земле. Закон тяготения им по фигу... А такие мне нравятся: большие, тяжелым полукругом, но чтоб не висели, и сосок высоко, длинный, темный, упругий. А это что за дрянь! Как у свињи! Не фи́га нет, а болтаются, как дерьмо! Морды крысиные, а не груди!

Я ждал, когда он закончит свои излияния и поступит, как поступал всегда. И дождался. Николай умолк на полуслове, его показное веселье точно водой смыло. Он снял с груди бинокль и протянул мне.

— Подержи.

Я взял бинокль и повесил на шею. Николай приник к пулемету, повел дулом. Ду-дут, и одна из женщин ткнулась носом в кирпич. Некоторые, визжа, стали разбегаться. Другие накинудись на упавшую.

Ду-ду-ду-ду-ду-дут! — застрочил пулемет, безжалостно кося вампиров. В стороны полетели клочья плоти — мозги, пальцы, груди. Каждый из нас был неповторим в своем роде. Николай лучше всех обрывал вампиркам груди. Обычно он менял ленту — разрывные на простые, чтобы не рвало безобразно в клочья, а срезало чистенько. «Сейчас обрею», — говорил он, и начиналось.

Я закурил и отвернулся. Тоска. Опять ему померещилась в ком-то его Люба. А мне что, не мерещилось?!... И у меня была жена... дети... И у других, что спали, беспокойно ворочаясь на тюремных тюфяках этажом ниже...

— Ну хватит! — сказал я Николаю минут через 15. Без раздражения или вызова, но твердо. И сжал его руку, лежавшую на пулемете. Чуть помедлив, он убрал палец со

спускового крючка и отошел к другому краю площадки. Щелкнула зажигалка, до меня донесся характерный запах марихуаны.

— Где дурь взял? — спросил я.

— Ребята дали... — он помедлил чуть-чуть и добавил. — Серега с Димкой из города привезли.

Я кивнул молча, не заботясь о том, заметил он мой кивок или нет. Шел бы он отсюда поскорее со своей дурью, со своим надрывом в душе и прочим дерьмом. Нет у меня сил с ним няньчиться, самому тошно.

Глава II.

Месть

У нас было два «джипа» в прекрасном состоянии, позаимствованные у коммерческого банка «Восход» — серый и голубой. Сейчас я и Николай ехали на «серике» по улицам нашего городка. Мы были хорошо экипированы — на шеях висели связки чеснока, на коленях лежали автоматы с большим запасом разрывных патронов, на заднем сиденье стучали на ухабах друг о друга остро заточенные осиновые колышки и увесистые деревянные киянки. Еще в большой сумке там же лежало то, что помогает не всегда — библия, коран, талмуд, кресты, распространенные у современных колдунов и ведьм, талисманы и амулеты. **Не всегда** потому, что на мусульман, например, библия и крест действовали примерно так же, как сухая корка на тигра. И наоборот.

Улицы были пустынные и тихи. Ветер шуршал обрывками газет, катя их по мостовым и тротуарам. В разбитых окнах иногда пугающе громко дребезжали осколки стекол. Николай время от времени нажимал на сигнал, оглашая безмолвные окрестности громким гудком. У нас никогда не исчезала надежда отыскать людей. Остались ли они в городе, что совершенно немыслимо, ведь прошло полгода, либо пришли в него, неважно...

Но таких не было. Все мы пятеро встретились в Большом городе и «мигрировали» сюда вынужденно, боясь болезней, ибо через месяц после начала эпидемии город начал гнить. Нельзя было пить никакую воду, кроме бутылочной, есть иные продукты, кроме консервов. Отсутствие энергии привело к отключению всех холодильных установок. Теперь хладокомбинаты походили на гниющие туши китов, выброшенных на берег. После ливней по улицам растекались смердящие лужи нечистот, вы-

плескивающихся из засорившейся канализации. Инфицированные — те, кто был заражен, но еще не превратился в вампиров — жгли в квартирах костры, чтобы согреться и отпугнуть мертвецов-кровососов. Из-за них в Городе не прекращались пожары. Кроме того, в нем было так много вампиров, что не оставалось надежды покончить с ними в обозримом будущем.

Здесь — в нашем городке — мы быстро взяли ситуацию под контроль и методично очищали дома от заразы. У нас была карта, на которой отмечались безопасные здания. Сколько труда скрывалось за этим словом «безопасные». Мы вламывались в них, обыскивали от подвала до чердака, уничтожали вурдалаков или инфицированных, заколачивали все окна и двери, цементировали трубы и любые другие отверстия. После чего ставили на парадных дверях здания белый крест, прямо как в сказке Андерсена.

Зона безопасности постоянно расширялась, но... Белые кресты, забитые досками двери и окна, зацементированные печные трубы и отдушины не обеспечивали полной гарантии безопасности. Упыри и инфицированные могли отодрать доски и проникнуть в «чистый» дом снова. Нужна была повторная проверка, но на нее у нас не хватало сил. Маленький город — это все же город — десятки тысяч жителей плюс вампиры-бродяги. Обочины дороги в Большой Город были усеяны сотнями скелетов. Вокруг некоторых земля была разрыта. Стремясь спастись от убийственных лучей солнца, упыри, как кроты, зарывались в землю, чтобы переждать день. Кое-кому это удавалось, мы обнаруживали замаскированные норы вдоль всей шоссейки, соединявшей города. Это явно было делом рук инфицированных. Видимо, они выходили сразу после заката и начинали рыть убежища задолго до утра. Мы засыпали обнаруженные нами землянки, но они появлялись снова. Это было закономерно, ведь мы лишили инфицированных всех средств передвижения и сопротивления.

Ежедневно у нас работала одна бригада из двух человек, трое отсыпались после ночного дежурства на вышке и электростанции.

Кстати, в нашем городке инфицированные огнем не баловались. Они прекрасно знали о нашем существовании, не желали привлекать к себе внимание и лишаться своих убежищ.

Безопасная зона закончилась, и Николай затормозил подле ближайшего дома без белого креста на парадной двери. Я прикинул: три этажа, один подъезд, квартиры по четыре на площадке — минут по 20 на каждую, если обойдется без эксцессов, плюс подвал и чердак. Тут уж, как Бог даст. Подвалы везде разные. Иногда, к моему удивлению, они оказывались гораздо больше стоящих над ними домов. Чердаки тоже бывают разные, некоторые так захламлены, словно на них устраивали баррикады.

Такие чердаки, как и все деревянные дома, мы поджигали. Ежедневно черные столбы дыма поднимались над городом. Погребальные костры нашей жизни. Ночами, когда дым сливался с мраком, их сменяли зловещие сполохи. Днем и ночью время от времени слышался грохот, тучи искр взмывали к небу, а дом со всей его начинкой — всем барахлом, налитыми кровью корчащимися трупами — проваливался внутрь себя. В ад! говорил я себе, наблюдая конец еще одного пристанища гнусных тварей.

Поначалу мы жгли от случая к случаю, но потом как-то сам собой у нас сложился график — минимум один пожар в два-три дня. Нас не покидала надежда, что кто-нибудь заметит столбы дыма и пожелает узнать их происхождение. Мы надеялись, что этот кто-то сообразит, твари не могли зажечь эти костры, ведь они панически боятся огня.

Дома сгорали и рушились, а вместе с ними рушились наши надежды. **МЫ БЫЛИ ОДНИ.** На многие, многие километры вокруг нас растилалась пустыня — **ЗЕМЛЯ МЕРТВЫХ.**

Если мы останемся здесь навсегда, сказал как-то Алексей, мы сойдем с ума. Перезимуем и двинемся, куда глаза глядят. Нужно начинать жизнь сначала. Раз остались в живых мы пятеро, где-нибудь есть и другие. И среди них обязательно будут женщины, которые станут нашими женами, станут рожать нам детей. Жизнь снова обретет смысл, потому что у нас появится будущее.

— Хоть бы старушку-бабушку найти! — хохотнул Дмитрий. — Полгода живой п-ды не видел... Дети, б-ть, дети — наше будущее, — придурковатым голосом пропел он.

— Заткни пасть, морда! — с холодной яростью выкрикнул Алексей и пошел на Димку. Леша был невысок, но плотен — бывший военный строитель. Его светлые волосы торчали, как у индейца, вышедшего на тропу вой-

ны, и все знали, он надерет задницу этому хилеку Димке одной левой.

Мы разняли их и затушили ссору несколькими бутылками «Распутина». Да... у каждого из нас были свой характер, свои надежды, мечты. Возможно, мы были последними людьми на Земле. И эта мысль заставляла нас мириться с недостатками друг друга. Вот мы — пятеро — в чьих жилах течет чистая, горячая, алая кровь — и не из кого больше выбирать. Николай, Алексей, кривляка и циник Димка, зануда и выпивоха Серега. И я.

Нет, я не прав. Не только горячая кровь объединяла нас. Наше братство скрепляли Страх и Ненависть... МЕСТЬ!

— Три этажа, четыре квартиры на площадке, двенадцать, — считал Николай, пока мы ломами вскрывали парадную дверь. — Минут по 20 на каждую, это час на три, а всего 12. Четыре часа. Подвал и чердак — еще час... Пять... — Он вслух повторял мои мысли.

Николай поглядел на меня.

— Пять часов без обеда с 9 до 14. До вечера можем еще какую-нибудь избушку раскурочить. Лучше деревяшку, обыскать и зажечь. После вчерашней пьянки у меня что-то энтузиазма нету.

Он бросил лом на ступеньки и пошел к «джипу».

— погоди! — крикнул Николай через плечо. Покопавшись на заднем сиденье, он повернулся и помахал зажатой в руке бутылкой. Она весело блеснула на солнце. Другой рукой Николай прижимал к груди закуску.

— Похмелимся... — он сел на ступени. Я достал нож и вскрыл банку соленых опят. Накромсал хлеба — мы пекли его сами — и поставил Николаю два пластмассовых стаканчика. Он щедро наполнил их до краев. Я не стал возражать. Работу, которую мы добровольно взвалили на себя, на трезвую голову выполнять было очень трудно.

— Смерть — мое ремесло, — сказал Николай, сплевывая, и вздохнул, как измученный болью раковый больной.

— Пошли, — я положил руку ему на плечо. Он посмотрел на меня. Небритый, с потрескавшимися губами, морщинами и чудовищными мешками вокруг глаз.

Глаза его были пусты и безумны, почти как глаза вампира. Он словно не слышал и не понимал меня.

— Коля! Коля! — похлопал я его по плечу. — Кончай это! Пошли!

Я подхватил его под мышку и заставил встать.

С подвалом мы разобрались быстро. Прирезали за-
рывшуюся в мусор дворнягу и намертво заколотили
дверь.

Несмотря на солнечный день в подъезде было сум-
рачно. Я осветил фонарем дверь с белой овальной таб-
личкой, на которой стояла цифра «1». Подергал ручку —
дверь была заперта. Мы переглянулись.

— Здесь живут крутые ребята, — сказал Николай, в го-
лосе его звучала злоба.

Лом врезался в край двери подле замка, полетели
щепки. Удар, удар, еще удар, лом проскочил насквозь. За-
скрежетал металл о металл, Николай закричал, и вы-
рванный замок повис на согнутом шурупе.

Мы вошли. Гнилые запахи давно не проветривавше-
го помещения ударили в нос: мерзкое дыхание канали-
зационных труб на кухне, в ванной комнате, сортире.
Дерьмо и остатки пищи разлагались на их стенках. При-
вычный запах умирающего города. Но в сочетании с за-
пертой дверью это был запах логова тварей.

Мы осмотрели комнаты и обнаружили хозяина на ан-
тресолях за старыми тряпками и чемоданами.

— Умник! — похвалил вампира Николай, и мы, натя-
нув холщевые рукавицы работников мусоровоза, стянули
его за ноги на пол. Тело тяжело обрушилось и голова
мертвеца стукнулась об пол так, что у него лязгнули
зубы.

Мы испуганно отскочили, страх перед вурдалаками
сидел в каждой клеточке наших тел. Несколько мгнове-
ний мы настороженно смотрели на молодого парня в
джинсах и грязной голубой рубашке, лежавшего перед
нами. На груди его засохли бурые пятна.

Николай снял рукавицу и дотронулся пальцем до вы-
глядывавшей из-под задравшейся штанины щиколотки.

— Как из холодильника.

Мы взяли упыря за ноги и поволокли в комнату.
Здесь было сумрачно, тяжелые портьеры закрывали окна.
Я хотел раздвинуть их, но Николай остановил меня.

— Не надо, не надо! А то он начнет вертеться!

Мы подняли тело и положили лицом вниз на обеден-
ный стол.

— Фу! — Николай отер потный лоб. — Вчерашний
кайф выходит. Давай еще по полстакана и за работу.

Мы приняли, закусили. Бросили монету. Кончать
вампира выпало мне. Я достал из сумки топор, приме-

рился и с одного взмаха отсек его поганую башку. Кровь хлынула на клеенку. Обезглавленное тело затряслось так, будто через него пропустили ток, и застыло. Голова скатилась на пол и замерла на левой щеке. Из перерубленной шеи и ощерившегося клыками рта сочилась кровь.

Наши взгляды были прикованы к телу. Если человек стал упырем давно, плоть его начинала разлагаться на глазах, выдержать источаемое ею зловоние было крайне трудно. С этой проклятой водкой да с похмелья мы забыли надеть противогазы и потому стояли сейчас как спортсмены на старте, готовые бежать вон из квартиры.

— Не-е, свеженький, — констатировал Николай и присел на корточки рядом с отрубленной головой. У «свеженьких» головы жили еще около получаса после отсечения и с ними можно было даже общаться. Иногда это кое-что давало — полезную информацию.

Николай схватил голову за свалившиеся волосы и водрузил на стол.

— Ну что, голова профессора Доуэля, поговори с нами!

Тусклые красные глаза вурдалака прожигали нас ненавидящим взглядом. «Смотри! Смотри! — подумал я. — Нам насрать на твою ненависть! Что она против нашей ненависти!... Ненависти затравленных одиночек, лишившихся близких, не имеющих ни настоящего, ни будущего. Вся наша жизнь — одно — убивать, убивать вас и еще раз убивать...»

— У-у... цы... кр-кр... в-в... — с огромным трудом выдавила голова.

— Да, да, — кивнул Николай. — Мы твои убийцы, мы — палачи, назначенные Богом и Судьбой. Крови хочешь? Или своей жалко? А? — Он уставился на вампира.

Голова оскалилась, задергала по-бульдोजьи челюстью и, выхаркивая на подбородок сгустки черной крови, произнесла:

— Ты умрешь страшной смертью...

— Конечно, конечно, как же еще! — Николай зло рассмеялся. — Какой осведомленный попался! Знает, как я умру!

— И когда... — продолжила голова. — Мертвые... знают... о смерти... больше... живых...

— Ну-ну! — Николай истерически расхохотался.

— Кончай цирк! — Я потянул его за руку. Он вырвался.

— Пусть поговорит, балаганная башка! Давай! — Он ударил вымпира широким ножом по щеке. Тот ощерился и зарычал.

— Все вы... умрете... Смерть... уже идет... к вам... А ты... — он плюнул в Николая кровью, но плевков не долетел и растекся по столу. — Ты придешь к ней сам...

Злая усмешка в миг исчезла с лица Николая. Оно стало холодным и беспощадным. Николай наотмаш плашмя ударил голову ножом по уху. Голова слетела со стола и покатилась по полу.

Я подошел к окну и раздвинул шторы. Трупный смрад сразу же наполнил комнату. Мы пулей вылетели из квартиры. Николай сходил к «джипу», принес доски, гвозди, молотки, и мы забили дверь крест-накрест. Слава Богу, на первом этаже не придется возиться с окнами, все они были забраны фигурными решетками.

— Давай еще хлебнем, — предложил Николай, доставая бутыль «Распутина».

— Давай повременим. Мы так до второго этажа не дойдем. Нажремся.

— Ну и хрен с тобой! — окрысился Коля-маля и наполнил стакан до краев. Рука его дрожала и часть водки пролилась на пол.

— Ладно, давай, — махнул я рукой. — Черт с тобой! Если не пить, совсем шизанешься.

Я выпил. Внутри разлилось тепло. Кайф приятно туманил сознание и наша ужасная жизнь не казалась уже такой мрачно-безис-холодной.

Мы дружно — в два лома — разворотили замок в квартире номер два и вошли. Здесь воняло куда гаже, чем в первой. В ворохе тряпок на кухне мы обнаружили здорового рыжего кота со слипшейся от крови шерстью на морде. Одним ударом своего тесака я снес ему башку. Зверь разложился за полминуты. От ударившего в нос зловония меня чуть не вырвало. Николай, матерясь, размахнулся и разбил топором оконное стекло. Нам сразу полегчало.

Обыскав квартиру, мы обнаружили под кроватью старого бомжика в стоптанных башмаках, драных брюках и меховой безрукавке на голое тело. Безрукавка была вся изодрана пулями. Ни на груди, ни на спине, как и следовало ожидать, никаких следов не было.

— Бывалый дядя, — сказал Николай. Лицо его покраснело, глаза налились кровяными прожилками. Мы надели противогазы, ясно, тут разбитым окном не обой-

дешься. Бомжик будет жутко смердеть. Подняли тело и бросили на стол. Николай достал из чехла топор. Я остановил его жестом.

— Дай я, — и показал ему свой наточенный, как бритва, тесак, которым только что обезглавил кота. Что-то на меня нашло, чей-то дух — мясника или Малюты Скуратова — витал рядом и подталкивал под руку.

Примерившись, я одним ударом срубил упырю его поганую башку. Да, сегодня я был в ударе, прямо Василь Иваныч Чапаев.

Мы выскочили из квартиры и захлопнули дверь. Нюхать протухшую тварь даже в противогазах, а тем более наблюдать весь процесс разложения у нас не было никакой охоты. Каждый из пятерых посмотрелся на эту гнусь по самую завязку, на всю оставшуюся жизнь.

В третьей и четвертой квартире никого не оказалось. Мы заколотили двери и поднялись на второй этаж. Усевшись на подоконнике лестничной клетки, выпили еще и как следует закусили. Нас прилично развезло. А мне, когда я хорошо поддам, всегда хочется есть.

В квартире номер пять мы застряли надолго. Взломали замок, но дверь открыть все равно не смогли. Она была забаррикадирована на совесть. Ясно, тут окопались инфицированные. У них, в отличие от упырей, хватало ума всерьез позаботиться о своей безопасности. Если бы они могли, они ушли бы из города. Но было лето, и никто из них не мог за короткую ночь добраться пешком до Большого Города.

Некоторым вначале, пока мы не собрали все запасы топлива в своем тюремном хранилище, удалось уехать на машинах. Остальные, отчаявшись бежать, стали обстреливать нас по ночам, но вскоре у них кончились патроны. Мы позаботились о своей безопасности и свезли все оружие, имевшееся в городке, в тюрьму. Конечно, каждую квартиру не обыщешь и все двустволки и мелкашки не изымешь. Но всему свое время. Когда каждый дом будет помечен белым крестом, опасность быть подстреленным во время дежурства исчезнет полностью. Пока что мы свели ее к минимуму, закрыв все площадки стальными щитами — и главную на крыше тюрьмы, и угловые на стенах, и ту, что у ворот. Пришлось повозиться. Приваривая щиты так, чтобы дула пулеметов свободно двигались по кругу в широкой щели. Самым уязвимым местом нашей обороны были прожекторы. Их пришлось поднять над щитами. К счастью, за те четыре месяца, что

мы прожили в тюрьме, только пять были разбиты выстрелами инфицированных. Это нас неслишком расстроило, на складе было несколько запасных, а кроме того, более 20 штук мы демонтировали на заводах, во дворах крупных магазинов, на стройках, в военном городке, на центральной площади.

Каждую ночь двое из нас дежурили на электростанции. Мы боялись, что инфицированные поломают оборудование, либо, хуже того, взорвут его. Обнесли станцию колючей проволокой и пустили через нее ток. Бережного Бог бережет.

Когда замок был выбит, я, наклонившись, заглянул в образовавшуюся дыру. В ней виднелось что-то темное, ровное, блестящее.

— Похоже, подперли шкафом, — сказал я, выпрямляясь.

Николай понимающе кивнул и запусти руку в сумку. Достав гранату, примерил ее к отверстию в двери.

— Проскочит.

— погоди! Там-то места хватит? А то повиснет в дырке, все осколки на лестничную клетку брызнут.

Николай сунул руку в дыру.

— Не, нормально. Они его с наклоном поставили.

Он вырвал чеку и привычным движением быстро просунул гранату в отверстие. Мы бросились за угол. Гроыхнуло. Клубы дыма пахнули в лицо. Мгновение стояла тишина, затем что-то со скрежетом медленно рухнуло.

Мы вышли из-за угла. Дверь сорвало с петель. Поверх нее лежал искореженный шифоньер.

— Всю жизнь мечтал работать грузчиком, — сказал сердито я. Николай захохотал.

Мы приподняли шкаф и выволокли его на площадку. Путь был свободен.

Трехкомнатная достаточно чистая квартира. Тишина, полумрак, никакой вони. Я заглянул на кухню — слив мойки был заткнут тряпкой, та, в свою очередь, накрыта полиэтиленовой крышкой, на которой стояла килограммовая гиря из магазина.

Хозяева — худощавый мужчина с аккуратной бородкой и женщина с распущенными длинными волосами лежали одетыми в спальне поверх одеяла. Мы подошли к ним — я слева к мужчине, Николай справа к женщине, коснулись пальцами их лиц. Да, это были инфицирован-

ные, будущие вампиры, но пока еще люди, хотя не такие, как мы. Они погружались днем в летаргический сон, который невозможно было прервать никакими средствами. Почти ничего не ели — кое-какие фрукты и сырое мясо — в основном пили воду и, если удавалось достать, кровь. Однако инфицированные не убивали людей и животных, чтобы высосать алую влагу жизни.

Как и на нормальных людей, вампиры нападали на инфицированных, но они были для них столь же малопривлекательны, как и их соплеменники — мертвецы-кровососы. У нас не было объяснения тому странному факту, что упыри готовы сосать живую кровь до бесконечности, пока не раздуются, как пиявки, и, забравшись в свою нору, спать на протяжении долгих недель. В то же время, если изголодавшись, они набрасывались на своих, то удовлетворялись несколькими глотками. После чего, не зная усталости, бесновались ночи напролет перед воротами тюрьмы.

Для нас разницы между вурдалаками и инфицированными не существовало. В среднем через неделю, самое большее через месяц заболевшие умирали и превращались в ненасытных тварей. Выздоровевших не бывало. Встречались только такие, как мы пятеро, которых Бог наградил редким иммунитетом... Зачем он сделал это, не раз задавал я себе вопрос. Чтобы мы дали жизнь новому человечеству или чтобы стали последними свидетелями гибели нашего грязного, жестокого мира?..

Но ведь в нем были не только жестокость и грязь... Были еще Красота и Любовь!..

На груди хозяина квартиры лежал листок бумаги. Наклоняясь, чтобы взять его, я увидел, как тускло, искрой, сверкнула рубиновая сережка в ухе его жены. Женщина была не очень молода — за 30 — но очень привлекательна.

«Нашим убийцам!

Уже более двух месяцев мы живем здесь. И ничего не меняется в нас. Два месяца! Осознайте это! Мы не превратимся в вампиров, хотя уже никогда и не будем прежними. **МЫ ДЛЯ ВАС БЕЗОПАСНЫ!!! ПОВЕРЬТЕ!!!**»

Я подал письмо Николаю. Он прочел и, скомкав, швырнул в лицо мужчине, написавшему его.

— Ублюдки! — заорал он. — Готовы на все, чтобы спасти свои сраные жизни! Трупы ходячие! Говнюки! Нас не проведешь!

Он выхватил нож и вспорол платье на груди женщины. Пуговицы брызнули во все стороны. Обнажились полные красивые груди. Остановившимся взглядом Николай смотрел на то, как поднимаются и опускаются в ровном дыхании гладкие розовые соски.

— Сука! Она хочет жить! — Николай распорол платье донизу. Нежный сытый животик, трусики, обнимающие тесно лобок, сладкие бедра.

— Сука! — Николай дотронулся острием ножа до груди женщины. Медленно с нажимом повел влево. Нежная плоть проминалась, уступая стали, чертившей тонкую кровавую полосу на коже. Женщина беспокойно задвигалась, издала тихий глухой стон.

Николай злобно засмеялся.

— Бойтсся, сука! Бойся, бойся! Моя жена, моя дочь — они тоже боялись, они умирали от страха, когда ваши друзья-трупняки терзали их... Мы безопасны! Поверьте! — передразнил он последние слова письма. — Рука не дрогнет! Я убил моих дорогих девочек!.. Надюша! Ей было всего 18. Она у нас всегда была болезненная, хрупкая. Только выравнилась, замуж собралась... и ВСЕ! ВСЕ!!! — заорал Николай.

Я подошел к нему и положил руку на плечо.

— Коля! Коля! Успокойся! Пойдем, выпьем.

Он был маленьким, жалким, по его щекам катились слезы.

Мы прошли в гостиную, сели за стол. Коля-маля достал из сумки водку, хлеб, грибы, банку ветчины, стаканчики. Хлюпнул носом, утерся рукавом. Вскинул голову, поглядел на меня. Глаза его были мутны и красны. В этот миг он показался мне страшнее вампира.

— Не трави душу, — сказал я, — все мы прошли через это. Мстить, но не впадать в истерику. Я верю, весной мы свалим из этого сраного городишки. Мы найдем других людей... женщин... У тебя будет семья, дети...

— Семья... дети... — как эхо повторил Николай.

Я быстро наполнил стаканы. Мы выпили, стали есть. Я наблюдал за моим другом по несчастью. Похоже, он пришел в себя. Успокоился.

— Давай еще по чуть-чуть и за дело.

Николай странно посмотрел на меня.

— Давай...

Он выпил и, не дожидаясь меня, направился в спальню.

Я не стал торопиться. Пусть его, я сегодня уже утолил

свою жажду мести. Задор бесстрашного убийцы вампиров прошел. Неспеша я сложил в сумку банки, хлеб, бутылку, стаканы, повесил ее на спинку стула и нехотя поднялся. Да, пепел мертвых не стучал в мое сердце. Но каким бы ни было настроение, работу надо было выполнять.

На пороге спальни я застыл, как вкопанный, пораженный открывшейся картиной. Коля-маля, только что убивавшийся по семье, насилует инфицированную. На-явивал, дай Бог! Его голый тощий зад резво двигался у меня перед глазами.

— Эй! — окликнул я Николая.

Он остановился и оглянулся.

— Она живая и теплая. И их будет все меньше и меньше, пока не останутся одни вурдалаки. Я буду трахать их всех! Хочешь, становись в очередь. А пет, так пошел ты! — Он хохотнул и отвернулся, продолжив свое занятие.

Я наблюдал за ними. Безвольные ноги, раскинутые в стороны, вялое тело, большие груди, прыгающие от яростных толчков. Это было одновременно отвратительное и завораживающее зрелище. Так давно у меня не было женщины! Онанизмом природу не обманешь. Но я никогда не помышлял даже о том, чтобы начать насиловать инфицированных. Они были для меня по ту сторону жизни — разница между ними и упырями заключалась только в температуре тела.

Николай зарычал в оргазме, замотал головой, стиснул жестоко груди женщины. Она глухо застонала, задвигалась вяло. Руки ее были прикованы наручниками к спинке кровати.

«Обстоятельный мужик, — подумал я. — Не хочет лишних царапин».

Николай слез с инфицированной и встал подле кровати. Я не мог удержаться, чтобы не взглянуть на его влажно блестящий торчащий член. Потом посмотрел на женщину. Красный зрачок между раскинутых ног манил. Я ощутил, как начинает пульсировать в трусах мой член, быстро поднимаясь. Чтобы напарник не заметил этого, я круто повернулся и вышел в гостиную.

— Кто получает удовольствие, тот и работает! — крикнул я Николаю. — Кончай с ними, я осмотрю квартиру.

В кладовке, заваленная старыми одеялами, газетами, бутылками, лежала девушка лет 15—16. Моей старшей было столько же.

Я вытащил девушку в коридор и положил на пол. Погладил по волосам — они были длинными и того же цвета, что и у матери. Затем расстегнул пижаму. Грудь ее были прекрасны... Сколько восхищенных взглядов могли собрать они, сколько радости принести кому-то. Не удержавшись, я провел ладонью у нее между ног и отдернул руку, словно обжегшись.

Я убил ее милосердно — одним ударом осинового колышка в сердце. Положил обратно в чулан и замаскировал хламом. Похоронил. И вместе с нею в который раз свою дочь...

Мне было не по себе. Я отвык от нормальных человеческих чувств и поступков, кроме ненависти и боли, кроме жестокости и убийства. Ее родители пожертвовали собой, надеясь спасти дочь. Они думали, обнаружив их в спальне, мы не будем проводить тщательный обыск.

Зачем тогда эта записка?.. Еще одна хитрость или последняя надежда на милосердие?.. На что они рассчитывали?..

Я не знал, что ответить. Мне было не по себе в этой квартире. Не было обычного чувства исполненного долга, удовлетворения от того, что уничтожил еще несколько тварей. Было жаль девочку и погано от того зрелища, которое организовал мне Николай.

Мы сволокли тела вниз, забили окна и дверь и двинулись дальше. В этом доме нам пришлось потрудиться. Каждую дверь в оставшихся семи квартирах мы взрывали гранатами. На третьем этаже Николай изнасиловал еще одну инфицированную — совсем молоденькую.

К обеду мы так устали, что не стали обыскивать чердак, а просто подожгли его. Там было полно газет, поломанной мебели — огонь резво и весело взялся за дело.

Всего набралось 15 трупов, из них три детских. Один мальчик был совсем крошечным, наверное, еще не научился ходить, когда на него обрушилась эта напасть.

Покидав тела в прицеп, мы поехали в местный крематорий. Там сжигались нами останки. Сжигались ежедневно. Если одна зараза не взяла нас, мы не были защищены от другой — чумы. Ведь инфицированные не разлагались так быстро, как вампиры, может быть, не чума угрожала нам, не вполне уверен, среди нас не оказалось врачей. Но мы не сомневались, что гниющая плоть, не захороненная и не сожженная, обязательно породит какую-нибудь заразу.

Николай, довольный и пьяный, много болтал по дороге. Я слушал его вполуха, думая о своем.

— Что ты, твою мать! — разозлился он наконец. — Чистоплюй хренов! Я хоть баб трахаю, а Серега вон с Димкой, гамаки сраные, долбят друг друга в жопу!

Я почти что не удивился этой новости. Видимо, пришло время сюрпризов.

Глава III. Ночь воспоминаний

Снова моя вахта. Ночь была теплой и звездной. Серп луны висел высоко. Ветер смерти дул с востока. На этот раз он нес запах дыма — горели подожженные ребятами днем дома.

У ворот полыхнул разряд. Я направил туда прожектор. С десятков тварей стояли перед ними и бессмысленно тарачились, ослепленные светом. Затем стали разбегаться. Одни — прочь от тюрьмы, другие напротив бросились к стене, где упал их приятель, надеясь пожить у его тухлой кровушкой. Увы, этих несчастных кретинов ждало разочарование. Парень наверняка так хорошо поджарился, что в его жилах вместо крови остались только шкварки. Когда они, кто тоскливо воя, кто злобно рыча, поковыляли прочь, я дал несколько выстрелов. Пусть все будет как обычно. Пусть жрут друг друга.

Я достал из сумки бутылку коньяка, две банки консервов — балык и говяжье мясо в белом соусе, баллон «пепси», хлеб. Сел на табурет подле пулемета, на другом накрыл свой нехитрый стол. Махнув стакан, закусил бутербродом с балыком, запил «пепси». Все мне пришлось по вкусу: водка — холодная и крепкая, балык — жирный, ароматный, «пепси» — ядреная, хлеб у Алексея вышел сегодня с классной хрустящей корочкой.

Я не ужинал, поэтому меня забрало почти сразу. «Обрыдло все», — подумал я, глядя в щель. Там, далеко, правда, кто-то копошился. Я повел дулом. Прожектор осветил собаку и человека. Срезал их, как в тире.

«Твари!»

Для очистки совести я врубил полную иллюминацию и вдобавок прошелся прожектором по всему периметру. Все было спокойно. Мощные лампы фонарей очертили магический круг вокруг тюрьмы. С шести вышек уст-

ремлялись во тьму лучи прожекторов. Островок света в царстве тьмы. Кучка людей в царстве упырей.

Я сел и налил себе еще, поддел вилкой говядину. «Конечно, можно вовсе не стрелять, — подумал я невпопад. — А что тогда вообще делать?.. Для поднятия духа... Войн больше не предвидится, воевать больше никому и не с кем. А патронов до фига...

Что у нас будет?.. Коля все ныл, ныл, теперь трахается без разбору, потом голову долой и чеснок в зубы. Малюта Скуратов... сексуально озабоченный. Серега с Димкой весело живут, без проблем, как попугаи-неразлучники. Нам бы с Алексеем так! И все о'кей! А то... Он все мечтает найти нормальных живых женщин. А я?.. О чем-нибудь мечтаю?» — подождал ответа, но он не приходил.

Ничего я не жажду, ни о чем не мечтаю. Качусь под горку, потому что туда тропинка ведет. Похоже, у меня уже все позади, пустой я, как дупло. Конечно, я не выйду за ворота и не скажу: «Эй, ребята, кому стакан красного?! Налетай!» Буду существовать...

Днем еще ничего... Ночами трудно... Ночами в воспоминаниях приходят умершие близкие.

Как быстро сгорела моя жена... За неделю... Я был в шоке и не верил в то, что должно было неизбежно произойти. Понес ее ночью на кладбище и меня задержал кордон. Поначалу убеждали спокойно, но когда поняли, что до меня не доходит, приковали к ограде наручниками. Нину мою положили на траву. У нее как раз заканчивалась трансформация. Если бы не они, я стал бы ее первой жертвой...

Господи! Пока живу, нипочем не забуду эти кошмарные клыки, вой, глаза-угли. Она ведь всегда была такая тихая, ласковая, покладистая.

Тысячу раз я прошел через это: осиновый кол в грудь, отсечение головы, чеснок в рот. Теперь мы уже знали, вся эта бодяга не нужна. Достаточно нанести вампиру такую рану, чтобы он не смог заживить ее, например, отрубить кисть или ступню, вспороть живот, перерезать горло, проткнуть тело колом и так далее.

Но это все с чужими. А когда убивают твою собственную жену?.. Когда от старшей, моей лапушки, ни слуха, ни духа. Умом я ее уже похоронил и пожелал, если случилось худшее, чтобы нашелся на ее долю кто-нибудь и избавил от мучений, как я ту девчонку из чулана. А сердцем?.. Сердце не дает хоронить ее.

Говорит уехала, живет где-то далеко...

Сколько в книгах живописали разные концы света: катаклизмы, ужасы, накал человеческих страстей. Где он этот накал?.. Никакого накала. ПУСТОТА. После таких ночей еще и НЕНАВИСТЬ... Но кому мстить? Этим ублюдкам... Они, конечно, твари, но сами — жертвы. А кто их породил... Бог знает...

Я всегда считал, что Бог не любит нас. Вроде, мы его дети, а он!.. Топил, жег, теперь обратил в тварей. Разве я бы мог так со своими... сам... сознательно. Никогда! Если только мы не кажемся ему такими же мерзкими тварями, что и упыри, судьба и милосердие которым одно — смерть. Может быть не от него все зависело, и он вынужден был убивать детей своих, как я свою младшую.

Сколько намучились мы из-за этой чертовой перестройки, Горбачева, Ельцина, Гайдара и прочих козлов. Жили все хуже и хуже, пока приятель не взял меня в коммерческий банк. И через год мы с женой решились — хотя ей уже 37 было, а мне за 40. Родили еще одну малышку.

Когда я пришел под утро с кладбища, она, голодная, бедняга заходилась в крике. Неделью прожил в страхе и надежде. Звонил в сочинский пансионат, где отдыхала старшая, но куда там. Везде уже были паника, хаос, развал.

Через неделю моя малышка заболела. Сколько я пил, рыдал, бился головой о стены, молил Бога... Что толку! Она продержалась 14 дней. Почти перестала есть. Лежала вялая в кровати. Я садился рядом и гладил ее по спинке. Тогда она немного оживлялась, ловила мои пальцы своими ручонками и прижималась щекой к ладони. Иногда брала большой палец в рот и сосала, покусывая, и сердце мое холодело. У нее росли маленькие и острые, как иголки, клыки.

Я знал, однажды она откроет красные глаза и оскалится. И произойдет это со дня на день. Но я никак не мог решиться расстаться с нею, у меня никого больше не было на белом свете.

Но решаться было надо и я решился. Раздобыл мышьяку и подмешал в ее любимый йогурт. У меня рука не поднималась сделать с ней то, что делаю теперь ежедневно и совершенно хладнокровно. Я не умел еще убивать детей, даже если это было милосердием по отношению к ним. Поэтому я решил отравить ее.

Она долго не хотела есть, отплевывалась, крутила головкой, но потом все же соблазнилась лакомством по

старой памяти. Мне никогда не забыть ту короткую судорогу, пробежавшую по ее маленькому тельцу, которое я держал на руках. Глазки ее широко распахнулись и застыли. Я глядел в них и плакал...

Никакими словами невозможно выразить родительскую муку. Никакими словами не описать смерть родного дитя. Писатели все врут...

Дашенька была единственной, кого я похоронил, как подобает. Когда мы в будущем году отправимся в путь и будем проезжать через Большой Город, я навещу ее могилку, подправлю, подберу плиту. Крест, поди, упал или сбили. Что это за крест! Две доски, на поперечной гвоздем выжженны имя и фамилия. Я даже не поставил дат, так мало она прожила на этом проклятом свете.

Могла и жена покоиться рядом, но я оплошал. Когда увидел, как деловито по-мясницки отрубают ей топором голову, то повернулся и пошел прочь. Утром, оправившись от шока, бросился на кладбище, да поздно было. Что ты, говорят, парень, такая неразбериха, мы их сразу закапываем... Где-то в общей, а где? За ночь, знаешь, сколько нарыли...

Светало. Последняя сволота разбрелась прочь от стен тюрьмы, чтобы спрятаться в своих норах до следующей ночи. Я потушил прожекторы и допил остатки водки, хоть и был совершенно пьян. Нужно было еще чуть-чуть добавить, я чувствовал, нужно. Ну ничего, доберу у себя в комнате. Чуть-чуть, чтобы свалиться и забыть обо всем. Я не мог долгое время без перерывов жить в окружавшем меня мире. Это был нечеловеческий мир, и мне постоянно хотелось убежать из него. Что я и делал.

Глава IV. Коля-маля

С тех пор, как он решился на ЭТО, прошел месяц, и весь месяц ему было хорошо. Если в дерьмовом мире, где они жили, хоть что-то можно назвать этим словом «хорошо». Он мог выпить, когда хотел, трахнуть каждый день несколько баб, ни одна из которых не скажет «нет», и мстить...

Теперь он предпочитал работать один. Серега с Димкой не разлучались, А Алексей, и тем более Виктор — сопливые идеалисты — только мешали ему. Они быстро поняли это и не стали навязываться. Днями начали рабо-

тать по две бригады, когда наставляла сго, Николая, очередь, но по одному человеку в каждой.

«Чистоплюи хреновы! — говорил себе Николай. — Рубить ноги, руки, головы, вспарывать животы, протыкать груди колами — это правильно, нравственно, законно. А трахать — безнравственно! неэстетично!.. Говнюки!»

Он затормозил возле дома, на парадной двери которого был нарисован белый крест. Загнал «джип» в узкий проулок между двумя зданиями, чтобы не заметил кто-нибудь из парней, если будет случайно проезжать мимо, и быстро юркнул в подъезд. В сумрачном вестибюле остановился, положив руку на автомат, привычно осмотрелся, прислушался. Стояла мертвая тишина, ничто не будило подозрений.

Держа автомат наизготовку, Николай поднялся на второй этаж и остановился перед квартирой номер три. Сердце часто застучало от возбуждения и легкой тревоги.

Приложив ухо к двери, он замер и с минуту, затаив дыхание, слушал. Потом осторожно снял тяжелую сумку с левого плеча и поставил на пол. Придерживая автомат, чтобы не стукнул в дверь, заглянул в замочную скважину.

Как и следовало ожидать, он ничего не увидел. В квартире было темно, как ночью.

Николай помешкал еще некоторое время, снова прокручивая в уме всю схему, и не нашел в ней изъянов. Видимо, это давно зрело в нем, ведь он решился сразу, как только увидел ИХ. Точнее, когда положил тела двух женщин на широкую кровать и раздел обеих.

Старшей было за тридцать, но тело ее не начало еще увядать, это было прекрасное тело зрелой женщины. Полные бедра, желанно раскрывающиеся тебе навстречу, налитые груди, жаждущие мужской руки. На чем не удержи взгляд — все совершенно и ухожено. Высокие скулы и чувственные сочные губы, тени длинных ресниц на щеках и точеный носик. Роскошные плечи и волосы. Он лег на нее и прижал плечи к постели. Они утонули в распущенных волосах, а ее груди поднялись ему навстречу.

Николай перекатился на бок и стал неторопливо ласкать красавицу. Всю жизнь он был неказистым мужичком и таковым ощущал себя. Не на каждую женщину осмеливался поднять глаза, боясь прочесть в ее взгляде пренебрежение или даже презрение. Теперь он мог взять любую, делать с ними, что вздумается. Нынче все они стали его игрушками, а он их властелином.

Единственное, в чем он не был властен, так это в том,

чтобы сохранить своим игрушкам жизнь. Хотя бы на время, на то короткое время, которое отпустила им судьба до превращения. Рядом всегда находился кто-то, кто не позволил бы ему пощадить инфицированную.

Сейчас он работает один...

Николай встал и, обойдя кровать, принялся разглядывать вторую женщину. Нет сомнения, они — мать и дочь... Нежный, только распутившийся цветочек. Отбивная под острым соусом и парная телятинка... Он усмехнулся, представив, как обладая одной, станет ласкать другую, как кусая в оргазме плечо дочери, одновременно будет стискивать грудь матери, щипать ее темный сосок...

Вчера он отвел душу — вытворял все, на что было способно его воображение. Потом одел, забавляясь, как кукол «барби», и оставил записку. В ней содержалось предложение остаться в этой квартире, согласиться принадлежать ему. За это Николай обещал кормить своих «барби» и снабжать всем необходимым. Ну а если... Если они будут столь глупы... Их рано или поздно обнаружат и уничтожат. Спасения нет: из города не уйдет никто, люди предприняли необходимые меры. А он гарантирует им защиту и от людей, и от упырей.

Достав из кармана ключ, Николай отпер дверь. Он отворял ее медленно и осторожно, готовый отпрянуть назад, если почувствует хоть малейший намек на ловушку. Но ничто не свалилось ему на голову, никто не бросился на него и не вонзил клыки в грудь. Хотя они знали, что днем напасть некому, они всегда осторожничали. Бережного Бог бережет. Мало ли что...

Поводя влево-вправо дулом автомата, он прошелся по квартире. Заглянул в туалет, на кухню... Вошел в спальню, и довольная улыбка растянула его губы. Женщины лежали в постели, причесанные и покрашенные.

Вернувшись в гостиную, Николай бухнул на стол сумку. Его записка лежала там же, где он ее оставил. Внизу карандашом крупным женским почерком было написано: «Мы согласны».

Два дня он сачковал, отмечая на карте якобы очищенные от тварей дома, а на самом деле нежилась в обществе своих «барби». Трахался и пил, пил и трахался. Пьяно хохотал, щупая безвольные тела.

Все складывалось как нельзя лучше: еще месяц назад его одиночные выезды и стремление работать только «чистильщиком» вызвали бы подозрение у ребят, но сейчас, после того, как Серега и Димка сказали, что они бу-

дут работать только парой, а Виктор отказался выходить с ним на охоту, все встало на свои места. Хватит давить на него своей моралью, моралью общества, которое перестало существовать! Людей осталось так мало, что каждый мог стать королем отдельного континента, ну или страны, по крайней мере. Хватит поучать и регламентировать! Начальники все повымерли! Туда им и дорога! Как хочу, так и живу! Тем, что я делаю, я никому не причиняю вреда, никому из ребят. А остальное никого не касается.

На третий день Николай насытился быстро: разок мамашу на спине с прижатыми к груди коленями, разок дочку на животике, подложив под брюшко подушку. Ух ты моя, пися-писенька!

— Дерьмо! — Он вскочил и хлестнул девушку тыльной стороной руки по заду, она слабо застонала и зашевелилась. Хотя проснуться днем они не могли, вампиры и инфицированные чувствовали боль. Может быть, они чувствовали и удовольствие, кто знает!

— Кормлю вас тут, суки, пою! А вы не можете как следует ублажить мужика!

Он поднял с пола одеяло и пошел в гостиную. В голову пришла отличная мысль.

Николай переставил выпивку и закуску на стул, растелил на столе одеяло. Принес две подушки и положил рядом посреди стола. Затем, взвалив на плечо, притащил старшую «барби». Опустил ее лицом на подушку, потянул немного на себя, устраивая так, чтобы ноги свешивались со стола.

— Ах ты мой уголочек! — хихикнул Николай и поцеловал «барби» в попку.

Дочку он перенес на руках, она была гораздо легче мамы, и положил рядом с родительницей в той же позе.

Налил стакан и выпил. Закусывать не стал, просто прижался носом к дочкиному задку и шумно втянул ноздрями воздух. Потом отстранился, взгляд его перебежал слева-направо, справа-налево.

— Что надо мужику?.. — пьяно пробормотал он. — Вот этот темненький глазок между двух круглых половинок, стыдливо прикрытый пушком... Да! Это бесстыдное, блое место!..

Он больно хлопнул женщин ладонями по задкам и стал грубо лапать их.

Когда они застонали, удовлетворенно ухмыльнулся.

— Так вот, детки... Что захочу... Понятно!

Николай встал, пьяно пошатываясь.

— С кого начать?..

Он взял бутылку, плеснул в стакан на две трети и залпом выпил.

— А-а-а! — громко выдохнул он и рыгнул. — Твою мать! — Отрыжка была едкая, и его чуть не вырвало.

— С кого начать? С тебя? — Он ткнул пальцем в один зад. — С тебя? — Другой тычок.

— Не-е-е! Мы сейчас сыграем в интересную игру. Втроем. Чуть-чуть с тобой, чуть-чуть с тобой. В кого кончу, тому приз.

И он начал свою игру. Последнюю в жизни.

Николай открыл глаза и обнаружил себя лежащим на кровати. Руки и ноги его были связаны. Было темно. И в этой тьме он разглядел обступивших его молчаливых людей.

Он был голым и мокрым, его окатили из ведра, чтобы скорес прочухался, глаза слепил свет мощного фонаря. Николай еще не осознал до конца смысл происшедшего, но нарастающий ужас уже сотрясал его тело.

— Ты — ублюдок! Убийца! Насильник! Палач детей! От имени всего человечества я приговариваю тебя к смерти.

— Кто ты такой! — крикнул Николай. — Здесь нет людей, кроме нас! Меня и ребят! Вы не люди, вы — упыри, живые мертвецы! К какой смерти вы можете приговорить меня? Развяжите меня немедленно, твари! Посмейте только что-нибудь сделать со мной, ребята за день сожгут, взорвут ваши вонючие поры.

— Сейчас узнаешь, К КАКОЙ. Распните его на двери дома, — приказал все тот же властный голос. — Этому ублюдку бесполезно что-либо объяснять. Пусть получит по заслугам.

Николая подхватили несколько пар рук и понесли прочь из квартиры. Он кричал, вырывался, но тщетно. Его бросили на ступени дома и разрезали веревки на руках. Тут же его руки были растянуты в стороны и привязаны к металлическим кольцам, прибитым к двери. Затем пришел черед ног — их развели и также крепко привязали к чему-то.

Стояла глубокая ночь. Тихая и звездная — она показалась Николаю необыкновенно красивой. Наверное, потому, что он понял, она последняя в его жизни.

Удар ногой по мошонке нарушил ее очарование. Ни-

колай застонал, слезы застили глаза. Он зажмурился и замотал головой. Слезы сорвались с ресниц, он открыл глаза и взглянул на обидчика. Это была младшая «барби».

— Тебе эта хреновина больше не понадобится! — сказала она и ударила его еще раз.

Потом Николая оставили одного. Он знал зачем.

Вскоре слева послышался звук шагов. Николай повернул голову и увидел горящие, как угли, глаза вампира. Ледяные пальцы впились в плечи, зловонное дыхание обдало лицо и острые клыки вонзились в шею. Николай закричал диким, нечеловеческим голосом, но крик его вскоре оборвался. Он захлебнулся в собственной крови.

Мы разыскали Николая только к полудню. Он висел голый на дверях трехэтажного дома. Весь — с головы до ног — он был черен, словно обгорел на пожаре. Только выпученные с застывшим в них выражением ужаса глаза и оскаленные в муке зубы доказывали, что пожар тут не при чем.

Его отдали на растерзание вурдалакам. И сам он стал вурдалаком. Когда взошло солнце, оно сожгло его. Мы знали, для «свеженького» это смерть — долгая и мучительная.

Сергеа с Димкой натащили досок, а мы с Алексеем сняли с петель дверь, избегая притрагиваться к телу товарища.

Потом мы стояли вокруг погребального костра и стреляли очередями в небо. Стояли до тех пор, пока от Николая не осталась черная груда углей и пепла.

Глава V. Раскол

Сергеа, Димка, Алексей и я — теперь только четверо — мрачно пили, поминая товарища. Каким бы он ни был, он был одним из нас... Одним из последних...

Магнитофон кое-как скрашивал гнетущее молчание.

В память о Николае мы открыли шесть бутылок коньяка пятнадцатилетней выдержки, которые берегли на новый год, выставили лучшие консервированные закуски.

Сергеа — высокий жилистый блондин — нервно щипал бородавку на левой щеке.

— За Колю! — Он разлил по фужерам коньяк и, не дожидаясь нас, опрокинул свой в рот.

— Чесноком! Всем закусывать чесноком! — выкрик-

нул он истерично. — Эти твари будут корчиться, когда мы набьем их пасти чесноком!

Димка положил руку на локоть своему любовнику.

— Серега! Серега! — произнес он успокаивающе.

— Ладно, мужики! — Алексей грохнул по столу кулаком. — Без истерик. Нам всем хреново. Давайте лучше еще раз прокачаем ситуацию... Серега нашел в помойном ведре на кухне бутылки из-под консервированной крови, огрызки яблок, банки из-под компота. Это все еда, пригодная для инфицированных. Так?

— Так, — кивнул Серега и потянулся к бутылке. Димка поймал его за руку.

— погоди.

— Мы установили, что в квартире жили две женщины и нашли их фото. Красивые бабы...

— И он там был не один раз! — Серега ткнул пальцем в сторону Алексея и цапнул бутылку. Глаза его были мутными, в глубине их пряталась сумасшедшинка.

— Да! Он там был не один раз. Он таскал им жратву и трахал их. Не знаю, чего уж он им наобещал и как, но они договорились.

— Думаю, он оставил им записку, — вставил я. — Они сделали вид, что согласны и подловили его.

— Как! Мы должны знать! — Алексей вновь грохнул кулаком по столу да так, что подскочили бутылки.

— Кончай гроыхать! — взвизгнул Димка. — На нервы действует!

— Они его подловили... — повторил Алексей. — И я вижу только две возможности. Он нажрался и проспал закат... Он оставлял там выпивку и закусь и ему чего-то подсыпали.

— Ты хочешь сказать, это организованное сопротивление? — спросил Димка. — Ну-у, вилы!

— Засада, — передразнил я его. Он любил по поводу и без повода использовать эти слова.

— Мы всегда знали, инфицированные способны на сопротивление. Поэтому мы собрали здесь все горячее и все оружие. Мы не оставили им шанса, кроме нашей собственной глупости, и они его использовали.

— Вить! Ты был с Николаем, когда он начал трахать инфицированных. Скажи честно, вы всех кончали после этого?

— Всех! И я их не трахал! Заруби на носу! Я их только приканчивал. Это он не мог удержать свою жепилку в

штанах! — Я орал все громче и громче, не понимая, с чего вдруг зашелся.

— В кулачок лучше! — пропел Димка и гнусно захихикал.

— Нет, лучше в жопку! Признайся, Серега небось тебе ее так раздолбал, пасть разинешь, асфальт будет видно!

Серега взвился и запустил мне в голову полупустой бутылкой. Я уклонился, бутылка врезалась в стену. Перегнувшись через стол, я врезал Сереге правой в челюсть и сразу же левой в лоб. Я уже собирался свалить его третьим ударом, но он, вскинув левую руку, отвел его, сгреб меня правой за рубашку и шарахнул головой в нос. Обливаясь кровью, я полетел со стула на пол.

Алексей схватил блюдо с мясом и впечатал Сереге в морду. Перескочив через стол, он с криком «гаденыш!» вцепился в Димку. Тот завизжал и попытался вырваться, но деваться ему было некуда. Кулаки Алексея гуляли по его лицу, он приговаривал при этом:

— Я тебе покажу, пидар, как затевать свары. Я тебе покажу.

Димка покачнулся, колени его подломились, и тут на Алексея налетел Серега. Он так врезал ему по корпусу, что тот не удержался на ногах и растянулся на полу.

К этому моменту я уже стоял на коленях. Рот мой был полон крови, в глазах плыл туман. Я совсем было набрался сил, чтобы подняться, но в это самое время ботинок Сереги врезался в мои ребра.

— Топчи его! — услышал я крик Димки. Извернулся ужом, и следующий пинок угодил вместо моих ребер в ножку стола. Туман перед глазами постепенно рассеивался, но тело отказывалось двигаться, так проворно, как мне бы хотелось. Посмотрев вверх, я увидел возвышающегося надо мной Серегу с перекошенным от ярости лицом и понял, что сейчас получу очередной пинок. Я представил, как армейский ботинок врезается в мой подбородок, запрокидывает мне голову и ломает шею, как цыпленку. Надо было пошевеливаться и быстро.

Но я не успел. На спину Сереге прыгнул Алексей, и тот, потеряв равновесие, повалился на пол. Рядом с собой я увидел окровавленную физиономию Лёхи, он рычал и душил Серегу, впившись своими железными пальцами ему в глотку.

Я поднялся и очутился лицом к лицу с Димкой. В руке он сжимал увесистый гаечный ключ. Схватив его за шиворот, я врезал ему по зубам, разбив нижнюю губу.

Потом ударил еще раз, расporов кольцом-печаткой кожу под правым глазом. Третий удар он получил в висок, упал и проехался по полу, как мешок с тряпьем.

Устранив последнюю преграду, я добрался до оружия, схватил автомат и дал очередь в потолок.

— Прекратите! — заорал я и пустил новую очередь.

Это помогло. Алексей перестал душить Серегу и, кряхтя, слез с него.

— Всем сесть за стол! — скомандовал я. Они повиновались, косясь на автомат в моих руках.

Я с огромным удовольствием смотрел на Димкину физиономию. Он всегда был говнистым типом, и сегодня из него повыбили малость дерьма.

Я указал на него стволом. Он пугливо загородился рукой.

— Да не сри ты! Принеси водки, промыть боевые раны.

Полчаса спустя мы уже мирно обсуждали проблемы, разговор о которых прервала драка. Все вроде устаканилось, только Димка изредка бросал в мою сторону недобрые взгляды.

Толком мы ни до чего не договорились, только упились в усмерть. Нас хватило лишь на то, чтобы включить прожекторы, пустить ток через колючую проволоку и запретить все двери в здании тюрьмы. Никто сегодня не будет дежурить на вышке. Ни один упырь не получит разрывную пулю в свое синюшное клыкастое рыло. Без охраны осталась и электростанция, но мы надеялись, что крепкие запоры и установленные нами на окнах решетки не дадут тварям проникнуть внутрь и сотворить какую-нибудь пакость.

Утром нас с Алексеем ожидал БОЛЬШОЙ СЮРПРИЗ. Серега с Димкой смылись!

Мы не сомневались ни минуты, этот гаденыш сманил Серегу. И хотя нам была оставлена записка, в которой говорилось, что они на некоторое время отбыли в Большой Город, судя по всему, по тому, сколько всего беглецы прихватили с собой, недолгое путешествие затянется надолго.

Нас было только пятеро. И каждый для каждого означал лишние двадцать процентов гарантии выживания... И несмотря ни на что, мы не смогли продержаться более полугода.

Сколько же дерьма и дури в человеческой натуре, Господи!

Глава V. Попуган-неразлучники

С трудом открыв дверцу «джипа», Димка выволок из машины стонущего Серегу. Лицо его было сильно разбито, из рассеченного лба текла кровь. Он не пристегнулся по своей привычке и во время аварии здорово хряснулся о лобовое стекло. Димка посадил его на асфальт и прислонил спиной к боку автомобиля.

— Ой, б-ть! Ой, б-ть! — стонал Серега, растирая носовым платком кровь по лицу. Димка достал аптечку и быстро протер ему ссадины перекисью водорода. Оглядел пристально, нет, пожалуй, ничего серьезного.

— Посиди тут, я посмотрю машину! — сказал он и оставил приятеля. Обойдя «джип» кругом, он сразу понял, что сегодня они на нем уже никуда не уедут. Левым боком он глубоко провалился в здоровенную ямищу. Димка увидел обломки досок, торчащие из-под днища машины, и сообразил, это была ловушка. Яму специально отрыли на дороге, которой они всегда ездили к арсеналу. Покрыли досками и присыпали песком.

Сердце ударило сильно и замерло на долгий миг, потом застучало быстро и тревожно. Димка пугливо огляделся по сторонам. Они были на окраине. Желтые и серые двух-, трехэтажные дома скрывались в тени старых тополей, лип, кленов. Было знойно и тихо.

«Пять часов», — сказал он себе, глянув на часы. У них было еще три-четыре часа, чтобы найти убежище и укрепить его. Димка вернулся к Сереге.

— Ну как ты? — с несвойственным ему участием спросил он. Серега теперь значил для него очень много, может быть ЖИЗНЬ.

— Дай выпить! Ох! — Серега приложил пальцы к правому глазу. — Ох, как меня приложило! Ё моё! — Он взял протянутую Димкой бутылку и жадно сделал пять больших глотков. Поставил ее рядом на асфальт и некоторое время сидел, закрыв глаза. Димка молча наблюдал за ним. Наконец Серега открыл глаза и посмотрел на любовника. Взгляд его был осмысленным и пьяным.

— Дай сигареточку!

Он закурил, сделал несколько затяжек и выбросил сигарету.

— Что у нас там? — спросил он уже нормальным голосом.

Димка рассказал ему все, что успел увидеть и понять сам. Серега, кряхтя, поднялся и обошел «джип» кругом. Постоял у провалившегося в яму зада, обдумывая что-то. Потом заговорил.

— Тащи автоматы, пойдем искать место для ночлега! Найди там что-нибудь в аптечке от головной боли. Ой, как у меня голова раскалывается! — Серега потянулся к бутылке и отхлебнул еще пару глотков.

Димка быстро залез на заднее сиденье, взял автоматы и под сумки, с переднего подхватил аптечку и вернулся к Сереге. Тот, опять закрыв глаза, сидел, откинувшись затылком к боку автомобиля.

— Хватит спать! — зло тявкнул Димка и бросил Сереге на колени аптечку. Тот открыл глаза, посмотрел на него туповатым взглядом и принялся рыться в сумке с медикаментами. Найдя пачку «анальгина», он выдавил три таблетки и бросил горстью в рот. Димка сунул ему в руку баллон «пепси».

Немного погодя Серега встал и взял у Димки автомат.

— Пошли! — Голос его окреп и внушал надежду.

Они осмотрели три дома, пока не нашли то, что подходило им. Крепкая парадная дверь. Квартира на втором этаже со стальной дверью и решетками на окнах.

Около часа у них ушло на то, чтобы перетаскать в квартиру вещи, канистры с бензином, слить бензин из бака в ведро. Завтра они собирались вернуться в Городок и на всякий случай хотели иметь побольше горючего.

Затем Серега и Димка забаррикадировали дверь в подъезде — это от вампиров — инфицированные все равно, если захотят, проникнут в дом через окна квартир первого этажа. Затащили в свою квартиру несколько шкафов и много-много книг. Двумя шкафами, набив их всяким хламом, завалили дверь, еще тремя закрыли окна в комнатах и на кухне, оставив узкие, как амбразуры, щели. Последние три шкафа приятели заполнили книгами. Теперь они могли быть спокойны, простой пулей их не возьмешь. Разложив на подоконниках рожки с патронами и гранаты, они с облегчением вздохнули и сели перекусить. Тревога не покидала их: они разговаривали, ели, пили, а в это время кто-то второй, внутри, ловил каждый посторонний звук, словно локатором, мысленным взором обозревал окрестности. Едкий запах опасности про-

сачивался в наглухо закрытое помещение. Они знали, сядет солнце и откроются тысячи глаз — красных и обыкновенных — но все они будут гореть ненавистью. Против этой ненависти они должны продержаться вдвоем до утра.

Потом запах опасности исчез, водка заглушила его, успокоила нервы, и Димка с Серегой сидели в сумрачной квартире, вполголоса болтая о всякой чепухе.

Потом они подрались. Серега схватил Димку за зад и стал щупать.

— Кретин! — разозлился Димка, глядя на его исцарапанную рожу. — Скоро, мать твою, сдохнем, а ему лишь бы нажраться да трахнуть! Кретин!

— Не ори! — благодушно прогудел Серега. — Чего ты?.. Еще время есть... — он расстегнул брюки.

У Димки в глазах все поплыло от ненависти. Он проклинал себя за то, что поссорился вчера с Виктором и Алексеем, что уговорил Серегу уехать из Городка.

— Козел! Скотина! Спрячь свою вонючую сосиску, а то я ее тебе кружочками настрогаю и засуну в твою пьяную пасть!

Он только успел набрать воздуха в легкие, собираясь обрушить на Серегу новый поток брани, как тот неожиданно ловко и стремительно размахнулся и влепил ему кулаком в правый глаз. Глаз сразу заплыл, а в голове у Димки раздался звон. Он покатился по полу, ударился плечом о стену, подтянул колени и на четвереньках попытался убежать в коридор. Но Серега настиг его, схватил за шиворот рубашки и так сильно рванул, что разорвал ее до самого пояса.

Димка повернулся и сел, прижимаясь спиной к стене.

— Будешь? — спросил Серега, наклоняясь.

Димка всхлипнул и влепил ему такую пощечину, что его голова откинулась назад и из ссадин на лбу снова потекла кровь.

— Маленький дерьмовый сученыш! — заорал Серега, промокая тыльной стороной руки кровь. Он глянул на свое волосатое запястье, покрытое алыми пятнами, схватил Димку за волосы и ударил кулаком в лицо. Димке показалось, что в носу у него взорвалась граната. Он закричал, вздохнул, чтобы снова закричать, и закашлялся, захлебнувшись собственной кровью. Его охватил ужас. Этот сумасшедший идиот хочет его убить.

— Ну-у... будешь?.. Говори! — Серега пнул Димку ботинком в зад.

— Буду! Буду! Отстань! — проныл Димка.

Серега отпустил его. Он, всхлипывая, стал утираться рукавом. Из носа текли кровь и сопли. В голове гудело...

Час спустя Димка поднялся с кровати. На ней, разметавшись, без трусов в одной майке храпел Серега. Димка подошел к столу, тупо глядя перед собой. У него болело все, что только может болеть: он был избит и изнасилован. Налив полный стакан водки, он давясь выпил его до дна и жалко припал к бутылке с «пепси». Потом сел на стул. Сиденье было холодным, Димка встал и подложил под себя Серегины трусы. Некоторое время сидел, дожидаясь, пока подействует алкоголь, отрезал ломоть холодной тушенки и стал есть прямо с ножа. Прожевав, налил еще полстакана, но выпить не успел. С улицы донесся шум мощного мотора. Димка вскочил и бросился к окну. Освещенный заходящим солнцем по улице ехал танк... Или самоходка, Димка плохо разбирался в технике. Во всяком случае, у этой «дуры» была пушка. Следом за ней катил крытый брезентом грузовик.

Димка на мгновение застыл с открытым ртом, созерцая невиданную картину, потом с лихорадочной поспешностью стал выбрасывать книги из одного из шкафов, закрывавших окна. Потом подналег на шкаф плечом и опрокинул его на пол. На кровати, разбуженный шумом что-то забормотал пьяно Серега. Димка распахнул окно и закричал. Танк продолжал катить по улице. Димка бросился к столу и схватил автомат. Высунув его в окно, он дал длинную очередь вверх. Танк и грузовик остановились. Пушка медленно стала поворачиваться в сторону Димкиного окна. Он снова заорал и нажал на спусковой крючок.

Пушка рывкнула, и Димка умер. Снарядом его размазало по стене. Сереге повезло меньше. Один осколок сделал ему кесарево сечение, обнажив внутренности, другой срезал мошонку, и все его причиндалы повисли на лоскуте кожи. Он долго ползал по квартире и выл, то запихивая в распоротый живот кишки, то пытаясь прилепить на место свой детородный орган. Ползал, пока, взорвав гранатами дверь, в квартиру не вошли люди и не прикончили его очередью в спину.

Глава VI.

Финал

Весь следующий день, после Колиных поминок и бегства наших попугаев-неразлучников, мы с Алексеем отлеживались и опохмелялись, обсуждая нашу дальнейшую жизнь. К обеду, правда, напряглись и сгоняли на ГЭС, слишком много она для нас значила. Слава Богу, там все было о'кей. Мы пустили ток через колючую проволоку и вернулись в тюрьму.

Решили: ничего в нашей жизни не изменится, придется только отказаться от постоянного ночного поста на электростанции.

«Вернутся они или нет, в любом случае весной мы отправимся в путь!» — сказал Алексей.

Вечером я заступил на дежурство. Было тихо, безветренно. Мы находились в круге света, а со всех сторон нас обступила могильная тьма. Впервые за четыре месяца ни одного пожара. Я отхлебнул из бутылки и поежился, в душе росла тревога.

«Не дребезжи, все устаканится, — успокаивал я себя и делал новый глоток. — Чему быть, того не миновать... Может ребята еще вернутся. Перебесятся и вернутся. А весной тронемся в путь...»

Я мечтал о тихой деревушке в теплой долине, укрытой в лесистых горах. О ярком солнце, кристально чистом воздухе, прозрачной быстрой реке, добрых друзьях, красивых женщинах, прелестных детях. Мечтал, мечтал... пока около часа не прогремел далекий взрыв и не отключилось электричество.

Я бросился вниз на первый этаж, чтобы запустить генераторы, зовя на бегу Алексея. Пока мы добирались до помещения, в котором они находились, и запустили их, прозвучал новый взрыв, на этот раз совсем рядом.

Мы взлетели на вышку и увидели, как сквозь вышибленные ворота во двор тюрьмы вливается толпа людей.

Алексей повел стволом, прожектор мазнул по юрким фигурам в черном, и тут же разлетелся вдребезги. Я матюгнулся и стал швырять во двор одну за другой гранаты. Алексей припал к пулемету.

Пули, как молоты по наковальне, били по стальным щитам, но огонь быстро ослабевал. Когда же во дворе взорвались бочки с бензином, а потом занялся груженный углем «Зил», мы увидели убегающие через ворота фигуры. Их было немного.

Но праздновать победу было рано. Пока мы расправлялись с теми, кто атаковал в лоб, другие штурмовые группы захватили угловые и приворотную вышки. Теперь пять пулеметов били разрывными по нашей площадке.

Мы отстреливались до тех пор, пока не сорвало один из щитов. Оставаться далее на площадке означало смерть.

Один за другим мы спрыгнули в люк, и вовремя, новая очередь искорежила пулемет. Я задраил люк. Тусклая лампочка освещала наши бледные потные лица.

— Что будем делать?

— На третьем этаже нас могут быстро взять через крышу. Перекроем все двери на первом и третьем и будем отбиваться на втором. Продержимся до утра, значит спасены! — сказал Алексей.

Мы заперли на третьем этаже все, что можно было запереть. Перекрыли все решетки и двери между третьим и вторым — в эти минуты я подумал, хорошо, что в тюрьме так много дверей. Затем помчались на первый. Не все еще было потеряно. Тюрьма — особенный дом, чтобы отперсть его, нужно иметь очень-очень много ключей.

Мы перекрыли все двери на первом этаже, втащили наверх бочку бензина. Слава Богу, в предвидении такой экстремальной ситуации, наш арсенал был сосредоточен на втором.

— Что теперь? — спросил я, чувствуя свою беспомощность. — Они нападут со всех четырех сторон, и мы не сможем заблокировать их!

— Не дрейфь! Быстро — бензин по канистрам, ты тащи на северную, я на южную сторону! Если взорвут решетки будем жечь их бензином!

Мы наполнили несколько канистр и поставили их перед дверьми, ведущими в северные и южные коридоры. Потом заперли все камеры в них, решетки и стальные двери в самих коридорах. После этого мы разделились. Я отправился защищать западную сторону, Алексей — восточную.

Подтащив пулемет к окну кабинета начальника тюрьмы, я открыл огонь. Алексей ответил мне с противоположной стороны. Я положил пять человек во дворе, когда очередь разрывными с угловой вышки ураганом прошла над моей головой.

Я упал ничком на пол и лежал, не двигаясь некоторое время. Еще несколько очередей ударили по моему окну,

одна из них сбила пулемет, свалившийся мне на спину. Я ощупал его — дуло было покорежено.

«Твою мать!» — выругался я и пополз к двери. Захлопнул ее и запер. Пропустив одну по этой же стороне коридора, открыл третью. Осторожно подошел к окну и выглянул. Внизу, прямо подо мной копошились нападающие. С большим удовольствием одну за другой я спустил им на головы три гранаты. Затем побежал за новым пулеметом. У Алексея, судя по всему, пока был полный ажур. Он вел с противником пулеметную дуэль, прерывая ее только для того, чтобы сменить позицию или бросить врагу на голову гранату.

Но противник на нашу беду был умен и имел хорошую выучку. Он быстро определил слабые места нашей обороны. Взрывы прогремели одновременно с южной и северной сторон. Вскоре голоса нападавших уже раздавались на первом этаже. Мы поняли, если будем продолжать бои в крыльях здания, а штурмующие в это время прорвутся на наш этаж, мы окажемся отрезанными от боеприпасов. Быстро замыкая двери, мы стали отходить в центральный зал. Помимо двух стальных дверей в нем были два люка с прорезями, через которые можно было увидеть, что происходит внизу. Мы подтащили к люкам канистры, сумки с гранатами и стали ждать.

Да, они действовали слаженно и уверенно, черт бы их побрал! Одну за другой вышибло двери камер на северной и южной стороне и через них хлынули атакующие. Если бы они догадывались, что их ждет!

Когда на первом этаже скопилось достаточно много народу, мы открыли люки и столкнули в них канистры, послав вдогонку по гранате. Что там началось! Они метались, истошно вопя, и горели, как рождественские свечи.

— Сволочи! Сволочи! — хохотал Алексей. — В следующий раз всех убью!

Его смех ошеломил меня. Потом потух свет.

— Отключили генераторы, — хрипло сказал Алексей. — Ну что, брат, не будет весны, похода в иные края. Не будет женщин и детей, будут одни твари...

— Не паникуй!

— Я не паникую. Просто грустно. Надо занимать круговую оборону.

Мы лихорадочно начали заваливать двери в зал железными шкафами. Потом воздвигли круговой бастион в центре и стащили туда все имевшееся у нас оружие.

Если бы нас было человек 20, мы могли бы защищать каждую дверь, и они не пробились бы наверх до утра. Но нас было всего двое, и мы не знали, сколько времени нам отпущено судьбой.

— Сюда они так просто не войдут, — сказал Алексей после очередного взрыва вниз. Тюремные двери были сработаны на совесть, и нападавшим приходилось взрывать их одну за другой. На это у них уходило время.

— Который час? — спросил я.

— Четыре.

— Полтора часа... Продержимся?..

Алексей не ответил.

— А ты не понял еще. Инфицированные, кто же еще... Одного не пойму, где эта банда пряталась так долго? И почему?.. Почему не напали раньше?.. Почему позволяли нам убивать своих целых четыре месяца... Не пойму... И где мы пропустили такой склад...

— Может быть они заезжие?

— Смеешься!

Да, мое предположение было глупым. У тех, кто жил от недели до месяца и только по ночам, кто вынужден был спастись и от людей, и от вампиров, шансов создать какую-то организацию не существовало. И тут я понял. **ОРГАНИЗАЦИЯ УЖЕ БЫЛА!** И она подготовила это нападение, подогрела этот взрыв отчаянья.

— Это — организованная преступность, мафия! — сказал я и поделился с Алексеем своими соображениями.

Только мафия способна была организовать так профессионально нападение, только мафия могла иметь такой арсенал, могла так умело использовать отчаянную жажду жизни инфицированных, отчаянное желание вырваться у смерти хотя бы еще один миг... Да-а..., подумал я, движимые такой могучей силой, инфицированные могли покончить с нами до утра.

Сколько еще решеток и дверей отделяет их от их убийц?.. Как долго выдержат сталь и запоры?.. Я усмехнулся в темноте. Посмотрим, насколько крепка Советская власть...

— Который час? — спросил я Алексея.

— Без четверти пять. Будь готов. С северной стороны они уже, по-моему, прорвались, но что-то... — Алексей не договорил. Мощный взрыв потряс дверь напротив него. Затем второй, и она нехотя повалилась на подпиравшие ее изнутри шкафы.

Пулемет Алексея заработал. Пули неслись, как алые

метеоры. Они били по баррикаде, по стенам рядом с дверью, взрываясь, завывая и визжа при рикошете.

Свет фонаря, направленный из коридора, очертил силуэты людей, пытавшихся перелезть через баррикаду.

— А-а-а! — заорал Алексей и ударил по ним длинной очередью. Раздались истошные вопли. Поверх баррикады замелькали руки, ноги. Одно тело скатилось в зал, другое — назад в коридор. Поверх шкафов засвистели пули.

— Прикрой меня! — прошептал Алексей, подползая ко мне.

Я бросился к его пулемету.

— Ударишь поверху, потом молчи, пока не услышишь взрывы.

Я дал длинную очередь и превратился в слух. Из коридора неслись крики, обещавшие нам скорую и страшную смерть, яростные голоса поносили и проклинали нас.

Потом один за другим громыхнули три гранатных разрыва, и мат сменился воем и предсмертными стонами. Несколько мгновений спустя, Алексей, тяжело дыша, упал рядом.

— Клево? — спросил он.

— Клево! — согласился я.

— Товарищ Сталин дал приказ! — пропел он. Я не раз за месяцы нашей совместной жизни слышал эту фразу, но так и не удосужился спросить, из какой она песни. Леша напевал ее всегда, когда был на взводе.

— Витя! У нас бензин есть?

— Там в углу пять канистр.

— Давай быстро — две к краю баррикады, три — сюда.

Я перелез через шкафы и побежал в угол, где стояли канистры. Забросив три из них в нашу цитадель, стал подкрадываться к баррикаде. Лешина задумка была ясна мне: когда эти сволочи прорвутся, поджечь бен. ин из пулемета. Канистры взорвутся и тогда этим тварям станет не до нас. Мы выиграем еще немного времени.

Я успел только перемахнуть через шкаф и лечь рядом с Алексеем, как увидел в коридоре короткую вспышку, как будто зажгли спичку или чиркнули зажигалкой. В следующий миг что-то горящее перелетело через баррикаду и хлопнулось об пол со звуком бьющегося стекла. Во все стороны полетели брызги горящего бензина. Прямо перед нашим заграждением образовалась огненная лужа.

Послышались глухие удары. Наша баррикада у двери

зашаталась и стала поддаваться. Нападающие притащили бревно и использовали его как таран. Еще одна бутылка с бензином влетела в зал. Прочертив огненную дугу, она вдребезги разбилась о край шкафа, за которым укрывались мы с Алексеем. Я откатился в сторону, но горящий бензин все равно попал мне на ногу, осколок стекла царапнул лоб. Я быстро сбил пламя.

— Ты цел?! — крикнул Алексей.

— Цел!

Он ударил по баррикаде из пулемета, надеясь отпугнуть инфицированных и задержать ее разрушение, но таран бил неумолимо. Один из шкафов опрокинулся, открывая широкую брешь. В нее тотчас полезли твари. Алексей выждал мгновение и, поведя стволом, дал длинную очередь веером понизу баррикады. Канистры с бензином взорвались. В уши вонзились истошные крики горящих людей. Они катались по полу, стена огня закрыла дверной проем. В этот миг мощный взрыв снес дверь позади нас.

— Кидай туда канистры! Скорее, мать твою! — заорал Алексей, и я швырнул их все три к основанию второй баррикады. Прогремел новый взрыв, шкафы у моей двери разъехались, но позади них тут же встала стена огня. Об этом я позаботился.

— Пять пятнадцать! — крикнул Алексей. — У них не более получаса.

— Почему они не забросали нас гранатами?!

— Не нашли, наверно! Почему я знаю! Скажи спасибо!

Спасибо говорить было рано. Зашипели огнетушители — в тюрьме их было предостаточно — и пламя стало быстро гаснуть.

— Гранаты! — крикнул мне Алексей. И мы одновременно метнули их каждый в свою сторону. Взрыв!.. Еще взрыв! Еще!.. Еще!.. Еще!

Когда гранаты кончились, мы снова припали к пулеметам. Языки пламени растекшегося по полу бензина играли тенями на стенах, корчившимися, как демоны Ада.

Неожиданно на наши новые очереди что-то ответило глухим звоном. Мы поняли, нападающие решили пробиться, прикрываясь стальными щитами.

— Суки! — заорал Алексей и выпустил сразу весь остаток ленты. Если бы его держали люди, они не устояли бы против сумасшедшей силы смерти, молотившей по листу металла. Ублюдки прикрепили щиты к чему-то,

наверное подперли досками, и теперь все наши пули пропадали даром.

Щиты вползли в зал и из-за них в стороны метнулись черные тени. Некоторые из них получили свое, но большинство избежало смерти, бросившись на пол.

Мы только успели схватиться за автоматы, как они уже показались на нашей последней баррикаде. Я наставил автомат вверх и разнес очередью голову упырю. Он пошатнулся, разбитые зубы оскалились на кровавой маске, и упал в лужу огня.

Я полоснул всером поверху, считая тварей, как тараканов. Защелкнул новый магазин. Секунда передышки, я бросил взгляд в сторону Алексея. Он бился врукопашную, используя автомат как дубинку. Я услышал треск ребер его противника под яростными ударами, услышал как инфицированный верещит по-заячьи. Алексей поднял автомат над головой и обрушил прямо на середину лба наседавшей на него твари. Череп раскололся, Алексей продолжал бить и бить...

В этот миг что-то ударило меня в спину, и я повалился лицом на пол. Автомат выпал из моих рук, сильные пальцы вцепились мне в шею и стали душить. Мне чудом удалось вывернуться и оказаться к противнику лицом. Он снова впился в мою шею, злобно рыча. Рука сама скользнула к ноге и выхватила тесак, которым я приканчивал вампиров. Я взмахнул им, лезвие полоснуло по щеке противника, срезав ее до кости, как отбивную. Он заорал, откинулся назад, и я вспорол ему брюхо. Потом сел, но встать не успел. Перед глазами вспыхнуло, и бой для меня закончился.

Тусклая лампочка освещала мой ужин: бутылку «Распутина», банку тушенки и пять соленых огурцов на алюминиевой тюремной тарелке. Рядом лежала школьная тетрадка и шариковая ручка. ОНИ сказали, что палач тоже имеет право на исповедь.

ПАЛАЧ! Это — я.

Алексей был мертв. Серегу с Димкой прикончили в Большом Городе.

То, что мы ничего не знали, не смягчит моей участи.

«Для нас вы — насильники и убийцы», — сказал один из предводителей инфицированных, пришедший побесе-

довать со мной перед последним ужином. Он произнес много гневных, беспощадных слов, и я поначалу отвечал ему тем же, пока мне не открылась ВСЯ ПРАВДА.

Бактерии мутируют, сказал он. Эпидемия остановлена, точнее закончилась сама. Да, люди здорово изменились. Они теперь ведут в основном ночной образ жизни. Однако ученые смогли создать препараты, позволяющие инфицированным выходить из своих убежищ днем. Женщины беременеют, а те что были в положении до эпидемии, рожают детей. Жизнь продолжается, человечество не погибло.

И я должен понять, что теперь человечество это — новые люди, а не мы. Нас — старых — осталась горстка, но они не питают вражды к тем, кто внял голосу разума и человечности. Кто не стал убийцей и палачом. Они живут своими общинами и никто не трогает их. Старые и новые люди нужны друг другу, чтобы очистить Землю от скверны. Днем упырей уничтожают одни, ночью — другие. У них нет причин для вражды. А таких бешеных псов, как мы, они безжалостно убивают.

«Ты можешь представить, — сказал я ему, — что это такое, когда вбивают кол в сердце любимой жены, что такое насыпать мышьяку в йогурт грудной дочери... Чтобы спасти их! Избавить от страшной участи!.. Ты можешь понять глубину отчаянья пережившего это человека?!.. Можешь понять жажду мести, разрывающую грудь?! Бессилие и боль, которые я испытывал, думая о своей старшей?»

«Могу, — ответил он. — Я тоже лишился всех. Они выли и скреблись под дверьми родного дома, а я стонал и плакал, глядя на этих отвратительных живых мертвецов с чертами любимых мною людей. И у меня не было сил выйти и избавить их души от мук. Потом пришла команда и сделала это за меня. Я упал в обморок. А когда очнулся, похоронил их кости, и стал жить. Твои чувства не удивят никого, слишком многие пострадали».

«Мы не могли знать, что эпидемия прекратилась! — выкрикнул я. — Мы видели, как инфицированные превращаются в упырей, и для нас не было разницы между теми и другими!»

«И ты не видел записок, которые оставляли они, моля понять, разобраться?»

«...Видел... однажды... Но решил, что родители хотят хитростью спасти свою дочь...»

«Ага! И ты убил их, а ее изнасиловал!»

«Нет! Я не тронул ни одной вашей женщины! — истерически выкрикнул я. — И Алексей! И Серега с Димкой! Только Николай, но я думаю, он делал это потому, что сошел с ума».

Инфицированный криво усмехнулся.

«Ты наивен и не знаешь, что вытворяли эти гомики. Они отрезали мужчинам половые органы и выковыривали глазные яблоки. Прибивали член к доске и клали рядом по обе стороны глаза. Это была их метка. Снизу кровью жертвы они писали «хрен с глазами». Они привязывали обнаженных женщин к стульям и метали в них ножи. Кто попадет в яблочко — прямо в сосок, тому стакан или оральный секс — на выбор».

«Я не верю тебе! Ты — политик и понимаешь, что двум расам на Земле не ужиться, старое должно уйти. Но чтобы его уничтожить, оно должно обрести образ врага. Вот, что я думаю. И ты не можешь знать, какой у них был уговор — стакан или секс...»

«Думай, что хочешь, таковы факты: результаты наших исследований и показания очевидцев...»

«Каких еще очевидцев!»

«Тех, кто был на месте преступления и кого они не нашли. — Он посмотрел на меня пристально. — А-а... ты не знаешь, что мы слышим во сне... Твои напарники уехали вовсе не потому, что вы поссорились, они бежали, зная, что скоро придет расплата, придем мы. Они видели много записок и скрывали это от остальных. Они уничтожены и сожжены. Жаль, мы не захватили их живыми, пожалели людей. А то бы их ждала жестокая казнь: их распяли бы на закате, а к утру они уже закончили бы собственное превращение. Желтый гной начал бы сочиться из их тел, и они стали бы корчиться и выть, пока не сгорели бы в солнечных лучах».

«Меня ждет такая участь? Ты для этого мне живописуешь ее столь подробно?»

«Нет, ты умрешь на плахе перед народом. Ты — палач, но ты честный палач и, надеюсь, последний. Люди жаждут видеть твою смерть, все те, кого вы сделали вдовами, сиротами, лишили детей. Ты не изуверствовал, и мы хотим, чтобы в нашем обществе с самого начала все было по справедливости».

Он помолчал.

«И потом... за тебя просила дочь...»

«Девочка жива!» — вскричал я и вскочил.

Мой собеседник толкнул меня обратно на топчан.

«Жива. Она — жена главы нашей администрации... Считай, президента. С центральной властью у нас пока слабая чисто формальная связь».

Я онемел.

«Но... Ей же всего шестнадцать...»

«Жизнь чертовски изменилась».

«...Я могу повидать ее?»

Мужчина покачал головой.

«Он запретил или она... не хочет сама?...»

«И то и другое».

«Можно написать ей записку?»

«Да. Но сначала прочтите ее письмо», — мужчина протянул мне запечатанный конверт.

Я вскрыл его.

«Милый папочка! Я люблю тебя! Люблю! Не хочу говорить о всем том, что ты натворил. Это ужасно! Если бы я могла спасти тебя! Но я бессильна! Бессильна! Прощай. Я настояла, чтобы тебя похоронили здесь, в Большом Городе. Я буду приходить к тебе, ухаживать за твоей могилой. Прощай мой любимый, мой несчастный...»

Слезы потекли из моих глаз. Я утер их обрывком рукава. Взял тетрадку, выдернул листок и написал ЕЙ ответ. Я объяснил, что произошло с ее мамой и сестрой, как найти Дашину могилку и просил похоронить меня рядом. Я сказал ЕЙ все слова, которые эти долгие месяцы носил в сердце.

Закончив писать, вложил листки в конверт — одного мне не хватило — и передал моему собеседнику.

«Вы не знаете, каким счастьем одарили меня перед смертью. У меня не было ничего, теперь есть все».

«Может быть ты и заслужил это...»

«Жаль, что все случилось именно так... Жизнь была трудной и недолгой. Может быть поэтому в нас оказалось так много ненависти и так мало милосердия... — я осекся. — Если бы вовремя... — я осекся. — Да... я мог бы нянчить внуков, делать дело вместе с вами, и свою жизнь мог бы еще наладить... Ладно... Прощайте. Оставьте меня одного. Сколько у меня времени?»

«Три часа».

Я кивнул. Инфицированный, или как его теперь называть, не знаю... Все равно! Он взял письмо и вышел. Откупорив бутылку, я налил полный стакан и несколькими жадными глотками осушил его. Мне повезло, я быстро опьянел. Вот и хорошо...

Мысли мои унеслись далеко-далеко... И никто уже не мог вернуть меня назад, даже мои палачи.

СИЛА НЕНАВИСТИ И ЛЮБВИ

Неторопливо поскрипывали сапоги переводчика коммандатуры Боля — фольксдойче из Поволжья. Переводчик остановился, посмотрел в окно веранды: сквозь мутные, расчерченные деревянными ромбами стекла виднелось вдали серое море. День был пасмурным. По пустынной улице под шумящей мятущейся листвой шел патруль.

Художник Борис Сергеевич проводил взглядом солдат и унтер-офицера, неторопливо шагавших посреди мостовой: оттопыренные локти, слева, чуть ниже плеча черный ствол автомата. Чьи ноги только не ступали по этой земле, чьи ноги только не топтали ее!

Греки были первыми, они дали городу имя. Феодосия... Музыкальное имя — Фео!.. Переходящее в высокое «до», затем в нейтральное «си» и спадающее в тихое «я».

Шумели деревья, шумело море, растревоженное разогнавшимся от Новороссийска ветром.

Лучше всего пенные валы, стремительными рядами несущиеся к берегу, видны из развалин генуэзской крепости. Генуэзцы — торговцы и воины. Корабли, корабли... Блестящие шлемы, панцири, мускулистые ноги, звон оружия. Смуглые расчетливые купцы и их женщины в длинных платьях, скользящие по галерсеям крепости. Роскошные волосы убраны в сетки, тонкие руки затянуты шелками Востока. Пальцы — нервы любви, средоточия ласки, унижены кольцами. Лебединые шеи, тянущиеся к стрельчатым окнам — жемчугами. Что там — за морским горизонтом? Судьба? Пылкий любовник —

молодой дворянин, воин, купец, пропитанный ароматами неведомых морей и далеких островов пряностей? Или старый ревнивец, хромающий от подагры, взгляд которого тускл и беспощаден?..

Шуршат по каменным плитам платья, шуршат над бухтой века...

Уже в развалинах крепость генуэзцев, и древнегреческий город охватила высокими стенами пиратская, рабовладельческая Кафа. Кафа! Это звучит, как боевой клич, как шипение змеи, как недоброе слово, как предупреждение. В турецком городе продают все и всех. Здесь жизнь и смерть то и дело пересекают путь друг другу...

Раздался стук. Борис Сергеевич вздрогнул, повернул голову, взглянул с балкончика вниз: комендант перебирал в углу его холсты.

«Ничего ты там не найдешь! Все — дрянь!» Лучшее давно распродано. И слава богу! Не достанется этому озверевшему потомку тевтонцев. Его предки вышли из дремучих лесов, стучали в ворота Рима, родили Гете, Шиллера, Баха, Бетховена, Канта, Гегеля, Маркса, Эйнштейна и еще многих и многих. А этот вместе с ордами своего фюрера жаждет вернуть мир к дикости.

Весь мир вокруг наш!

Мы возьмем все, потому что нам нравится все!

Непокорных затопчем!

Упрямых сожжем!

Строптивых задушим газом!

Гордых слошим!

Убежденным фанатикам — выстрел в затылок, два полена под мышки и в штабель. Полить керосином и сжечь. На костер! Дым человеческий, жаждавшее счастья, глупое тело, лети в небо, черной конотью развейся по ветру, пеплом своим удобряй землю...

— Вы скоро?! — послышался нарочито недовольный окрик Боля.

— Я же сказал, это не так просто! — также нарочито выразил свое недовольство Борис Сергеевич.

Затем с визгом выдернул старый гвоздь из рамы. Слегка захрустело стекло.

— Смотрите, осторожнее! — крикнул Боль. — Иначе господин комендант будет вам весьма неблагодарен!

— Ничего, переживу, — буркнул под нос художник и быстро вставил на место подлинника законченную перед самым приходом коменданта копию.

Снизу потянуло сигаретным дымом, стали слышны

ровные неторопливые голоса, звяканье стекла, затем смех.

«Пьют, — подумал художник. — Тем лучше. Боль отвлечет эту сволочь». Вправил свою подделку в раму, прижал края пальцами. Усмехнулся, вспоминая, как тренировался, копируя Айвазовского. Сложил инструменты, вздохнул тяжело, это были инструменты его сына. Где он теперь? Мальчик! На каком фронте?.. Если жив...

Он мог позволить себе такие мысли теперь, когда остался один. Совсем один... Жену два месяца назад застрелили во время облавы на базаре...

Как только очереди засвистели над головой, Борис Сергеевич схватил ее за руку и увлек наземь. Когда выстрелы отдалились, он сказал:

— Бежим, Нина.

Она даже не шевельнулась.

— Что с тобой?! — Он потряс жену за руку. Она застопала.

— Переверни меня на спину...

Лицо ее было спокойным, но в уголках губ мелко пузырилась кровь.

— Ты ранена! Куда?! Нина! Ниночка!

— Вот... — с трудом произнесла она. — Я вижу тебя... Коля... — Так звали их сына. — Боря, кажется, меня убили...

— Нет, Нина, нет! Ты с ума сошла! — Борис Сергеевич неистово тряс головой, а глаза были прикованы к темному пятну, быстро расползавшемуся слева на жалете.

Он сам обмыл и похоронил ее. Он смотрел на маленькое темное отверстие над белой грудью, над самой чертой от купальника и видел совсем другое. Видел, как она встает с постели, идет к окну: дикая ярко-желтая луна рвется вместе с ночной прохладой и запахами моря сквозь тонкие занавеси. Темный силуэт, очерченный серебристым контуром, застывает, руки взлетают вверх, дергают шторы, вздрагивает грудь... пробитая пулей... Счастье... пробитое пулей. Восторг, пригвожденный свинцом.

Одиночество. И офицер с мешками под глазами, в нечищенных сапогах, который не знает и не хочет знать его горя, его ненависти. Он хочет Айвазовского — этот волшебный уголок РУССКОГО Черного моря. Ну что ж, он его получит.

Три дня Борис Сергеевич трудился над картиной — больше не было времени. Ровно столько ему отвели на экспертизу. Он рисовал украдкой, прислушиваясь к шагам автоматчиков у входа, вздрагивал от шума моторов проезжавших мимо автомашин. Вживался в образ, в прошлое, в мир, где ажурная пена, где изредка за спиной проезжает экипаж... Зазвучит женский смех. Ухо ловит его, ждет. Вот ответ: вторящий ему мужской. В нем слышны готовность и призыв. Готовность пойти на все, ради... Так и должно быть. Улыбка трогает губы художника. Тайнопись пола...

Стихают вдали смех и цоканье копыт, сквозь тишину и зной, сквозь мысли настойчиво пробивается шум прибоя. Море. Быстрый прищуренный взгляд на холст, затем вдаль. О море, море. Какое ты разное.

Лижет песок волна. Не волна — рука мужчины, ласкающая плечо возлюбленной. Сомкнутые пальцы медленно повторяют изгиб ее тела.

Шлеп! Маленькая волна-котенок, сделав короткий прыжок, падает на брюшко, разочарованно, недоуменно оглядывается, ища бантик на веревочке, которым ее поманили...

Волна-труженик, волна-крот. Словно пальцы, загибает свой гребень перед обрывом и роет, роет...

Поднялся ветер. О, здесь уже не до лирики, не до неги. Набычили лбы волны-сорванцы, несутся оравой, шумят, упоенные простором и молодой силой, толкаются плечами, бьют купальщиков в животы...

Километровые молнии встают над горами в черной ночи. Не знающая пощады стихия, битва! Безумные кони, грохот оружия, рев, стоны, вой, дрожь земли. Жизнь и смерть. Все в один клубок...

Зеленая стылость. Обрывки пенных кружев. Бесконечное зеленое бутылочное море. Осеннее, зимнее море...

Мыс вдали в дымке. Облако над горой. Уф, жарко. Пора возвращаться, устал, ломит виски, тело одеревенело от напряжения. Да, не забыть распорядиться, чтобы увеличили подвоз воды в город. Трудно Феодосии без воды.

Художник вздыхает, глядя на холст: море застыло в движении. Начинает вытирать запачканные пальцы тряпкой. Вспоминается неожиданно давнее — Италия, Гоголь, Иванов, мучающийся над своим «Явлением Христа народу». Вспоминается, как чествовали его друзья,

когда папа Григорий XVI решил приобрести его, Айвазовского, «Хаос» для галереи Ватикана...

— Ну что, долго еще?! — вновь окликает недовольный голос Боля. — Господин комендант устал ждать. Он начинает сомневаться, действительно ли вы являетесь таким первоклассным специалистом, каким я отрекомендовал вас. Хватит копать! Поторопитесь! Господин комендант не ваш коллега и не оценит ваши глубокие раздумья, вздохи и позы. Он ценит свое время.

«Это — сигнал...»

— Сию минуту! — с торопливой угодливостью произносит художник. — Господин комендант хочет абсолютной гарантии, его не устроит, если в один прекрасный день выяснится, что я ошибся в спешке.

— Вы — шутник! То будет черный день. Для вас в первую очередь.

Негромкий короткий разговор на немецком языке.

— Ладно, работайте! Господин комендант подождет еще немного! Но побыстрее, времени нет!

«Ну вот и все», — Борис Сергеевич проводит пальцами по стеклу, словно приглашая запоздало мазки там, где они могут выдать фальшь копии, встает со стула, спускается по крутой скрипучей лестнице.

Серые глаза, не отрываясь смотрят на него из-под лакированного козырька. Нервно напряженные ноздри, между приоткрытых губ желтые прокуренные зубы. Нога закинута за ногу, в правой руке покачивается стакан с коньяком, в левой — дымящаяся сигарета.

Боль тоже смотрит на него. Словно врач, помогающий впервые поднявшемуся после долгой болезни пациенту, незримо поддерживает его под локоть, контролирует естественность каждого шага, жеста.

Художник останавливается перед комендантом, протягивает картину. Тот неспеша берет ее, разглядывает. Потом обращает холодные глаза к художнику и что-то произносит по-немецки. И хотя Борис Сергеевич не знает языка, он понимает — его спросили: подтверждает ли он подлинность полотна.

— Можете не сомневаться, господин комендант. Это — подлинник, — отвечает он твердо.

Боль переводит, и комендант удовлетворенно кивает. Затем неторопливо расстегивает нагрудный карман френча и, вынув несколько смятых бумажек, кидает их на стол подле стеклянной фляги, в которой еще наполо-

вину осталось коньяку, щелкает по ней ногтем и говорит что-то Болю.

— Коньяк он тоже оставляет вам. Выпейте за здоровье Айвазовского. А это, — переводчик небрежно машет зажатými в руке перчатками в сторону денег, — за услуги.

Комендант ухмыляется и встает. В проеме отворенной двери, за которой виден вытянувшийся перед начальством автоматчик, комендант застывает на миг и, обернувшись, пристально смотрит на художника. Борис Сергеевич кланяется.

Хлопает дверь.

Пропахший кровью подвал... Дикая луна над голым склоном горы. Холодные блики на черном лаке автомобиля, на касках солдат, стволах автоматов. Тишина, шум прибоа. Вечный шум. Рядом с вечно й тишиной, ожидающей молодого человека и еще нескольких мужчин, стоящих рядом с ним на краю оврага.

Руки не связаны. Зачем? Каждая косточка в них методично раздроблена, каждая жилка вытянута, неторопливо содран каждый ноготь.

Позади стоны, звук крошащихся зубов, хрип, полный крови молчащий рот.

От молчания до смерти 10 минут езды на автомобиле. Белые пятна лиц под касками. Запах табака. Как хочется закурить напоследок! Но можно удержаться: теперь это не безнадежно — бросить курить. Нужно напрячь волю только один раз. Это раньше было трудно, когда впереди была жизнь.

Офицер подает команду. Дергаются стволы автоматов. Он с интересом наблюдает, как короткий сухой треск обрывается мягкими шлепками входящих в тело пуль. В этом звуке есть своя прелесть. Дети с упоением рубят прутом крапиву, женщина режет острым ножом масло, собака рвет зубами мясо, птица скользит по воздуху. Во всем своя прелесть, свое удовольствие, свое наслаждение.

— Пададь в овраг! — отрывисто командует офицер и, круто повернувшись на каблуках, идет к машине.

— Мне нужен руководитель группы, а не расстрелянный мальчишка! — говорит тихо комендант, но в конце фразы его голос срывается на крик. Лицо его мертвенно бледно после ночной попойки, глаза пусты, холодны, злы. — Зачем вы замучили этого мальчика до смерти, Клаус? Теряете квалификацию?

— Ладно, Герман, — усмехается вяло гестаповец, сидящий напротив. — Хватит. В другое время и в другом месте я бы послушал, а сейчас не надо. Поверьте, сделано все возможное. Мальчишка оказался фанатиком. Но взят с рацией и шифрами. Может быть послать все хозяйство в Симферополь? Там дешифровщики классом повыше, чем у нас.

— Нет! — Комендант наполнил бокал коньяком. — Это наше дело. Незачем делиться с нахлебниками. Все должно быть тихо. Если удача, то наша, если неудача, то... ничья. Никакого дела просто не было. И радиста тоже не было. Ты же знаешь их манеру: чуть что — на восточный фронт... Понял?

Гестаповец кивнул.

— Только я не гарантирую, что в ближайшее время что-то сдвинется с места. — Он поглядел на картину за спиной коменданта: зелено-черное море ярилось под серым небом, волны неслись, подхлестываемые ураганом вздымались на дыбы у берега, все в клочьях пены, как табун диких коней.

— Ниточка оборвалась. Единственное, что расшифровали мои недоумки — подпись: художник...

Лицо коменданта застыло: он невольно обернулся к картине.

— Ты до сих пор подозреваешь его? Глупо!

Гестаповец пожал плечами.

— Ты же сам проверил его на все 100.

— На все сто проверить никого нельзя.

Гестаповец помолчал, потер пальцами скрипящий щетиной подбородок.

— Человека нельзя... Но можно картину. Какова ее цена?

— Кажется мы с тобой все поделили! Или твои придурки доложили тебе, что я гребу золото лопатой? Аппетит разыгрался?!

Гестаповец улыбнулся бесстрастно, одними губами.

— Не угадал, Герман. В тебе разыграл инстинкт собственника. Я хотел сказать, что она стоит столько... русские никогда не отдали бы ее, если смогли бы. Или попробовали вернуть, если смогли бы... Ее подлинность удостоверяет подлинность Боля.

— Но художник мог ошибиться.

— Мог. Но его нашел Боль. И искал долго. За это время можно было... Впрочем, ты прав: доказательств никаких. Но память и интуиция! Первая хранит все, вторая

проникает всюду. Я чувствую что-то. Может быть это ложное чувство. Но если я окажусь прав, будем считать... — Гестаповец ухмыльнулся. — Возьмемся за художника.

— Хочешь сказать, что они с Бодем подсунили мне подделку? А если это с самого начала была подделка? Что тогда?

— Нужна экспертиза...

— Отдать ее экспертам, Рёнке?! — оскалился комендант. — Х-ха! Черта с два! Только вместе с твоим золотом, пусть они заодно и на нем поставят пробу!

Ты стал слишком нервным, Герман. Как хочешь.

— В моем присутствии, только в моем присутствии!

Боль был на волосок от гибели. Художник — кто он: трус или предатель? Или это счастливый случай? Экспертиза подтвердила подлинность картины, которую получил комендант. Он, Боль, осмотрел ту, что осталась у художника — она была старой, написана на старом холсте, натянута на темное старое дерево подрамника.

Что это?! Игра коменданта? Его раскрыли? Замучили мальчишку-радиcта, выжали вместе с кровью несколько слов?.. Или все-таки художник побоялся заменить подлинник копией?..

Боль был на волосок от гибели. Его не покидало чувство, что из шахматиста он превратился в шахматную фигуру. Внешне Боль был невозмутим. Внутренне — как гремучая смесь — ударь и взорвется, а пока стоит в пузырьке на полке, и никому невдомек, какой адской силой он обладает.

«Но почему не взяли до сих пор? Отрабатывают связи? Хотят взять вместе с подпольем? Внедрить агента? Нащупать тропку к партизанам?

Сейчас придет этот палач Генслер и уведет меня в свой кабинет, потом в подвал. Потом пошлют за художником, и тот все расскажет. Даже если это счастливая случайность — ошибка экспертов. Художник не выдержит».

Боль не рассчитывал даже выстрелить напоследок — уверен был — за ним зорко следят.

— Можете быть свободны. Пока, — будничным тоном произнес комендант. — Возьмите эти сводки и отнесите в шифровальный отдел. Потом подождите в приемной.

Собственные шаги в такт ударам сердца. Как оно бьется! Словно его вынули из груди и колотят изо всех сил о землю. Сзади шаги, а впереди у угла встречающий: сто-

ит, смотрит, наблюдает, уперев кулаки в бока. Живая смерть.

Боль усмехнулся. Какое сочетание: живая смерть! Нелепое! Соединено навеки разделенное. Однако, на вот!..

В приемной он сел в кожаное кресло. Автоматчик у дверей глядел как всегда пустыми глазами поверх головы. Невыносимо медленно шло время.

Дверь распахнулась. Криво ухмыляющийся гестаовец встал на пороге. Мотнул головой резко и зло.

— Заходите.

Дверь захлопнулась. Боль внутренне сжался, как пружина. Он не знал, что сделает, но был уверен, что постарается дорого продать свою жизнь. Пусть убивают, но он доберется до горла одного из этих фашистов, и пока пули из «парабеллума» другого будут впиваться в его тело, станет грызть горло того — первого. Зубами, зубами, пока не сдохнет! Он на мгновение даже ощутил, как сминается под зубами плохо выбритая кожа, во рту становится солono и тепло от крови, а по телу бьют молоты пуль. Бой последних курантов его жизни, и вместо колоколов звук пистолетных выстрелов. Представил и вздрогнул.

Комендант налил на два пальца коньяку в три бокала и сделал приглашающий жест.

— Выпьем, господа, за верность и честь! Я имею ввиду вас, Боль. Эксперты подтвердили — картина подлинная.

Боль изобразил на лице удивление и обиду. Разве он не доказал свою преданность рейху? Дождался, пока запрокинется подбородок коменданта, вылил коньяк в рот. А в голове зрел уже план операции. Одна картина у него, он должен получить вторую. Тогда подлинник наверняка не уйдет из страны. Потом самолетом в Москву — пусть разбираются, где копия, где оригинал.

— Завтра же отправлю эту жемчужину с Питцем и Штеером в имение. Как вы думаете, Генслер, двух мотоциклов хватит?

— Если поставить на один пулемет, я думаю, да. Здесь недалеко. Район полностью контролируется нами.

— Итак, друзья, выпьем еще раз за верность и честь! Ваше здоровье, Боль!

— Благодарю, господин комендант. Прозит!

Антонова тревожила малочисленность его группы. Силы пришлось разделить, оставив половину людей в засаде на шоссе, а самому с 9 партизанами идти к дому па-

сечника — деда Антипа. Боль передал: офицеры, что повезут картину, договаривались завернуть на пасеку, распить бутылку коньяка на природе. Хотели сделать это по дороге т у д а. А вдруг решат заехать на обратном пути, уже без картины?

Лучше места не найти: в стороне от шоссе — раз, ро-ща в лощине обеспечивала скрытые подходы к дому — два. Если они не проедут мимо... Если охрана действительно будет состоять из мотоциклистов. Если... Этих непредусмотренных «если» могло быть много.

Антонов представил лысые, выгоревшие под солнцем холмы, голую равнину, на которой негде укрыться, за спиной. То самое место, где залегла сейчас вторая группа.

Сколько раз уже было это ожиданье... Звук! Треск мотоцикла! Ну наконец! Вот они!

Все верно: четверо мотоциклистов, посредине черный жук — «опель», лак горит на солнце. Все ближе, ближе к рубежу.

Залп!

Мотоциклисты, вильнув, заваливаются в кювет, «опель», визжа тормозами, останавливается, очереди дробят лобовое стекло. Задняя дверца распаивается, на дорогу выкатывается офицер, ползет быстро к кювету, пули бьют вокруг него.

А-а, черт! Спрятался! Отстреливается!

— Прижмите его, чтоб не высовывался! Антонюк, Гапочка, за мной!

Бегом к машине. Рывком на себя дверцу. Внутри изрешеченной пулями кабины застыли мертвецы. Шофер мешком свалился на пол. На заднем сиденьи офицер, голова откинута, в горле кровоточащая дыра, другая пуля пробила грудь.

Деревянный футляр! Слава богу, цел! Теперь бегом назад.

Издали слышен рык мотора. Вот оно то, чего больше всего он боялся — грузовик с солдатами, а может быть целая колонна. Услышали перестрелку, мчатся на помощь.

Эх, художник! Люди умирают за твою трусость. Они картин этих в глаза не видели. Айвазовский для них только фамилия. Только фамилия! А идут на смерть! За что?! Народное добро не хотят отдавать врагу. А ты? Ты лучше нас всех знаешь, что за ценность в этой коробке. И ты струсил...

Рука легла на плечо. Антонов очнулся. Спросил молча взглядом:

«Ну что?!»

— Здесь, — шепотом ответил разведчик. — Мед жрут. Деду рюмашку поднесли.

Антонов облегченно вздохнул. «Воображение, черт его дери, нервы расходились, совсем никудышные стали. Плохо. Так вот когда-нибудь сорвусь».

Он обернулся назад, махнул рукой: «Пошли». Пересчитал пальцем троих, показал — заходите слева. Других трех партизан послал направо. Троих повел сам — в лоб.

У хатки в тени деревьев стоял черный «опель». Два офицера сидели за дощатым столом. Старик-пасечник в белой холщовой рубаше и таких же штанах, босой стоял с миской помидор рядом. Солдаты ели и пили, сидя на мотоциклах.

«Хорошо, — подумал Антонов. — Удобнее будет снять».

Грохнули очереди, и трапеза закончилась. Трое мешками свалились на траву. Четвертый выпрямился, медленно начал поворачиваться. Потом качнулся и рухнул лицом вниз.

Высокий худой офицер обернулся, челюсть его отвисла.

— Не шевелиться! — крикнул Антонов. — Руки...

Сзади грянул выстрел. Антонов мгновенно обернулся, не Антонов, человек-автомат: мозг-мышцы-палец-накрючке-пуля-смерть. В машине, уронив шмайсер, царапая пальцами грудь, оседал шофер.

В ту же секунду второй офицер рванулся из-за стола, выдирая из кобуры пистолет. Автоматная очередь дымной струей вошла ему в живот. Он с разбегу ткнулся лицом в траву. Щелкнул винтовочный выстрел, худой офицер боком повалился рядом.

Старик-пасечник, словно ничего не произошло, поставил миску с помидорами на стол.

— Хлопцы, — зашамкал он беззубым ртом, — тикать надо. Наедут со шляху, всех побьют.

— Собирайся, отец, — сказал Антонов и направился к машине. — Тебе тоже надо уходить.

Антонов мельком глянул на мотоциклистов, лежавших ближе к машине. Спину одного наискось пересекала темная строчка очереди. Другому пуля ударила в рот. В мертвых глазах застыли слезы.

«Мальчишка совсем, не больше 19», — подумал Антонов, дергая ручку двери.

Деревянный футляр лежал на заднем сиденьи.

«Ну вот и все. Того кошмара на дороге не будет. Никто не заплатит жизнью за трусость».

Затаившееся время вновь завсртело шестерни часов. Прошло всего три минуты с первого выстрела. Надо было уходить.

Из дома выглянул старик.

— Берите только самое необходимое! — крикнул ему Антонов.

— Нужное! А пчелки?! Эх, порушат все! — Дед сокрушенно махнул рукой, скрылся в доме.

Прошло 20 лет, прежде чем Боль — теперь он носил свою настоящую фамилию — Платонов — попал вновь в Феодосию.

Они встретились в музее Айвазовского, куда Платонов пришел посмотреть на спасенную им картину. Сиди-на, сгорбленная спина, трость и шаркающая походка не обманули его — он узнал художника сразу.

Они стояли на улице в тени. Было жарко и пыльно. Ветер трепал волосы. Платонов молчал. Он ждал, пока заговорит этот человек. Сам он говорить не хотел. Да и от художника не рассчитывал услышать откровений. Платонов знал, что говорят в подобных случаях. Не раз по долгу службы приходилось выслушивать длинные путанные истории мелких душонок. Разве что этот начнет иначе: «Ах, как мы постарели! Ах, как летит время!»

— Вы знаете, мои коллеги до сих пор не верят, — начал художник.

— Чему?

— Тому, что вторая картина — написанная мною копия! Они считают, что ее сделал сам Айвазовский!

Брови Платонова поползли вверх. Он помолчал, потом спросил:

— Могу я увидеть вашу копию?

— Конечно!

Они спустились в запасник. На стол лег холст. Платонов перевернул его.

— Вы тоже обратили внимание! — воскликнул Борис Сергеевич. — Он обожжен с краю, тот, на котором писал я. Негде было достать новый. Время-то какое! Я страшно боялся, что из-за этого может все сорваться. Если этот фашист посмотрел бы и увидел. Но потом подумал, вряд

ли он будет выдирать картину из рамы. А значит, никто не мог знать, как выглядит холст с обратной стороны.

— Да, — кивнул Платонов, лицо его оттаяло. «Значит, все же ошибка экспертов». Он посмотрел на художника. 20 лет они хранили в памяти противоположные чувства: он презрение к трусу, художник — чувство исполненного долга.

— Да, я тоже заметил это. И это было единственным знаком, по которому я отличал оригинал от копии. Потому что я видел вашу картину без рамы, а Айвазовского — нет. Ведь чтобы не было провала, я не приходил к вам в те дни. А когда вы произвели замену, я сидел внизу с комендантс. У него в кабинете картина тоже все время была в раме, и я не мог проверить ее после того, как она вернулась с экспертизы из Симферополя. Немцы засвидетельствовали ее подлинность. Вернее то, что она написана давным-давно. Все эти 20 лет я считал вас трусом. Простите.

Борис Сергеевич растерянно застыл с футляром в руках.

Платонов долго глядел ему в глаза, не моргая. Потом вздохнул и, опустив голову, провел рукой по седым редющим волосам.

— Подлинность... — прошептал художник, — с экспертизы из Симферополя... моя копия... ошибка... — Справившись с собой, он спросил:

— Немцы посчитали мою копию оригиналом, а вы решили, что я...

— Да. Простите... Вначале у меня было две версии: это игра коменданта, я раскрыт, и со мной затеяли игру. Вторая — вы трусили. Но потом осталась только вторая. Это стало ясно, когда я живым и невредимым выбрался из Феодосии. А далее... обычное для войны стечение обстоятельств: партизанский отряд, добывший вторую картину, был разгромлен, да они и не знали ничего, сделали то, что приказал я. А те, кто руководил операцией из нашего центра, погибли в конце войны в Германии. Да в общем... и выяснять было нечего. Ошибка исключалась — в Симферополе у немцев были достаточно квалифицированные эксперты, чтобы определить возраст холста, красок... Но сейчас?! Ведь есть же специалисты, техника! В конце концов я могу засвидетельствовать!..

Борис Сергеевич ответил не сразу — не так это было просто узнать вдруг, что тебя 20 лет считали трусом, а ты с чувством гордости вспоминал содеянное.

— Дело в том, — начал он тихо, — что не только холст, но и краски оказались времен Айвазовского. Естественно, что мне никто не верит.

Теперь настала очередь Платонова изумленно молчать.

Потом он тихо сказал:

— Но ведь краски принес я... Совершенно новые, французские. Как сейчас помню: тяжелые свинцовые тюбики в яркой коробке.

— Да! — сказал художник. — Да!

— Так как же?!

Борис Сергеевич сел. Нежно провел ладонью по холсту. На лицо его набежала печаль, глаза наполнила боль воспоминаний.

— В чем дело... — сказал он протяжно. — Просто я был Айвазовским.

И художник рассказал Платонову о дикой ярко-желтой луне, о греках и гинуэзцах, турецком городе Кафе, о серебристом контуре женского тела на фоне окна, о сыне, о маленькой дырочке в женской груди, об экипажах за спиной, о многоликом море, о любви и ненависти, родивших великую силу духу, позволившую ему проникнуть в прошлое, повторить неповторимое, осуществить невозможное.

ИСХОД

Как всегда неожиданно вспыхнуло солнце, и Эфбэр стремглав бросился в спасительную расщелину. Ситар и Бэклю замешкались у Большой Красной Кормушки и были раздавлены Чудовищем. Жадность стояла им жизни.

Сотрясающий мир грохот затих, и Эфбэр осторожно высунул голову из-за большого камня. Окинув взглядом ровную белую поверхность Плато кормушек, над которым возвышались две огромные чаши, он содрогнулся, увидев изуродованные тела соплеменников. Затем перевел взгляд на Чудовище. Некоторое время оно оставалось неподвижным, потом изогнулось и вытянулось — это было одним из его удивительных и коварных свойств: по собственному желанию изменять длину и форму тела. Раздался оглушительный удар, и еще одно тело каарыана со стуком упало на Плато кормушек.

Эфбэр втянул голову в расщелину, продолжая наблюдать за Чудовищем. Оно неспеша передвигалось по Миру, выискивая очередную жертву. Чудовище остановилось в центре Мира, под самым Солнцем: стояло, поворачиваясь из стороны в сторону, но никто более не попался ему на глаза. Издав оглушительный рев, Чудовище потопало прочь; шаги его сотрясали землю. Солнце погасло. Некоторое время еще Эфбэр ощущал, как дрожит почва, затем все стихло: Чудовище скрылось в Смежных Мирах, где обитало его племя.

Теперь оно надолго успокоится, думал Эфбэр, наступила ночь каарытанов. И время ему отправляться в путь

в Подземные Миры. Там, в Центре, ученые неустанно ищут средство защиты от кровожадных монстров. Со всех сторон из Пограничных Миров, подобных Миру Эфбэра, стекаются к ним сведения о жизни, повадках, нравах Чудовищ.

О них было уже известно многое, и все же никто не мог дать ответа на главный вопрос: зачем эти бессмысленные убийства?! Что делить Чудовищам и каарытанам? Пищу? Каарытаны им не соперники, они удовлетворяют свои потребности крохами, которых Чудовища и не замечают. Жизненное пространство? Бессмысленно — два племени обитают в разных мирах. Кто-то назвал Чудовищ хищниками, но хищники убивают по необходимости, ради пропитания, а Чудовища не питаются каарытанами. Так зачем же эта отвратительная бойня?! Какое зло содеяно каарытанами, что Чудовища с такой дикой злобой и упорством уничтожают их народ без разбору, где дети, где старики, где женщины?

Эфбэр пересек бегом равнину у основания Мира и юркнул в ущелье — одно из тех, что разделяли горизонтальные и вертикальные равнины. Путешественник поднялся на задние ноги, оперся средними о покатый склон, а руками вцепился в его край и долго смотрел в головокружительную высь. Там начиналась Перевернутая горизонтальная равнина. Она располагалась точно над основанием Мира, но была обширнее и светлее по цвету. В центре ее помещалось Солнце; сейчас оно не светило, висело в пустоте холодное и прозрачное.

В путь!

Эфбэр добежал до конца ущелья. Здесь пролежала граница его Мира. Впереди показался знакомый холм. Путешественник взобрался на него. За ним горбился другой, еще более высокий. Черная дыра туннеля зияла у его подножия. Некоторое время Эфбэр стоял перед его зевом, шевеля ощущалищами, потом вступил в подземелье.

Туннели, пещеры, пропасти, ущелья — путешественник потерял им счет. Потоки воздуха несли затхлые запахи бесконечных лабиринтов. Под ногами медленными волнами расступался мягкий крупный серый песок.

— Изыскания специалистов, — говорил Эфбэру глава Совета ученых Джасп, — привели нас к парадоксальному выводу: если бы не Чудовища, каарытаны никогда не ста-

ли бы разумными. Все мы знаем, что через каждые несколько поколений, когда численность населения возрастает, наступает Период ядовитой Земли. Такова реакция Чудовищ — неизвестный нам механизм включается в их организмах, заставляя их вырабатывать огромное количество ядовитого порошка, который они рассеивают повсюду. И Мир превращается в ядовитую пустыню — вдыхать порошок смертельно опасно, пить воду, в которой он растворен, есть пищу, посыпанную им — тоже.

— У наших предков был единственный выход. Чтобы выжить, нужно было поднять голову над п о ч в о й, перестать вдыхать яд. И те каарытаны, что выжили, ходили уже не на шести, как все звери, а только на четырех ногах. Передние конечности освободились для труда, а труд дал мощный импульс развитию разума. Яд Чудовищ оказался решающим фактором в превращении каарытанов в разумные существа. Сами того не заметив, наши враги помогли нам появиться на свет, но... не перестали быть врагами... Бороться с ними — гигантами — на равных мы — пигмеи — не способны. И вряд ли когда-либо сможем противопоставить силе силу. Каков выход?!. Мы должны изобрести яд для Чудовищ и отравить их также, как они травят нас. Это — единственный выход.

— А до той поры, пока средство не будет создано, решено эвакуировать поселения Пограничных миров. Здесь в Подземных Мирах уже подготовлены новые жилища, разведаны запасы пищи. Мы вынуждены временно отступить, — закончил Джасп.

Вот такую информацию нес Эфбэр своим соплеменникам. Им предстоит Исход, великое переселение народов.

Щелкнул замок, отворилась дверь в квартиру, и загорелый молодой человек поставил на пол прихожей два чемодана. Следом за ним вошла его жена, прищурившись, огляделась.

— Чувствуешь? — сказала она и брезгливо дернула носом.

Молодой человек кивнул. Супруги осмотрелись по сторонам. Квартира, в которой они не были месяц и которая уже 30 лет ждала капитального ремонта, производила удручающее впечатление. Облупившаяся краска, выщербленные углы, мебель, засиженная мухами, издохшими к осени и висевшими на ней и плафонах. За-

тхлый воздух — смесь запахов давно не проветривавшегося жилья и мусоропроводных ароматов.

— Да-а, разруха, — вздохнула молодая женщина, став на кресло сумки. — Тут сколько не драй, на следующий день опять грязь. Откуда только она берется? Будто сама лезет или магнитом ее тянет.

— Ну брось! — раздраженно оборвал ее муж. — Не порть настроение. Уберем, отчистим, отдраим.

— Конечно, уберем, — вздохнула супруга.

Ночью мужа разбудил крик. Он вбежал на кухню — жена, прижав кулаки к груди, стояла посреди комнаты и испуганно озиралась. Повсюду деловито сновали, поблескивая коричневыми спинками, тараканы. Их было видимо-невидимо.

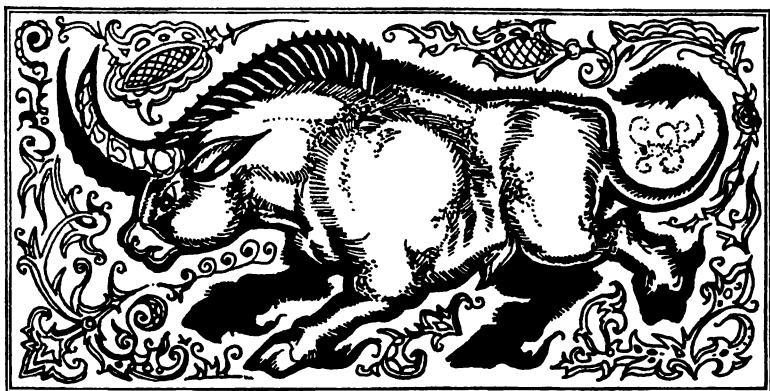
Неделю длилась битва. К субботе супруги облегченно вздохнули: территория была очищена от мерзких насекомых.

В ночь на воскресенье муж был разбужен новым криком. Влетев на кухню, он огляделся, везде было чисто.

— В чем дело?

Жена, оторвав от груди руку, молча указала в сторону мусоропровода. Тараканы гуськом вылезали из-под отставшей кафельной плитки и, пробегая по стене, исчезали под крышкой мусоропровода. Исход начался.

Сергей Журавлев

НАХОДНИКИ

*В Лето 851. Варяги из заморья
взимали дань с чуди, и со словен, и с
мери, и со всех кривичей.*

«Повесть временных лет»

Где-то в Посаде прокричали петухи. Вадим встрепелся: «Вторые!» Он приподнялся на локтях и чутко прислушался. Большой дом князя Ратибора был полон ночных звуков. В углу, у стены, выходящей во двор, возились мыши. Заглушая их возню, над ухом звенел комар. В соседней гриднице спали дружинники. Их разноголосый храп долетал сюда через дубовые двери. Наверху тихо поскрипывали половицы. «Мать Виста уже встала», — вздохнул Вадим, вспоминая вчерашний разговор с отцом.

Вчера отец Вадима, ладожский князь Ратибор Храбрич, устраивал пир. Еще весной побывали у Ратибора послы киевского князя. Принесли весть, что в это лето собрался Аскольд воевать болгар черных и, памятуя свою давнюю дружбу и союз с Ладогой, звал Ратибора в поход. Ратибора долго упрашивать было не надо. Хоть и перевалило ему за сорок, хоть и высеребрила седина полголовы, был князь скор на подъем. Быстро снарядил он дружину, да пришли дурные вести. Из-за моря Варяжского, с Рюна-острова вернулся купец Данислав. Сказывали ему лю-

ди тамошние о том, о чем сами слышали от данов из Хедебю: будто свейский конунг из Бирки готовит корабли в Ладогу, да не на честный торг, а за данью. По совету старейшин отложил Ратибор поход в Киев. Только время шло. Прошла весна, уже и червень шел к концу, вот тогда перед солнцеворотом из Бирки не находники, а купцы прибыли — Хавард Урманин и хевдинг Гуннар по прозвищу Бык. Посмеялся Ратибор над опасениями Данислава. Посмеялся и стал собираться в поход. Ну а после Купальи, когда солнце переломилось на зиму, устроил прощальный пир. А сегодня, до полудня покинет Ратибор Ладогу. Вот почему и не спит мать Виста. Вот почему поднялась до света.

Снарядил Ратибор пять лодей с дружиной. Издавна славился род Храбричей отвагой и удачей воинской, потому не искал князь дружинников, сами шли к нему. Кроме дружины брал с собой князь сыновей старших Рагдая и Ратмира, да людей охочих из ладожан на пяти лодьях. Просился и Вадим, но отец только отшучивался, смеялся, что ранен Вадим, что нет у него снаряды воинской для младшего сына. Вот привезет следующим летом из Киева, тогда и возьмет в поход. А потом посерьезнев сказал, как отрезал: «Я так решил!» Ну а если Ратибор решил что, значит, так тому и быть.

Рано ушел Вадим с пира. Даже гусяров слушать не стал. А пели они о старом времени, о преславных делах отцов, о громкой славе дедов. Но Вадиму было не до чужой славы. Какая слава, коли его словно малолетка какого оставляют дома, подле материнской юбки. Обида шершавой занозой засела в сердце. Не давала спокойно уснуть, бредила душу. Вот и поднялся Вадим ни свет, ни заря.

Осторожно встав с лавки, он натянул порты и рубаху. Не обуваясь, вышел в сени, по дороге прихватив приготовленные с вечера невод и острогу. Чуть скрипнула дверь и Вадим едва касаясь ступеней слетел во двор. Влажная темень сразу обступила со всех сторон, предрасветная мутная сырость заползала в рукава и за ворот рубахи. Вадим поежился: «Летом ночью туман, значит день будет без дождя». Юноша взял весло и пошел к задней калитке, туда где темнели заостренные верхушки тына. Усадьба Ратибора находилась внутри крепости, опоясанной высоким земляным валом, у стены выходящей к реке. «А что мне дождь? — горько думал Вадим, — меня-то

отец в Киев не берет. По мне, так пускай и дождь, может рыбы больше будет.» Без труда он отыскал потайную форточку в стене. Тропинка по крутому склону спускалась к Волхову. Обжигая ноги росой, юноша сбежал к воде. Здесь в зарослях осоки и остролиста был спрятан его челн. Бросив на дно долбленки острогу и невод, Вадим уселся на корме и оттолкнулся от берега. Сильное течение сразу подхватило челнок. Темная ночь и река приняли в свои объятия. Тусклые звездочки сочувственно помаргивали юноше, а серебряная луна, запутавшись в ветвях деревьев, грустно улыбалась: «И рада бы тебе помочь, да вот не пускают.»

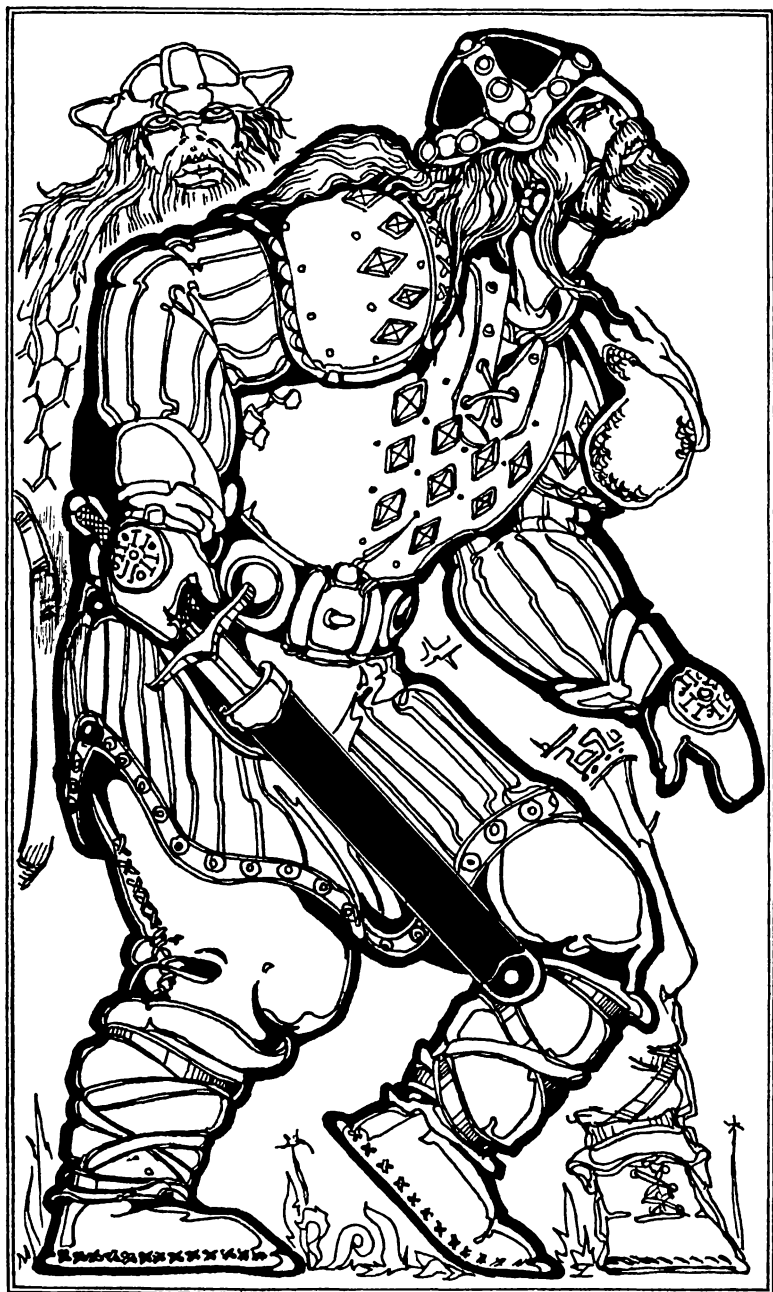
Вадим редкими гребками направлял челн. Течение само несло его вниз. Растворилась в тумане за спиной крепость, отцовская дружина и лодьи готовые к походу, осталась только обида. «Ну и пусть не берут, — ворчал себе под нос Вадим, — не велика честь черных болгар воевать. Сказывал Ярый, что они не знают даже, что такое меч. Так уж лучше рыбу острогой бить, чем воевать с такими!» Слева туман сгустился. В этом месте в Волхов впадает Ладожка. А за ней Варяжская улица. Почти век здесь живут варяги, выходцы из Хедебю, даны. Ближе всех к реке дворы купцов Вульфстана и Рольфа. Все лето живут они в Ладоге, а на зиму возвращаются к себе за море. За ними разбил свои шатры Торгрим. Он первый раз в Ладоге и еще не отстроился. Живут в Ладоге и другие варяги, свеи из Бирки. Построили они свои дворы на другом конце города, подальше от данов. Все у них вроде бы одно, и язык, и боги, и обычай. А вот поди ж ты, живут, как кошка с собакой. Где ни встретятся, там подерутся.

Вадим вспомнил, как прошлым летом на торгу поссорились два варяга. Один свей, из людей купца Хаварда, и дан, купец из Хедебю, Рольф. «Как же звали человека Хаварда? — Вадим постарался вспомнить тот случай получше. Перед ним, как живое встало лицо свей, пересеченное глубоким косым рубцом. Он обвинил Рольфа в плутовстве. Началась перебранка. Сбежались соплеменники того и другого. Вот тут-то Фудри (да, слугу Хаварда звали именно так) и крикнул, что у Рольфа большое сердце*. Рольф вскипел и пообещал наглецу на деле доказать, у

* Скандинавы считали, что у храброго человека сердце меньше, чем у труса.

кого сердце больше. А на следующее утро они встретились за городом, там, где сходились три дороги. О поединке знал весь город, зрителей было много, был там и Вадим. «Да, бой был славный! — восхищенно подумал юноша. — Вот с такими как Рольф не грех и мечи скрестить. Да что там грех — честь великая!» Долго звенели мечи, по два щита изрубили противники. Наконец Рольф свалил обидчика жестоким ударом. С тех пор у Фудри шрам через все лицо. По закону варяжскому Рольф мог добить врага, но Хавард выкупил жизнь слуги за три марки серебра. «Вот бы, — у Вадима даже дух захватило от дерзкой мечты, — уехал отец с братьями и дружиной в Киев, а на Ладогу напали бы варяги-находники. Ведь было же так лет десять назад.» Тогда бились ладожане со свейским конунгом Бьерном. «Даже Рагдай бился, — позабавился юноша, — а лет-то ему было, меньше, чем мне сейчас!» Вадим перестал грести. Он наяву увидел себя в кольчуге и шлеме. На сгибе левой руки тяжелый червлёный щит, закрывающий воина от плеча до колен. А в правой... В правой, мечта всей жизни, длинный слегка суживающийся к острию клинок. Широкое лезвие, с запавшими, точно от жажды, желобками дол. А почти у самой рукояти таинственный узор клейма неведомого мастера. Эти клинки привозят в Ладогу даны из Хедебю. Сами же они покупают их у фризов* из Дорештадта*, а те вывозят из их страны франков*, откуда в землю фризов течет большая река. Там среди густых хвойных лесов, в неведомой стране, где люди ростом не выше колена взрослого мужчины, и куют карлики эти великолепные клинки. Они так остры, что если опустить меч в реку, он без труда разрежет мокрую шерсть, плывущую по течению. И вот такой клинок в руке у Вадима! Да с ним ему не страшны ни черные болгары, ни варяги, да никто на свете!

Крупная рыбина шлепнула хвостом под самым бортом, обдав Вадима теплыми брызгами. Видение исчезло. Он быстро схватился за острогу, но исчезла и рыба. Только старик Волхов негромко плескался в борта, посмеиваясь: «Ишь разошелся вояка.» Лунная дорожка слегка серебрила воду и терялась в камышах в тени крутого правого берега. Густой лес подступал здесь к самому обрыву. Оттуда, из его мрачной глубины, долетали непонятные шорохи, вздохи, потрескивания, словно кто-то неприкаянный бродил там. На ум сразу пришли рассказы бабки Улеи о лесном хозяине — лешем, о навях* —

мертвецах, выходящих из могил, о волках-оборотнях и о самом повелителе зла — Чернобоге*. Теплая ночь сразу сделалась чужой и неуютной, а рука сама собой потянулась к груди. Здесь на шелковом шнурке висела ладанка с завернутым в чистую холстину корнем одолень-травы. Эту ладанку еще при рождении надел Вадиму Радимир, жрец Велеса. Знал он приговоры и травы разные, умел лечить людей и животных, а Вадиму доводился двоюродным дедом по матери.

«И чего это я, — Вадим облегченно отпустил оберег, — ведь не маленький уже. Да и не в лесу я, а на реке», — продолжал он успокаивать себя, внимательно вглядываясь в темноту. Вот справа, в камышах, что-то блеснуло в обманчивом лунном свете. «Может, валун мокрый? А может?..» Сказывала бабка Улея, что вилы, речные девы, любят нежиться при лунном свете. Выбираются на мокрые камни и чешут свои густые, зеленые волосы. А кто увидит их, так и пленится русальей красой. Да так, что ни одна земная красавица не будет мила. Будет человек вспоминать чудесную ту красу, будет чахнуть и сохнуть, словно надломленная ветка. Сила вся уйдет, как вода в песок, и сгинет человек в одночасье. Снова между лопаток забегали холодные мурашки, а любопытство жарко зашептало прямо в ухо: «Что же в ней такого особого в русальей красе?» А ты подкрадись, да погляди», — подначило озорство. Вадим сделал несколько гребков, бесшумно разрезая воду веслом. Стена комышей стала ближе. «Ты что?! — запротестовала, голосом Рагдая, молчавшая до сих пор рассудительность. — А как же сила богатырская? Сеча с находниками? Вот бы отец дал тебе на орехи!» Вадим перестал грести. «Обо всем подумал, а о Гориславе забыл?» — укорило его что-то новое, робко шевельнувшееся в сердце. Вадим виновато оглянулся: «Не видал ли кто?» — и быстро продолжил путь. Только камыши тихо шуршали за спиной: «Зачахнешь... засохнешь... в песок...»

Течение реки стало сильней. Здесь Волхов, зажатый в тиски берегов, делал поворот. На левом берегу, над Подолом, поросшим светлыми лиственными рощами возвышалась Велеша. Здесь среди вековых деревьев на широкой поляне находилось святилище Велеса. А на другом берегу, там где в Волхов впадает Любша, темнели крыши чудского поселка. Тут чужь* устроила перевоз, а в темном любшином омуте водилось много рыбы. Если удачно

мстнуть невод, за один раз можно наполнить челн живым серебром, а острогой можно достать и зубастую щуку, и усатого сома, поднимающегося из мрачной глубины. Там в этой черной глубине живет дед Водяник, хозяин омута. Иногда он хватает рыбачий невод, играет с рыбаком, точно силой меряется. Ну а если обидит его чем рыбаки или не по нраву придется, может и невод порвать, а может и челн перевернуть. Тогда берегись! Только пращур-заступник спасет от гибельного водоворота. Вадим вывел челн на средину омута. Возиться с неводом не хотелось. Острога дело другое. Здесь все зависит не от везенья и удачи, а от верности глаза, твердости руки, да и силенка кое-какая нужна. «Хорошо бы добыть сома, — подумал Вадим, — ведь вот добыл Ноздреча весной сома длинной в полторы сажени. Не сом, а твое дубовое бревно. Что с того, что полдня таскал Ноздречу на бечеве. Так ведь он справился, и я бы справился. Вот тогда бы отец понял, что и меня надо в Киев взять!»

Небо на восходе слегка просветлело. Звезды одна за другой стали бледнеть и гаснуть, а из оврагов и урочищ поползли языки тумана. Вдруг негромкий всплеск в камышах насторожил Вадима. «Может, щука устроила там засаду?» Он стал осторожно подгребать к водяным зарослям. Сквозь молочную пелену тумана и частую сетку стеблей что-то неясное маячило над водой. Вадим крепче сжал острогу в правой руке. «Если щука, то я такой огромной не видел! Справлюсь ли?» — закралось в душу сомнение. Когда до нее оставалось сажень пять, она резко выпрыгнула из воды и, блеснув влажным боком, ушла в глубину. Вадим метнул острогу. Трезубец с деревянным стуком вошел в тело и вместе с ним скрылся под водой.

Тремя резкими гребками Вадим вывел челн к тому месту, где расходились круги и бечева уходила в воду. Это было небольшое окно среди камыша и остролиста. С усилием юноша потянул бечеву на себя. Она не поддавалась. Неожиданно взгляд Вадима упал на кромку травы. Туго завязанная, кожаная ладанка плавала у самых стеблей. Порыв ветра качнул юношу, а когда он распрямился, то вскрикнул от ужаса. Из самой гущи камыша на него смотрели горевшие злобой глаза, а зеленые руки тянулись к нему.

— Чур меня! Чур! — Вадим схватил весло и что было сил погнал лодку прочь, часто оглядываясь назад.

Горислава открыла глаза. Серебряный луч падал на пол через узкое волоковое оконце. В ложнице*, срубленной из ровных сосновых бревен, стоял легкий запах смолы. Широкая лавка у противоположной стены была пуста. А совсем недавно там спала Улита. Хоть и была она на пять лет старше Гориславы, однако секретов от сестры не держала. Порой они засиживались до утра, поверяя друг другу свои девичьи тайны. Но в прошлом месяце отец, старейшина Гостомысл, выдал ее замуж за Пленко, ладожского купца. Пленко не нравился Гориславе. Он был приземистый, коренастый, с широкой бородой-лопатой. Его хитрые глаза были глубоко посажены, а кустистые брови почти закрывали их, особенно когда он улыбался. А улыбался и смеялся он часто, словно и не купец был, а скоморох. «И что только нашла в нем Улита? — Горислава не понимала сестру. Для нее Пленко был стариком, ведь ему было тридцать лет. И к тому же он всегда потешался над Гориславой. «Будто я дите малое, — обидчиво думала девушка, — а ведь мне уже пятнадцать!»

Она проворно соскочила с лавки и на цыпочках прошла в угол. Здесь над широкой кадушкой с водой в стену был вбит кованый светец. Девушка вставила в него ровную щепку и зажгла ее. Хорошо высушенная липовая лучина горела высоким ровным пламенем, почти не давая дыма. Горислава склонилась над черным кругом воды. Оттуда на нее глянули большие, широко раскрытые темные глаза, в которых плясали лукавые огоньки. В уголках губ притаились смешинки. Маленький нос был задорно вздернут. «Какое же я дите, уже невеста! — девушка озорно взъерошила копну густых, русых волос и шлепнула по воде ладошкой. Мокрой рукой она потушила лучину и вернулась в постель. «Невеста, — еще раз мечтательно произнесла она, натягивая на колени одеяло из пестрых рысьих шкур. Звериный мех приятно ласкал кожу. Горислава закрыла глаза. За окном легкий ветерок шелестел листьями молодой березы во дворе. Где-то в углу, за печью, цвиркал сверчок. «Завтра надо поговорить с Улитой, — решила девушка, сворачиваясь калачиком, — пусть тятенька отпустит меня к ней на ночь».

А поговорить им было о чем. Горислава не видела сестру больше недели. После свадьбы Улита переехала в усадьбу Пленко, на другой конец Ладоги, почти к самому

Полю. Первые дни ей было не до Гориславы. И хотя младшую разбирало любопытство, она не докучала сестре расспросами. Но теперь, после того, что случилось в ночь на Купалью, Горислава не могла держать в себе свою тайну...

Стояла макушка лета. Колдовской месяц червень* вступил в свои права. Молодая ярь на полях начала колоситься, овцы ждали новой стрижки, а дурманивший сиреневый цвет стал опадать, когда ладожане, отложив в сторону дела, устремились на Велешу.

Солнцеворот* всегда событие. Многие судьбы решаются в этот день. И не только людские. Грозные силы, управляющие этим миром, вступают в извечный спор. Страшные силы, те, которые нельзя даже назвать, и светлый сын неба, Дажьбог*, готовятся к схватке. Победит Дажьбог, и благодатный солнечный свет согреет землю. Хлебные колосья нальются спелым зерном, новый приплод дадут стада. А нет, Силы тьмы завладеют миром и воцарится Вечная Ночь. Черный холод, ледяной мрак и предвечный ужас вернутся на землю. Солнцеворот это рубеж. Многие судьбы решаются в этот день. Вот и спешат ладожане на Велешу, чтобы помочь светлому сыну Сварога*. Недаром называют словен* дажьбожьи внуки.

А на Велеше уже глухо рокотали барабаны, протяжно пели флейты. На поляне перед старым капищем* выстраивались лучшие ладожские бойцы. Были среди них дружинники Ратибора, уже поседевшие в походах кмети* во главе с князем, и безусые отроки* из молодой дружины. А вокруг поляны собралась вся Ладога от мала до велика. Приехали с семьями и пахари из окрестных деревень. Все в праздничных одеждах. Каждый понимал важность происходящего. В толпе вместе с Зарянкой, дочерью купца Данислава, стояла и Горислава. В белой нарядной рубаше с широкими рукавами, перехваченными выше локтя черненными серебряными браслетами. Никогда она не чувствовала себя так тревожно. Ведь сегодня ей предстояло впервые танцевать русалий танец*. Но вот запели боевые рога, и воины двинулись навстречу друг другу. Чаше и тревожней забили барабаны. С грохотом столкнулись червленые щиты. Зазвенели над поляной клинки, высекая колючие, злые искры, словно и не танец это был, а настоящая сеча. Как только начался танец, тревога Гориславы разом прошла, но взамен пришел лип-

кий страх. Среди танцующих девушка узнала сыновей Ратибора — Рагдая, Ратмира и Вадима. В последнее время Горислава все чаще заглядывалась на младшего княжича. И все чаще не узнавала его. А ведь росли они вместе, хоть и был Вадим на год старше ее. Усадьбы их отцов стояли рядом, и еще в детстве дразнили их женихом и невестой. Горислава тогда только презрительно фыркала. Вот еще жених! Исцарапанный, с разодранной коленкой, в рваной рубаше и с вечно нечесанными вихрами, ну какой из Вадимиши жених!?

Жених это когда алый или лазоревый шелковый плащ с куньим подбоем. Высокая соболья шапка. Пояс с серебряными бляшками. Витая золотая гривна* на шее. Вот это — жених! Ведь Горислава не дочь какого-нибудь простого родовича, а любимая дочь ладожского старейшины*. Но с Вадимом было весело ходить в лес, доставать орехи из беличьих кладовок, собирать грибы и ягоды, бегать взапуски или играть в горелки. А как жутко и захватывающе было слушать по вечерам его рассказы про навий, леших и домовых. Горислава грустно улыбнулась: «Теперь всего этого не будет!» Ей вдруг мучительно захотелось вернуть тот день, когда в лесу их застигла страшная гроза. Владыка Перун* одну за другой метал свои стрелы, в громовых раскатах небо было готово обрушиться на землю, тугие струи ливня хлестали по листьям. А она ничего не замечала. Вадим прижал ее к своей груди, укрыв плащом. И Горислава с жадностью впитывала частые удары его сердца, тепло дыхания на своих волосах, уже по-мужски крепкие руки.

Горислава вскрикнула и закусила нижнюю губу. Здоровый парень Некрас, сын старухи-ведуньи, который танцевал напротив Вадима, сделал резкий выпад вперед. Его меч рассек Вадиму левое плечо. Белая рубаша на плече сразу потемнела от крови. Вадим побледнел, но из круга не вышел. «У-у, вошь рогатая! — ругала Горислава про себя Некраса, — и зачем только князь Ратибор взял его к себе в дружину! Болдырь* несчастный! Не научился с мечом обращаться, а туда же, в дружину захотел! Гнать его оттуда надо! Болдырь он и есть болдырь, толку с него не будет!» Горислава с нарастающим нетерпением и тревогой следила за танцем. «Ну когда же конец, — торопила она, — скорей, скорей!»

Но вот снова запели рога, воины покинули поляну, и народ повалил в огороженное низким земляным валом,

выложенным поверху камнями, капище. Здесь в самом центре были врыты в землю два крепких дубовых ствола, с развилками на концах. В этих развилках лежало еще одно дубовое бревно с углублением посередине. В углубление был вставлен березовый ствол, заостренный с обоих концов. Нижний острый конец его упирался в хорошо высохший березовый чурбак. Примерно посередине березовый ствол был захлестнут крепкой веревкой, которую с разных сторон удерживало по шесть волхвов* в длинных белых одеждах. Радимир, главный жрец капища, дал знак и снова глухо ухнули барабаны. Волхвы в такт ударам разом потянули за веревку. Березовый ствол скрипнул и повернулся раз, потом другой, вращаясь все быстрее и быстрее, в такт ударам барабанов.

Когда народ повалил в капище, Горислава попыталась пробиться к Вадиму, но плотный людской поток подхватил, закружил ее, увлекая за собой. Она оглядывалась по сторонам, но Вадима нигде не было видно. Зато Некрас неожиданно оказался рядом и пристально взглянул на девушку. Что-то дикое, звериное почудилось Гориславе в его взгляде. Она отвернулась и плюнула в сердцах: «Надо же! Как нарочно лезет в глаза! Вот противная рожа, ненавижу!» Зарянка схватила Гориславу за руку:

— Пойдем! Скоро уже и наш черед.

— Ты Вадима не видела? — обернулась она к подруге. — Знаешь, ты постой здесь, а мне надо... я сейчас...

Зарянка понимающе улыбнулась:

— Ну куда тебе надо, про то уж почитай вся Ладога знает...

— Как? — вспыхнула Горислава. — Откуда?

— Да мне брат сказывал, будто у вас с Вадимшей уже и свадьба на зиму сговорена, — простодушно пожалла плечами Зарянка. — Ну а если б и не сказывал, так я тоже не слепая. Сама видела как ты сейчас с Вадима глаз не спустила.

— У твоего Пленко не язык, а помело! — возмутилась Горислава. — И ничего у нас не сговорено! И вообще я Вадима уже давно не видела!

— Ну не сговорено, так сговорится, — рассудила Зарянка, — какое наше дело молодое. — Она обняла подругу и повела чуть подталкивая в спину. — Не бойся за него. Ранка не глубокая. Так просто. Царапина. Ну а до свадьбы и вовсе заживет.

Горислава облегченно улыбнулась.

— Зарянка, а давай зимой сыграем две свадьбы. Я с Вадимшей, а ты с Ратшой.

— Придумаешь тоже, — на этот раз смутилась Зарянка.

— Ай скромница! — рассмеялась Горислава. — Думаешь, я тоже слепая? — тормошила она подругу. — От скромницы до срамницы рукой подать!

— Да как у тебя язык то повернулся! — набросилась Зарянка на Гориславу. — Бесстыдница!

— Чего не скажешь в ночь на Купалью, — смеясь, отбивалась та от нее.

Волхвы вращали березовый ствол все быстрее и быстрее. Вот уже потянуло дымком и слабая серая струйка показалась над чурбаком. Вот дым стал гуще и плотней. А вот уже в лунке замигал красный глаз огня-сварожича. Радимир торжественно поднял над головой необмолоченный сноп прошлогодней ржи и положил его на тлеющий чурбак. Сухая солома затрещала и ярко вспыхнула. «Сварогу слава! Дажьбогу слава! — грянул многоголосый клич над поляной. «Слава! Слава! — зазвенело над роцшей. «Слава! Слава! — откликнулось на берегах Волхова. А на поляне, над которой сгущались сумерки уже пылал огромный костер. Вдруг словно стая сказочных птиц опустилась на поляну. Это ладожские красавицы повели русалий хоровод. Солнце победило мрак. Но для пахаря важен и дождь. Не даром ведь говорят: «Будет дождь, будет и рожь». Вот и накликают ладожские красавицы вил, чудесных птицедов, хозяек родников и колодцев. Ведет хоровод Любава, дочь князя Ратибора. А за ней, словно белые лебеди, vyplывают дочери Гостомысла, Умила и Улита. Горислава впервые участвовала в русальем танце. Румянец не сходил с ее лица. Руки сами собой взлетали и опускались, ноги сами несли в ритме танца, то в хороводе красавиц, то навстречу подруге Зарянке. А глаза лихорадочно искали Вадима. Но то ли танец был слишком быстр и лица окружающих сливались в одну бесконечную полосу, то ли сумерки очень быстро опускались на поляну, Горислава никак не могла найти его. «А может, он вовсе не пришел? — кольнула ее обидная мысль. — Нет, нет, — отогнала ее Горислава, — наверное, рана очень серьезная! Ну когда же кончится этот танец!»

Музыка неожиданно смолкла, и поляна опять заполнилась народом. Но теперь это была только молодежь. Кто-то схватил Гориславу за руку и она закружилась в

стремительном хороводе. Крутом на всех лесных полянах, треща пылали волшебные костры. Отовсюду доносились песни и смех. Парни и девушки прыгали через костры. Чем выше прыжок, тем выше рожь. Где-то у реки катились в воду горящие колеса. Вот в костер полетело чучело Мары* с конским черепом вместо головы. Девиный визг, плеск воды, пение, смех, рокот барабанов и звон бубнов, ветви деревьев, лица людей, оскаленные конские черепа, пламя костров, звезды на темном небе, все смешалось перед Гориславой. А может колдовская ночь вступила в свои права? Что-то страстное зашептали деревья, переплетая свои ветви, словно руки. Томные вздохи неслись отовсюду. Земля замерла в сладострастном ожидании победителя-жениха. Каждый листок, каждая травинка, все живое трепетало в предчувствии любви. Горислава остановилась на краю поляны. Голова шла кругом. Было трудно дышать. Казалось, огонь волшебных костров разлился по ее жилам. Лицо горело. Тело дрожало. Липкая духота обволокла девушку. Губы запеклись, словно в лихорадке.

— Пей, — откуда-то издалека донесся до нее знакомый голос, и деревянный ковш поднесли ко рту. Горислава отпила и зашлась в приступе кашля. Чьи-то настойчивые руки заставили ее допить до дна. Мед сладкой истомой растекался по телу, горячими иголочками покалывал пальцы, жаркими волнами ударял в голову. Ноги подкосились, и Горислава медленно опустилась на траву. Перед самыми глазами стояла красновишневая трава Улик, с головой кувшинцами и листьями-лапками. Живым желтым шелком цвел ее рот-соцветие, словно хотел поведать о любви запретной. Чье-то лицо склонилось над Гориславой, и она с ужасом узнала хищный оскал Некраса Болдыря. Хотела крикнуть, но сил не было. Руки и ноги не слушались. Она слабо застонала. Некрас ухмыльнулся по-волчьи, подхватил ее на руки и понес в самую чащу леса.

Какая-то чужая неведомая сила сковала Гориславу. Она не могла пошевелить даже пальцем и только мысли стремительно, в бешеной скачке, проносились в голове: «Болдырь! Выродок! У него мать колдунья. Куда он меня несет? Родился без отца... Что же мне делать? Что это? Будто деревья за нами смыкаются... Хоть бы встретить кого! Тятенька родненький спаси! Где я? Где я?! Могу-чий воин, владыка небесный, светлый Дажьбог помоги,

защити, спаси, оборони! Мать Мокошь, заступница всех дев, грозная в гневе, не дай мне погибнуть! Вадимша, любимый мой, где ты? Найди меня!»

Вдруг Некрас остановился, берсжно посадил Гориславу на траву, прислонив спиной к стволу дерева. Они были на небольшой полянке посреди леса. Слабые звезды едва освещали ее. Но какой-то другой, таинственный свет разливался вокруг. Некрас нагнулся к Гориславе и жарко зашептал ей в ухо:

— Смотри! Вот цветок травы переступень*! Только я знаю, как добыть ее корень. Мне мать сказывала. А кто завладеет этим корнем, того ни меч, ни стрела не возьмет. Все клады, серебро, золото, камни драгоценные, все укажет корень этот! А хочешь увидеть что было, что будет? Слово заветное скажи, все перед тобой откроется!

Горислава заворуженно смотрела на сказочный цветок. Посреди поляны, на маленьком холмике, в окружении больших листьев, растопыренных как паучьи лапы, покачивался зеленовато-бледный бутон. Мягкий призрачный свет словно пульсировал в его лепестках. Глаза Гориславы расширились от ужаса. Вспомнила она, что вырастает переступень только из трупов младенцев невинных.

— Как нашел ты его? — еле выговорила она.

Оскал Некраса стал еще отвратительней:

— Матери спасибо! Она у меня на такие дела мастерица, — еще жарче зашептал он, все ближе придвигаясь к Гориславе — Думаешь, я у нее один был? Двое нас родилось — я да сестра. Вот она и лежит здесь! — Горислава вскрикнула от отвращения и страха, и отвернулась от него.

— Что не правлюсь? Рожу-то воротишь, — Некрас схватил девушку за подбородок и резко повернул лицом к себе. — Ничего, вот отведаешь корня переступень-травы, по другому запоешь! Так приворожу, до самой смерти меня любить будешь!

— Некрасушка! Миленький! Не делай этого, — всхлипнула Горислава. — Я тятеньке скажу, он для тебя все что хочешь сделает! Ну пожалуйста! Ведь обручена я уже...

— Забуди! — выверился на нее Болдырь. — Думаешь, не видел я, как ты весь вечер на Вадимку, княжого ублюдка, пялилась? Дай срок, вот уедет Ратибор, я с ним...

— Сам ты ублюдок! Болдырь! Выродок поганый! —

кинулась на него Горислава, откуда только силы взялись. Все норовила ногтями попасть в ненавистные глаза. Некрас зарычал, отрывая ее от окровавленного лица.

— Ах ты сука! — его тяжелый кулак обрушился на голову Гориславы.

Девушка упала.

— Остынь, — засопел он, наклоняясь над ней, — никуда от меня не денешься. Все равно как я сказал, так и будет!

В голове у Гориславы все звенело. Разноцветные круги плыли перед глазами. Тупая боль волнами прилиwała к вискам. Она с трудом оперлась на локти и села. Около цветка маячила темная фигура Некраса. Он что-то бормотал, по-собачьи быстро разрывая землю руками. Вдруг болотной выпью закричал корень-переступень. А в ответ лес отозвался совиным хохотом лесной нежити. Горислава зажмурилась. Что-то скользкое прошуршало в траве, задев девушку холодной чешуей. Она вскрикнула, а перед ней уже Некрас стоит. В руке у него корень дивный, видом с человека, только вместо головы листьев пучок.

— Ешь и повторяй за мной, — надвинулся на нее Некрас. — Все что будет увидишь. Во все тайны проникнешь. Язык зверей и птиц будет ведом тебе, — а у самого в студенистых зрачках трепещет зародыш желания. — Познаешь любовь невиданную, неземную любовь, любовь вечную.

Закружилось все перед Гориславой, словно деревья пустились в хоровод. Видит она, будто и не в лесу уже, а на берегу реки стоит. Перед ней Вадим. Да одет как-то чудно, будто в дорогу собрался. На нем плащ шелковый, лазоревый. Шапка высокая, соболья. На шее гривна витая, красного золота. Протянула к нему руки Горислава: «Любый мой! Суженный! Где же был ты?» А Вадим в ответ: «Прощай, Гориславушка!» — и словно дальше, дальше все от нее. Закричала, застонала Горислава, заплакала. Открыла глаза, а Вадим над ней склонился:

— Не бойся, лада моя! Все прошло. Теперь я тебя в обиду никому не дам!

* * *

Час перед рассветом — особый. Ночь уже не в силах удержать наступающее утро, а солнце еще не взошло. Везде разлит густой, лиловый сумрак. Глубокий покой царит во всем. В этот час все засыпает. Переступая копы-

тами, в стойлах спят лошади. Спят коровы медленно двигая челюстями. Изредка поднимая чуткое ухо, спят собаки. Все спит в усадьбе. Сон окутал и близкий лес. Даже совы в этот час возвращаются в свои дупла. Скоро запоют петухи. А пока лишь нежить, посланцы подземного мира, неприкаянно бродят по земле.

Хавард настороженно прислушался. Где-то в подворье раз взлаяла собака, но потом умолкла. Он встал. В дверь тихонько постучали. Хавард снял меч, висевший на стене, и бесшумно вынул его из ножен. Мало ли кого принесет в такую ночь. Стук повторился. Купец на цыпочках подошел к двери.

— Кто там? — приглушенно спросил он.

— Это я, хозяин, — тихо ответили за дверью, — Фудри.

Хавард узнал голос слуги и стал отодвигать засовы. Дверь приоткрылась и слуга как тень скользнул внутрь. Заперев за ним дверь, Хавард зажег светильник. Фитиль потрескивая разгорелся и слабо осветил комнату. Из темноты выступила фигура Фудри. Был он невысок и коренаст. Мокрая и грязная одежда плотно облегала его тело. С плеч, из-за пояса свешивались космы зеленой тины. Тина была даже в бороде и волосах. А на том месте где он стоял успели натечь маленькие лужицы. Купец удивленно посмотрел на него.

— Что с тобой стряслось Фудри? Разве на улице дождь?

— Нет господин, но гроза близко.

— Ты же знаешь, я не люблю загадок! — недовольно поморщился Хавард.

— Говори толком, ты видел конунга? Что он сказал?

— Он сказал: «Завтра ночью».

— Сколько у него кораблей?

— Восемь.

— Он что-нибудь передал мне?

— Вот это, для нашего друга Гуннара, — Фудри протянул купцу мокрую ладанку.

— Так что же с тобой случилось? — спросил Хавард, развязывая сырой ремешок. На его ладони блеснула половинка дирхема. Пламя светильника тревожно подрагивало. На лице слуги, пересеченном глубоким шрамом, играли изменчивые тени. Казалось, он беззвучно хохочет.

— Я похож на никса*, хозяин? — Фудри и в самом деле улыбнулся.

— После того как Рольф раскроил твою рожу на две половинки, ты похож на самую старуху Хель*, — добродушно засмеялся Хавард. — Одна половина синяя, другая цвета мяса. И зачем я выкупил тогда твою дрянную жизнь, — в раздумье протянул купец. — Только для того, чтобы ты морочил мне голову?

При упоминании Рольфа, шрам на лице Фудри побавел.

— Проклятый дан! — он почти шипел от ярости. — Уж теперь-то я с ним рассчитаюсь! Завтра ночью он мне заплатит за все...

— Ну ладно, — прервал его хозяин, — что будет завтра — увидим. А сейчас все-таки расскажи мне, что с тобой случилось.

Фудри недовольно насупился и мрачно начал:

— Когда я возвращался от конунга, на реке был сильный туман. Там где словене поставили капище своим богам, я и встретил этого рыбака...

— Постой, — озабоченно воскликнул Хавард, — так тебя кто-то видел?

— Ну да, — невозмутимо продолжал Фудри, — рыбак, совсем еще мальчишка. Я заметил его первый и укрылся в камышах. А он за мной, видать что-то услышал. Ну я конечно лег на дно, думаю в тумане он меня не заметит. Но нет, глазастый оказался звереныш. Уже совсем ко мне подобрался, ну тогда я и перевернул челнок. — Фудри многозначительно замолчал.

— Так что же дальше? — заторопил его Хавард. — Он тебя видел? И ты отпустил его живым? Он узнал тебя? Кто это? Ну что ты молчишь как понь?

— Хозяин, так вы же сами мне снова вставить не дадите, — Фудри довольно улыбнулся и сделал долгую паузу. — Он видел меня, вот так, как я вас сейчас, — он снова сделал паузу, — и узнал!

— И ты не...?!

— Нет! Он ведь узнал во мне никса, — захохотал Фудри. — Я весь с ног до головы был облеплен тиной. Видели бы вы как он припустил оттуда. Вот была потеха.

— Умеешь ты вывернуться, Фудри, — Хавард облегченно улыбнулся, — недаром тебя прозвали Лисой. А сейчас ступай приведи себя в порядок, а потом зайди к хевдингу и передай, что я просил его зайти по очень важному делу.

Когда Фудри вышел, Хавард подошел к окну. Уже рас-

свело. Он потушил светильник и с удовольствием умылся. «Надо сбить спесь с этого гусака, — улыбнулся купец, вытирая мокрое лицо. — Если конунг положил глаз на его сестрицу, это не значит, что ума у Гуннара от этого прибавилось. В конце концов именно мне конунг доверил это дело, — Хавард тщательно расчесал свои густые, каштановые с проседью волосы, — а не своему будущему родичу. Конунг знает, где нужна хитрость, а где можно обойтись одной силой.» Размышляя так, Хавард подпоясал свою длинную куртку из дорогого фризского сукна широким поясом. Пояс был отделан круглыми серебряными бляшками с прихотливой насечкой. К нему на тонкой цепочке были подвешены ножны, с отличным франкским ножом. «Да, наш конунг далеко пойдет, — Хавард набросил на плечи длинный, синий плащ и заколол его на плече большой овальной фибулой*, — он гораздо умнее своего старшего брата. И знает то, чего хочет. А это пожалуй главное».

В дверь громко и властно постучали. На пороге стоял высокий, широкоплечий воин в кожаной куртке и алом плаще, подбитом куньим мехом. Длинный меч в оправленных серебром ножнах был пристегнут у левого бока. Его холодные, голубые глаза надменно смотрели перед собой.

— Зачем ты звал меня, Норвежец?

— Мой отец был норвежцем, а я родился в Упланде, — поправил его Хавард и протянул ему половинку дирхема. Гуннар поднял на него удивленные глаза и взял монету. Откуда-то из складок плаща он достал другую половинку и сложил их вместе. Они сошлись.

— Тебя послал конунг Олав?

— Да, славнейший из хсвдингов, — Хавард снисходительно взглянул на воина и жестом предложил ему сесть. Гуннар, все еще удивленно глядя на купца, опустился с ним рядом на широкую лавку.

— Почему ты не сказал мне об этом раньше, Хавард?

— Тогда было не время.

— А сейчас?

— А сейчас время. Завтра ночью Альдегьоборг* должен быть наш — так сказал конунг Олав.

— Но у меня всего лишь четыре дюжины воинов, — Гуннар озабоченно нахмурил лоб, — что я могу с ним сделать?

— Прибавь к ним три дюжины моих, — Хавард хитро

улыбнулся. Ему нравилась растерянность тугодумного хевдинга: «Вот набычил шею, словно бодаться собрался — не зря его прозвали Гуннар Бык. И такой же как бык глупый.»

— Но этого все равно будет мало, — Гуннар протестующе поднял руку. — Только у купцов из Хедебю здесь восемь кораблей, — стал медленно считать он, — а это почти две сотни бойцов. Да еще Радеботт из Арконы привел три корабля. А в Гестевальде стоит арабский караван. Арабы просто так не отдадут свое добро. Я уж не говорю о словенах, нам не справиться с дружиной князя Ратибора!

— Пусть это не беспокоит славного хевдинга, — купец насмешливо поглядел на Гуннара, дразнить этого верзилу доставляло ему удовольствие. — Успех зависит не от числа воинов, а от счастья конунга.

— Ты смеешься надо мной, Норвежец! — Гуннар резко встал со скамьи. До него стал доходить смысл насмешки Хаварда и его рука тяжело легла на рукоять меча.

— Нисколько, Гуннар, сын Орма, — сказал купец примирительно, — просто я забыл сказать, что в устье Олкога* стоят пять кораблей конунга Олава и еще три корабля хевдинга Эйрика и его брата Свейна из Упсалы*. Я думаю на них найдется место и для пятисот храбрых воинов, и для богатой добычи. К тому же князь Ратибор сегодня с дружиной отплывает в Киев.

* * *

Розовый край солнца показался над зубчатыми верхушками сосен. И сразу же все преобразилось. Замшелые острые камни, с длинными хвостами белой пены вокруг, заблестели своими мокрыми боками. А столбы водяной пыли, в реве и грохоте поднимающиеся от порогов, превратились в мост. Разноцветный, полосатый словно бухарский халат, радужный мост, крутой дугой перекинулся с берега на берег, рассерженной реки. Глядя на него, Абд-аль-Керим улыбнулся, поглаживая огненно-рыжую, крашенную хной бороду. Все! Вот теперь можно и вздохнуть свободно. Последняя преграда, пороги, остались позади. А сколько таких преград и опасностей пришлось преодолеть ему, честному купцу из Рея, знает только великий Аллах! Разве сможет кто-нибудь из мудрецов-географов, пусть даже и достопочтенный Ибн-Хордад-бех*, описать в своих книгах весь этот тяжелый грех-

месячный путь, почти что на край земли. У них все просто — «Золотые луга», «Книга драгоценных сокровищ». А как они достаются эти «драгоценные сокровища», знают ли ученые мужи? Знают ли они, что такое трехдневный шторм в Джурданском море*? Когда волны, огромные как горы, со всех сторон обрушиваются на корабль, каждый миг грозя затопить его. Когда страшный ветер в клочья рвет паруса и выкорчевывает крепкие мачты словно тонкие былинки. Когда от непрерывной качки, которая бросает корабль то к самому небу, то в бездонную пучину, люди не могут пошевелить ни ногой, ни рукой, а внутренности их выворачивает наружу — вот когда можно по достоинству оценить то, что добыл с таким трудом!

А ведь это было не самое страшное. В конце концов все в этом мире от Аллаха и никто не знает на кого падет его гнев. Страшнее было то, что шторм прибил корабли Абд-аль-Керима к опасному берегу. Этот берег заселяли племена диких и воинственных разбойников-туркмен. Причалить к нему верная смерть! Только мужество славного воина Абу-Аруса спасло их тогда. А знают ли эти премудрые мужи, что такое страшное, обжигающее дыхание Черных песков? Которое как яд кобры иссушает даже кровь человека. Оно несет с собой мучительную жажду, от нее чернеют и трескаются губы, а язык распухает во рту и мешает дышать. Это дыхание сводит людей с ума и они за глоток воды готовы пересгрызть друг другу горло. В этот раз только безграничная милость Аллаха спасла их от неминуемой смерти. Много чего не знают мудрецы-географы, описывающие страны и народы, не покидая благоуханной прохлады дворцов Багдада и Дамаска.

Разве могут они знать, как обливается кровью сердце честного купца, когда в Итиле он должен расстаться с десятой частью всех своих товаров. Однако дело не ограничивается только пошлиной Великому Кагану. В Итиле огромное множество чиновников, от которых очень многое зависит в жизни купца. Где разместить караван, как определить размер пошлины, когда дать разрешение на выход из города, отправить ли с караваном проводников, снабдить ли его продовольствием — все это решает не Каган, а его слуги. Поэтому очень много золота прилипает к их жадным лапам. Зато золото может открыть любые двери и сделать из самого придиричивого чиновника,

очень любезного человека. Абд-аль-Керим хорошо знает, как эти маленькие блестящие кружочки в один миг могут растопить ледяное высокомерие любого из них. Впрочем в этом все чиновники одинаковы, что в Хазарии, что в Булгаре, что в родном, богоспасаемом халифате.

А вот разбойники, те дело другое. Есть просто шайки трусливого сброда, которые разбегаются при блеске вынутой из ножен сабли. Есть подобные диким зверям, которые невидимо крадутся по берегу вслед за караваном. Они могут ничем не выдавать своего присутствия в течении нескольких дней, а потом внезапно напасть на стоянке. Но такие очень быстро бегут, если встречают сопротивление. Однако есть и другие, которые действуют как настоящие военные отряды. Именно эти наиболее опасны. Лишь неопытный купец может отважиться путешествовать в таких местах без хорошего отряда воинов. Но Абд-аль-Керим в своем деле не новичок. В каких только уголках не побывал он за свои пятьдесят лет, чего только не видел. Такого не придумать ни одному ученому мужу. В далекие края ходил Абд-аль-Керим, но и там не ушел от старости. Вот уже и в подкрашенной хной бороде стало появляться серебро седины. А некогда стройная, мускулистая фигура располнела и раздалась вширь. Трудно стало одному управляться с товарами. Ведь кругом плуты и мошенники. За всем нужен глаз да глаз.

Этот караван у Абд-аль-Керима последний. Давно пора на покой. Много он повидал на своем веку невзгод и опасностей. Но в конце пути его ждало счастье. Ведь что такое купеческое счастье? Это когда все те товары, которые привез он сюда превратятся в пушистые волны меха, упругую сталь франкских клинков, драгоценный желтоватый рыбий зуб*, стройных белокожих рабынь с печальными голубыми глазами. А потом на рынках Рея, Багдада, Дамаска все это обернется звонкими серебряными дирхемами, полновесными золотыми денариями*, превратится в целую гору денег. Вот когда можно будет подумать и об отдыхе, предаться сладкой неге в зеленой тени сада. Там где благозвучно журчат струи фонтана. Там где прекрасные рабыни подают фрукты и щербет. Там где гибкие и томные тела танцовщиц дают усладу глазам.

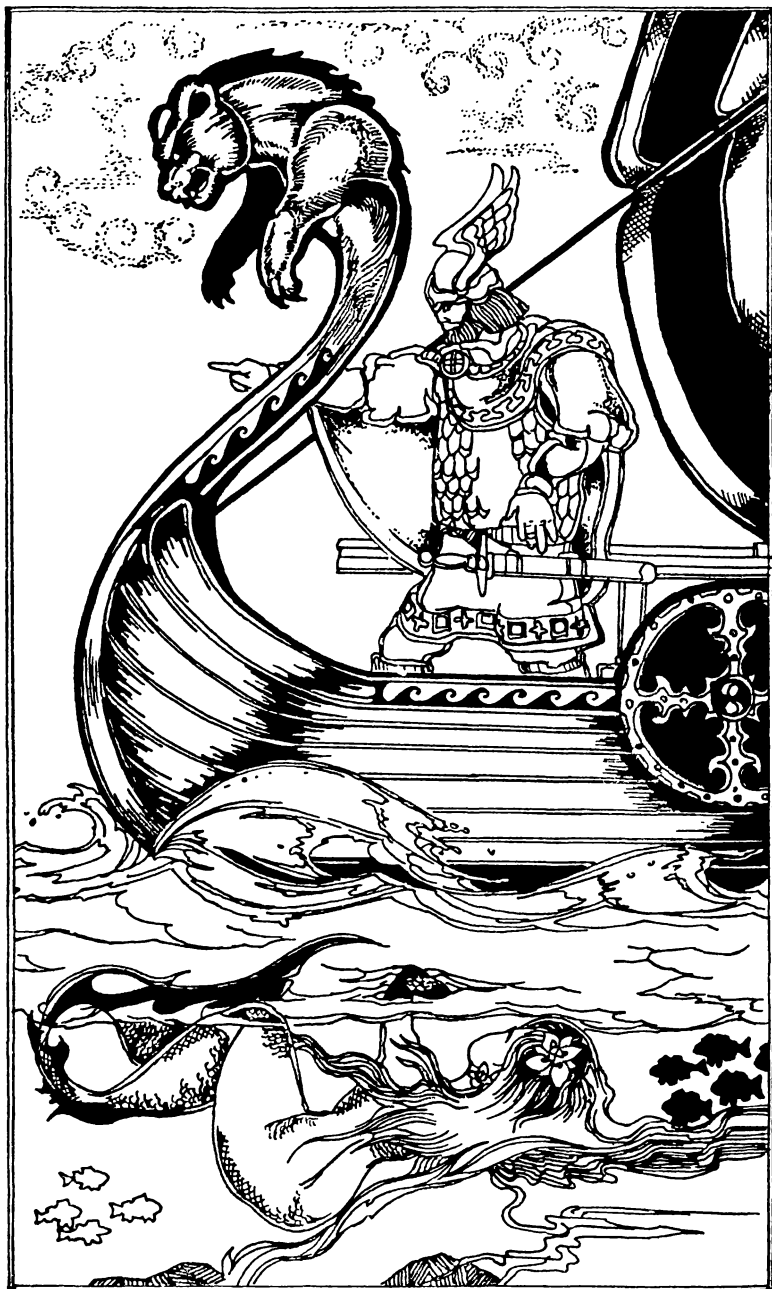
Абд-аль-Керим мечтательно улыбался, стоя у борта. Высокие форштевни кораблей, полных его товарами,

легко резали слабую волну. Большие полотнища парусов были туго скатаны на реях. Могучая река без труда несла на себе неуклюжие тела судов. Несла туда, где удачливого купца из Рея, Абд-аль-Керима ждало его счастье.

* * *

Слева, в редкой пелене тумана, раскинулась бурая равнина озера. Сейчас оно было спокойным и ровным. Но Олав знал по рассказам стариков, коварный его нрав. Частые и внезапные штормы, такие же сильные как на море, не одну мать заставили пролить слезы о сыновьях. Поэтому, еще вчера, как только корабли Олава вышли на его широкую гладь, конунг принес божеству озера испугательную жертву. Несмотря на молодость, Олав уважал чужих богов. Всегда лучше сделать их своими союзниками, чем врагами. Тем более в такой неприветливой земле.

Конунг стоял на носу своего корабля, там где на высоком форштевне была укреплена резная голова медведя с оскаленной пастью, и задумчиво смотрел на берег. Он низкой, пологой полосой темнел справа. Мрачные, разлапистые ели подходили здесь к самой воде. А за густым ельником раскинулись бескрайние болота, среди которых были разбросаны поселки диких охотничьих племен. Здесь Олав со своей дружиной легко мог собрать богатую дань. Но сейчас он думал о другом. Там впереди, где за острым мысом в озеро впадала большая река, начиналась сказочная страна — Гарды*. По всему Восточному морю* шла слава о ее богатстве. Купцы из разных стран каждое лето съезжались в город Альдегьоборг на торг. Здесь можно было купить все. и меха чернобурых лисиц и соболей, и моржовый клык, и прекрасные франкские мечи, и златотканную парчу и дорогие вина из Серкланда*, и знаменитые дамасские клинки, и арабские шелка, и загадочный желтый камень-янтарь, увеличивающий мужскую силу, и фризское сукно, и керамику из немецких земель, и золотые украшения, сделанные рукой искусного мастера где-нибудь в Миклагарде*. Здесь можно было купить и рабов, а если пожелаешь, то и прекрасных рабынь. Все можно купить на торге в Альдегьоборге, но куда легче взять. Взять по праву сильного. «Не зря отец повторял мне частенько: Трусость добывать торговлей то, что может быть приобретено кровью!» Олав

похлопал по темному, просмоленному борту и обратился к медвежьей голове на форштевне:

— Что, старый ворчун, ты помнишь моего отца, конунга, Бьерна*? Ты ведь ходил с ним в поход на словен. Узнаешь эти места?

Корабль чуть качнулся на слабой волне и медвежья голова согласно кивнула конунгу. Он оглянулся. Позади, вдоль берега, в тумане угадывались еще семь хищных силуэтов. На широкой палубе «Медведя» вокруг мачты, вповалку спали его дружинники. Вдоль бортов висели круглые щиты, обтянутые желтой и черной кожей. Эту ночь Олав дал своим воинам на отдых. Все знали, что она последняя. Последняя перед битвой. Следующей ночью если кто и заснет, так уже навечно. А пока все спали и только дозорные, широко зевая с завистью поглядывали на товарищей.

Вторую половину ночи на «Медведе» на страже стоял седоусый Агмунд. Ему давно уже перевалило за пятьдесят. Он был самым старым из дружинников Олава. Сейчас он стоял у правого борта, опершись на секиру, и что-то тихо бормотал себе под нос. Олав весело окликнул его:

— Что ты там бормочешь, Агмунд? Уж не увидал ли ты морскую ведьму? Я слышал в здешних краях обитает много колдунов.

— Морским ведьмам нужны такие молодцы как ты, конунг Олав, — улыбнулся Агмунд. — А с меня что им взять? — старик немного помолчал, а потом добавил. — Есть здесь и колдуны, недаром же словене зовут эту реку Олког-Волхов. Так они называют своих жрецов.

— А ты видел их? — с любопытством спросил Олав. — Какие они? Что умеют делать?

— У словен много богов, много и волхвов. Разные волхвы знают разное колдовство. Говорят самые сильные боги у словен, бог грозы и бог-хозяин подземного мира. Их волхвы могут поразить человека молнией или наслать ядовитых змей, но я сам такого не видел. Да и был я здесь только два раза, с твоим отцом, конунгом Бьерном.

— Агмунд, а ты давно знал моего отца?

— Да уж больше тридцати зим* прошло с тех пор, как он взял меня в свою дружину, — сказал старый воин, что-то подсчитывая в уме. — Я хорошо помню то время.

— Расскажи мне, как отец стал конунгом Бирки, — попросил Олав.

— Было мне в ту пору как раз восемнадцать зим, — издалека начал Агмунд. — Был я пятым сыном в семье моего отца. Он умер в тот год, а четверем старшим братьям и без меня было тесно в одале*. Вот и решил я податься в Бирку. Слава о твоём отце, конунге Бьерне, уже гремела в Упланде. Правда тогда он был ещё только морским конунгом*. Зато другого такого храбреца надо было поискать! — морщины на лбу Агмунда разгладились, он словно снова стал молодым. — Да, в то время никто не мог сравниться с твоим отцом. Что биться на мечах, что стрелять из лука, что плавать, что бегать, что бросать копье — ни в чём ему не было равных. Мало кто из хевдингов во всем Упланде мог соперничать с ним силой. Разве что Йон Большой Топор, но он был стар. Многие девушки из знатных родов Бирки отдали бы все за одну улыбку Бьерна, за один взгляд его голубых глаз. Но больше всего на свете Бьерн любил войну. Куда только он не водил нас на своём «Медведе». Его имя знали в любом уголке Восточного моря. Сам Браги Боддасон*, знаменитый скальд*, воспел его храбрость. Много сокровищ, красного золота добыл он в своих походах, но по-прежнему оставался морским конунгом, у которого много дружины, но совсем нет земли. Уж не знаю, что было бы дальше, если бы не встретил он прекрасную Рагнхильд, — старик немного помедлил и продолжал. — Даром что дочь простого бонда, а гордой была как королева. Вот тогда-то и сказал нам Бьерн: «Ну что, медвежата, достаточно мы повеселились, пора браться за дело!» Судьба была в тот год благосклонна к Бьерну. Страшный голод обрушился на Бирку и её бонды бросили своего конунга в колодезь. Удача же твоего отца была всем известна. Вот и пригласили они его к себе конунгом. Во многих походах бывал я, но страшней и славней тех не помню. Семь лет не выпускали мы меча из рук. Семь лет — битвы, кровь, пожары. Мало кто из медвежат дошел до конца. Но зато весь Упланд мы подчинили твоему отцу. Даже кичливые упсальские хевдинги признали его конунгом. Как раз в тот год ты и родился, — старый воин посмотрел на Олава, — брату твоему Анунду исполнилось семь зим.

— Но ведь я помню отец не прекратил свои походы на этом, — лицо Олава было сосредоточенным. — И после объединения Упланда он продолжал воевать.

— Да, твой отец был рожден для битвы и хотя любил

Рагнихильду, не мог оставаться рядом с ней больше года, — старый воин одобрительно хмыкнул. — Что говорить, это был настоящий мужчина. Три раза он водил нас на куршей. Три раза мы осаждали их крепости. Но все-таки он заставил их платить нам дань. Даже гордым словенам из Альдегьборга пришлось смириться с этим. Правда не долго это было, — лицо Агмунда посуровело. — Во всем виноваты эти проклятые даны! Но тогда, тогда они не смели противиться воле грозного конунга Бьерна Прихолмного. А теперь все не так... — старик вздохнул и замолчал.

Молчал и Олав. Тяжелая злоба мутной приливной волной медленно заполняла его душу. «Да теперь все не так, — он невольно сжал кулаки. — Тысячу раз прав старик, теперь все не так. Всего девять зим назад погиб отец и конунгом стал старший брат Анунд, а как же все изменилось! Словене уже и думать забыли о дани для нас. Курши платят дань датскому конунгу Хорику. Многие хевдинги в Упланде давно уже свысока смотрят на Бирку и в душе мечтают о собственных фюльках*. Анунд же словно не замечает ничего, шлет послов к данам, пытается помирить хевдингов. А от моих советов отмахивается, как от назойливых мух, — Олав зло усмехнулся. — Конечно! Он ведь конунг Бирки, будет он слушать простого викинга*, у которого кроме меча и верной дружины ничего нет. Но ты ошибаешься брат! Отец тоже начинал морским конунгом и еще не известно кому досталась его удача! Мы еще посмотрим кто из нас больше сын Бьерна!»

Взошло солнце. Туман стал постепенно редеть. Олав облокотился о борт дракара*. В зеленовато-прозрачной глубине, слабое прибрежное течение колыхало пряди пушистых водорослей. Облака словно запутавшись в них, отражались в воде. Речная трава своей пышностью напоминала Олаву волосы Вигдисы, сестры Гуннара Быка. Только у нее они были желтые, цвета густого меда. Перед тем как Гуннар отплыл в Альдегьборг, Олав посватался к Вигдисе. Гуннар ответил, что многие знатные люди хотят, чтобы Вигдиса стала хозяйкой в их усадьбе, но он, Гуннар, не прочь видеть своим родственником именно его, Олава. Правда, если Олав уговорит свою сестру, красавицу Хельгу, выйти замуж за него, Гуннара. Кроме того, расчетливый хевдинг оговорил особо, что обручение произойдет только после успешного возвращения из

земли словен. Да и сам Олав ждал многого от этого похода.

«Отдавать сестру за Гуннара или нет, я решу потом, когда вернусь, — думал Олав. — Слишком она хороша для хитромудрого хевдинга, но пока мне нужна его дружина. Добыча в Альдегьоборге обещает быть богатой. Я устрою такую свадьбу, какой давно не помнят в Бирке. Пусть люди видят, что я не какой-нибудь разбойник, а настоящий конунг, хотя пока и морской.» Однако как не старался Олав уверить себя, что добыча нужна ему для покрытия расходов на свадьбу, где-то в самом потаенном уголке души он мечтал о другом. Слава и добыча дадут ему возможность увеличить дружину. Слава и добыча покажут бондам Бирки, да и всего Упланда к кому из сыновей Бьерна перешла удача. И конечно золото поможет им сделать правильный выбор. Ну а брат... В конце концов он тоже мало заботился об Олавс. Да и Вигдиса, которая не в пример Гуннару умна и красива, достойна быть хозяйкой не одного двора, а всех свейских земель.

Ветер подернул рябью поверхность воды. Исчезли водоросли, исчезли облака. Сомнения скользкой змеей закрались в душу конунга. «Кто может знать свою судьбу наперед, если даже всеотец Один* не знает, когда затрубит рог Хеймдалля*? Что ждет нас в этой неприветливой стране? Слава? Смерть? Ах если бы светлые боги послали мне знак! Угоден ли я им?»

Внезапно ветер стих. Но вода у правого борта продолжала рябить. Со дна озера поднимались белые молочные пузыри. Они бесшумно лопались, выпуская облачка пара. Круги от них разбегались в разные стороны, дробясь и пересекаясь причудливой сетью. Олав с удивлением следил за необыкновенной картиной. Вдруг поверхность воды стала спокойной. В матовом зеркале озера отразился пологий берег, перевернутые валуны и ветви елей. И над всем этим, притягивая взор, колыхалась сверкающая белая фигура. Олав поднял глаза, но видение не исчезло. На берегу, прямо напротив конунга, у самой воды, стояла прекрасная дева. Волны золотых волос рассыпались по плечам. Большие голубые глаза смотрели сурово и властно. От всей ее фигуры, свободно опиравшейся на копье, исходил неземной холод. Никогда до этого Олав не робел с девушками. А сейчас почувствовал себя парнем-деревенщиной перед дочерью хевдинга. Он не мог произнести ни слова. И только раскрыв глаза смотрел на незна-

комку. Она протянула к нему руку и Олав услышал ее голос.

— Никто не избегнет воли рока, конунг Олав! Пока же рок твой удачен. Боги тебе даруют победу. Один любит твой род, род могучих Инглингов*. Но помни любимец Высокого*: боги не за все отмщают тотчас же!

— Кто ты, о прекрасная дева? — пробормотал Олав, заплетающимся языком. — Уж не во сне ли явилась ты мне?

— Я та, чьи глаза видят далеко. Имя мне Скульд*. А чтобы не думал ты, что я только сон, — суровая дева улыбнулась и вдруг оказалась рядом. — Возьми вот это, — Олав ощутил ее прикосновение, обжигающее как лед.

Она исчезла так же внезапно как и появилась. Откуда-то издаиска, словно эхо, долетел до конунга голос прекрасной валькирии*:

— Это принесет твоему роду удачу! Храни его и помни любимец могучих богов: своей судьбы не избежешь...

Еще долго Олав стоял, не в силах шевельнуться. Потом он будто очнувшись ото сна обернулся к старому Агмунду. Седой воин стоял у противоположного борта, опершись на секиру. Голова его свесилась на грудь. Он безмятежно дремал.

— Агмунд, ты что-нибудь видел? — Олав тряхнул его за плечо.

— Где? — Агмунд ошалело посмотрел по сторонам. — Кажется все спокойно. Не думаю чтобы в Альдегьоборге...

— Ты уснул стоя, как старый мерин в теплой конюшне! — сердито оборвал его конунг.

— Да, годы уже не те, — ответил тот виновато. — Вот когда был жив твой отец, Бьерн...

Олав нетерпеливо отвернулся. Над его головой раздалось громкое хлопанье крыльев. Олав и Агмунд разом посмотрели вверх. На вершину мачты, топорща перья, уселся старый ворон. Он внимательно осмотрел людей, каркнул, тяжело взлетел и скрылся среди ветвей огромной ели. Где-то в лесу завыл волк*. «Нет, это не сон, — подумал Олав, разжимая правую руку. На безымянном пальце блестел перстень с оскаленной медвежьей пастью.

— Счастливая примета, — Агмунд кивнул головой в сторону улетевшего ворона. — В этом походе ты будешь удачлив как твой отец, конунг Олав.

Широко и могуче катит свои воды Волхов от Ильмерь-озера* до озера Нево. А вокруг насколько хватает глаз раскинулись бескрайние леса. Светлые, пронизанные солнцем, сосновые, усталые опавшей хвоей и мягким мхом. Тенистые смешанные, где кроны деревьев сплошным шатром накрывают густой подлесок. Мрачные, заваленные буреломом, еловые. Ручьи и родники, реки и речушки густой сетью пронизывают эти леса. Бездонные, топкие болота над которыми стоит неумолчный комариный звон, притаились в их чащах. Здесь в этом краю, изобильном всяким зверьем, испокон веку жили охотничьи племена: чудь, водь, ижора, весь, меря*. Давным давно, так давно, что едва уж и припомнят древние старцы, пришли сюда предки словен. Пришли с закатной стороны. Приглянулась им эта земля. И расселились они вдоль озера. А называли его Ильмерь. Почему? Разное говорят. Одни, что в честь Илмеры, сестры вождя словенского. Другие, что будто местные племена называли озеро Иилма — вот и стало оно Ильмерем. А реку нарекли Волховом, так как с опаской смотрели словене на охотничьи племена, считали их знатоками разной волшбы. Были словене пахарями. Валили под пашню лес, корчевали корявые пни. Деревянной сохой рыхлили землю, удобренную горячим пеплом. Бросали в нее первые семена. Рубили дома и строили лодки. Били зверя и лесную птицу. В реках ловили рыбу. Не ласково встретили чужаков* хозяева здешних лесов. Случалось звон мечей и пение стрел вплетались в размеренный лесной шум. Бывало жаркое пламя пожирало жилища людей, а живая кровь орошала землю.

Но время шло, а Волхов по-прежнему нес свои мутные воды навстречу озеру Нево. А вместе с волнами перекатывалась по дну, цепляясь друг за дружку острыми краями, речная галька. Ширк, ширк, терлись камни острыми боками. Течет время, течет Волхов. Глядь, а уж нет острой гальки. Мягко накатится на берег волна и оставит на песке горсть гладких голышей. Так же и люди. Не могут они враждовать вечно. Не для того человек создан.

Отгорали костры вражды и на старых пепелищах ставили новые дома. Были словене народ мастеровой. Умели и хлеб растить и зерно молотить, и смолу курить и горшки лепить, и лен ткать и железо ковать. Многое от

них персняли местные племена, многому научили словен. В ту пору в лесах было много всякого зверья. А рыбы в рсках видимо невидимо. Стали понемногу торговать друг с другом. Раз нет войны, значит есть купцы. А купец он на то и купец, чтобы с котомкой не ходить. Товар распродать не один день надобен, да и не сложишь его посреди чиста поля, у ракитова куста. А от лихих людей не одному купцу защита нужна. Вот и стали рубить грады малые. Весь — Белозеро, меря — Ростов, кривичи* — Изборск да Смоленск*, а словене — Ладогу.

Если плыть из Нево-озера вверх по Волхову, то в дне пути, в том месте, где Ладожка впадает в Волхов и стоит Ладога. На крутом мысу по земляному валу вбит крепкий дубовый тын. Ров, прокопанный от Ладожки до Волхова, отделяет крепость от Посада. Там усадьба князя, дворы старейшин, клети с общинным запасом. Там и защита в лихую годину. На другом берегу Ладожки, напротив крепости, Варяжская улица*. Здесь расселились даны-купцы, выходцы из Хедебю. Но купцы народ наезжий, хотя бывает и зимуют в Ладоге. Зато даны-ремесленники живут здесь уже полвека. Во всей округе славятся они как добрые гончары, кузнецы, плотники, корабельные мастера, резчики кости. Не мало живет в Ладоге и чуди, кривичей, веси. Но больше всего словен. Весь Посад, раскинувшийся от крепости до Сварожьей горки вдоль Волхова, заселили они. А за горой Поле. Здесь словенские роды собирались на вече, здесь решали миру быть или войне, здесь собирали и тысячу*, ладожское ополчение. Под горой в роще дубовой Перуново капище. Всякий воин чтит владыку молний. Да и пахари стараются не гневить его. Даже варяги уважают грозного бога, хоть и величают на своей лад Тором. За рощей поселились свои из Бирки, правда мало их, не больше десяти дворов. Свеев в Ладоге не жалуют. Ладога город торговый. Тем и живет, что съезжаются сюда купцы из всех земель: из Полоцка, из Ростова, из Киева, с Изборска да Белоозера, из-за моря Варяжского даны из Хедебю и поморяне с Рюяна-острова. Даже арабы и те добирались сюда. Ну а свеи лет десять уже как минуло, с конунгом своим Бьерном решили данью всех обложить. Не вышло. Однако с тех пор их не жалуют. А за свейским поселком и городу конец. Дальше лес. Густой. Дремучий. Стоит стеной, верхушками шумит. Ни буря, ни гроза не страшны ему. Сила!

А присмотрись к нему повнимательней. Дерево к дереву жметя. Топором любое свалить можно. Если отдельно взять. А вместе — лес. На него никаких топоров не хватит. Человек он как лист, как веточка малая. А дерево это род. Рождаются люди, умирают. Зеленеют листья, опадают. Дерево стоит. Род живет. Не один род. Много их, как деревьев в лесу. Каждый род поселок. Ладога среди них самая большая.словно из одного корня несколько стволов. Но это еще не лес. А вместе, Ладога да роды окрестные — сила! Земля словенская! Словене!

* * *

Рано встает Гостомысл. Много забот у старейшины. Особенно летом, когда в Ладоге торг. Вот и сегодня поднялся чуть свет. С Домажиром, ближним человеком, обошли клетки, проверили общинный запас. Посмотрели как мечут в скирды сено нового укоса. Указали людям с дальних поселков куда сгружать боченки с медом, круги воска, добытые бортниками. Встретился Гостомысл и с Белом, чудским старейшиной. Давно Гостомысл ведет с ним дела. Вот и сейчас привез в Ладогу скору: лисиц, соболей, бобров, куниц, белок, рысей пестрых. Много было у чудина и зайца. Все взял Гостомысл. Знал ведь, что гости арабские близко. Ну а для арабов меха первый товар. Возьмут и зайца, не за мех, за силу целебную. Нет лучше средства от ревматизма. Но и Бела Гостомысл не обидел. Дал ему по уговору наконечников для стрел, широких рогатин, топоров славных — это для лесных жителей вещь необходимая.

С этим управился, там другие дела. Сыновей в Киев собирать. В нынешнем году оттуда купцов не было. Князь Аскольд черных болгар воевал. Вот и решил Гостомысл послать туда сыновей старших Вышеслава, Добровеста да Буриvoja с товарами. И князю подмога, и себе польза. Да и не один Гостомысл так решил. Данислав тоже двух сыновей снарядил — Пленко и Карислава. А сосед, князь Ратибор, не купеческий караван, дружину собрал. Давняя у Ратибора дружба с полянами*. Еще с тех времен, когда каган киевский Дир, отец Аскольдов, помог ладожанам прогнать находников свейских. Самому Аскольду в ту пору лет семнадцать было, не боле. Да и Ратибор был не стар. Славно рубились они с варягами. Ну а после сечи смешали кровь, стали побратимами. «Вот уж сколько лет

миновало, а Ратибор все такой же, — улыбнулся в бороду Гостомысл. — Любо ему мечом махать, будто отроку. Даром что у самого дети повзросли. Что Рагдай, что Ратмир, молодцы хоть куда. В самый раз женихи для моей Гориславы». Вспомнил Гостомысл дочь. Задумался. Вздохнул печально. Горислава — младшая. Уж и Умилу, и Улиту, двух других дочерей замуж отдал. Горислава последняя. Много горя принесла она в дом старейшины. Умерла при родах Потвора, жена любимая. Другой Гостомысл не взял. Сам выхаживал малютку. Сколько лиха хлебнул, никто уж о том не сведает. А как стала Горислава подрастать, все больше стала на мать походить. И лицом, и фигурой, и осанкой. Больше всех остальных детей полюбил ее Гостомысл. А теперь вот замуж отдай. Совсем один останешься. Сыновья не в счет. У них в жизни своя дорога.

Спустился Гостомысл к пристани. Поглядел как дела идут. По дубовым мосткам сновала челядь*, грузила на лодьи товар. Скору, связанную в сорока, желтый рыбий зуб, золотистый камень-янтарь, катили боченки с медом, несли кули с рожью. За старшего был здесь Вышеслав. Над всеми возвышалась его высокая, ладная фигура. Увидал отца, подошел неспешно, поклонился.

— Здравствуй, отец! Скоро уж управимся. Осталось мечи да брони погрузить.

— Славно, — одобрил Гостомысл. — Князю Аскольду будет как раз по времени. Сколько здесь? — спросил он, указывая на клинки завернутые в рогожу.

— Как ты и велел — три сотни. Да сотня броней, — ответил Вышеслав. — Брали из тех, что прошлым летом привез Рольф из-за моря. А брони наши Могута ковал.

Гостомысл взял одну из кольчуг. Собранная из мелких стальных колец, она рыбьей чешуей блеснула на солнце.

— Хорошая работа, — сказал Гостомысл, рассматривая кольчужную вязь в руках. — Загляну сегодня к кузнецу. Разговор к нему есть. Ну управляйся, — похлопал он по плечу сына. — С князем договорились где сбор будет? — Он свою дружину под Сварожьей горкой собирает. И Пленко с Кариславом там будут.

— Добро. Проводить вас с Вершко приду.

Стал Гостомысл подниматься в крепость. Тропинка петляла между валунов, по крутому склону. Тяжело опирался он о посох, но идти было трудно. Словно перед гро-

зой заныла левая голень, когда-то давно, пропоротая свирепым вепрем на охоте. Гостомысл остановился, чтобы перевести дух и посмотрел вниз, на реку. До него долетел веселый гомон пристани. Кто-то с неводом на плече догонял его снизу.

— Здрав будь, старейшина, — это был Вадим, младший из сыновей Ратибора.

— И ты будь, отрок, — ответил Гостомысл. — Чего так рано поднялся?

— Да вот, хотел отцу и братьям на дорогу рыбки свежей наловить, — Вадим смущенно перебирал снасть.

— А рыба где ж?

— Да невод за корягу зацепился, — Вадим опустил глаза.

— Ну что ж, бывает. Когда отец-то в дорогу собирается?

— Сегодня до полудня отчалят, а к вечеру уж и пороги пройдут.

— Правильно, — одобрил Гостомысл. — Раз собрался, нечего время зря терять. А тебя, я слышал, в Ладоге отец оставляет. Что так?

Вадим обиженно насутился:

— Говорит, что на меня дружину оставляет. И что ранен я, — юноша непроизвольно коснулся рукой левого плеча.

— Да, слышал я про Некраса, Лазутина сына. Что Ратибор с ним делать решил?

— Ничего не решил. Его с той ночи никто и не видал, — покраснел Вадим.

— Ну, ну, — отечески потрепал его по волосам Гостомысл. — Не печалься, на твой век войн хватит. А отец мудро решил. Должен кто-то из княжьего рода и в Ладоге остаться.

Пока разговор шел, сверху из крепости гонец спустился. От гостинопольского старосты привез он весть: гости* арабские идут. Поспешил Гостомысл. Для встречи гостей иноземных особый наряд нужен, негоже их домашнему встречать. На плечи накинул плащ шелку лазоревого, с золотым узором по краю. Шапку надел высокую, соболем отороченную. Посох взял тяжелый, резной, с загнутым концом. На ручке лошадиная голова вырезана. То власти знак. Издавна так повелось, что управляют Ладогой старейшины. Если нет войны, всеми делами в Ладоге и окрестной земле старейшины ведают. Назнача-

ют людей на работы, собирают пошлину с проезжих людей, клети, в которые ладожане собирают жито, тоже под их присмотром. Где кто о меже заспорит или ловы в лесу не поделит, все идут к старейшинам. Как они решат, так и будет. Ну а если война с кем случится, и тут старейшины первые помощники князю. Тысячу не только собрать, ее еще и вооружить надобно. Не всякий оратай* придет со своим мечом, щитом, броней кольчужной. У иного кроме топора да рогатины ничего и нет. Вот тогда и пригодится снаряда воинская, что хранится в просторных клетях ладожского старейшины.

Пока собирался Гостомысл, с теремной лесенки сбегала Горислава. Обняла старика руками, лицом к груди прижалась. А сама смотрит хитринками глаз, улыбается.

— Ты чего, тятенька, такой нарядный? Ай собрался куда?

— На Поле пойду, купцов арабских встречать. Да братьев твоих провожать с князем Ратибором.

— И меня возьми. Мне с братьями проститься надо, да и на гостей арабских диво посмотреть.

— Ну беги собирайся, а я пока Вершко кликну, — согласился Гостомысл.

Дворовый человек побежал разыскивать Вершко, Горислава легкой ласточкой упорхнула наряжаться, а Гостомысл снова остался один со своими мыслями. С тех пор, как стала подрастать Горислава и все яснее проступал в ней Потворин облик, чаще мысли Гостомысла уносились назад, туда, где жена была еще молода, красива и жива. Но тогда он не очень и замечал это. И даже когда Потворы не стало, он не сразу почувствовал тяжесть своей потери. Семь детей осталось у него на руках. Старшему Вышеславу — пятнадцать, а младшая, Горислава только родилась. Сколько раз предлагал ему брат Гремислав взять другую жену. Но тогда не лежало у Гостомысла сердце, а сейчас уж и стар стал. Ну а сам Гремислав женился с расчетом. Взял вторую жену молодой, от первой-то у него детей не было. «Оно и верно, с молодой женой хоть помирать вместе будут. Бабий-то век недолог, — Гостомысл тяжело оперся на посох. — Ну возьми меня. Вот выйдет Горислава замуж и все. Останусь бирюк бирюком. Так видно у меня на роду написано бобылем век всковать. А жена у Гремислава добрая, — продолжал он свои размышления. — Всем Ингигерда взяла, и умом, и лицом, и статью. Уже и четверых детей Гремис-

лаву родила, будет кому род продолжить. Да родство у нее не простое. Как-никак родная сестра Рольфа из Хедебю. А он там не последний человек — хевдинг. Это по-нашему все равно что дружинник старший у ихнего князя-конунга. Такой человек всегда в родне пригодится. Будет у кого за морем остановиться, тамошние новости разузнать. Рольф человек ненадежный. С данами дела вообще вести легче. Это не свои, от которых не знаешь чего ждать: то ли торговать приехали, то ли разбойничать. Вот и сейчас из Бирки на торг прибыли Хавард купец да Гуннар хевдинг. Но товару что-то у них и не видно. Зато людей привели много, а ведь у каждого по мечу». Не успел Гостомysl думу свою додумать, Горислава уже тут, как тут. Раскраснелась, запыхалась.

— Тятенька, я готова.

— Ты то готова, да вот что-то Вершко нет.

— Так пойдем без него. Он наверняка уже с братьями на пристани. Расстроился бедненький, что ты его в Киев не пустил, — щебетала Горислава, суетясь вокруг старика.

— Не пустил, не пустил, — проворчал Гостомysl. — А кто же здесь мне помогать станет? Я-то уж стар с делами один управляться. Мне помощник надобен.

— Я тебе помощником буду, — важно подбоченилась Горислава, задорно вскинув голову.

— Ты такой помощник, что только до зимы, — грустно улыбнулся старейшина. — Как раз до свадьбы.

— Скажешь тоже, тятенька, — густо покраснела девушка. — Молода я еще.

— Молода не молода, а уж князь Владивой сватался.

— Это который, — оживилась Горислава, — такой худой да высокий, словно оглобля, что прошлым летом к нам из Смоленска приезжал?

— Он, он, — одобрительно хмыкнул старейшина. — Ты, я тоже гляжу, его заметила? И то сказать жених завидный, почитай во всей земле кривичей князь.

— Вот еще, жених, — фыркнула Горислава и звонко рассмеялась, — ходит как цапля на болоте. Того и гляди лягушку поймает. А нос-то, — она снова прыснула, но под строгим взглядом отца прикрыла улыбку рукой. — Нос-то какой, тятенька! Такой нос на семерых рос! Не нос, а клюв. Его поди в Смоленске не Владивой, а Длинный Нос кличут!

— Все бы тебе Горислава насмешничать, — неодобри-

тельно покачал головой Гостомысл. — Ведь сама Пленко за то не любишь.

— Так то же Пленко, тятенька. Он ведь надо мной смеется, — при упоминании зятя Горислава поморщилась, словно дикое яблоко надкусила. — А если не надо мной, так и пускай себе потешается, мне не жалко.

— Вот так рассудила, — усмехнулся старейшина. — Ну а как нам с Владивоем быть?

— Нет, тятенька, не люб он мне. За такого замуж не пойду, — отрезала Горислава. — Разве мало у нас в Ладоге женихов?

— И то верно, — заметил старейшина. — Я давно уж тебе жениха приглядел из своих. И роду не простого, а княжьего. И богатством не обделен. И умен. И красив. Да и с князем Ратибором я уже говорил. Он тоже не против.

— Тятенька! — Горислава даже задохнулась от счастья. — Я согласна, — она бросилась к отцу на шею, целуя его в покрытые морщинами щеки. — Все хотела тебе сказать, — торопилась она, — на Купалью, мы с Вадимом договорились. И он так решил, и я...

— Постой, постой, — прервал ее отец. — Ты это о чем? Какой Вадим?

— Ну как же, тятенька, — удивилась Горислава. — Сын князя Ратибора. Ты же сам сказал, что вы с ним все обговорили.

— Обговорили, — произнес Гостомысл раздумчиво. — Только мы с ним решили, что ты для Ратмира хорошей парой будешь.

— Как? — опешила Горислава. — За Ратмира? Мне же Зарянка сказывала, что они с ним обручились.

— А Данислав, отец ее, о том ведает? — спросил дочь Гостомысл.

— Не знаю, — растерялась Горислава. — Она мне про это не говорила.

— То-то, — вздохнул старейшина. — Надобно сначала у отцов спросить, а потом уж женихов искать. Эх молодежь, молодежь, все норовите сделать по-своему.

— Как же быть, тятенька? — на глазах у Гориславы появились слезы. — Ведь я Вадима люблю, не Ратмира.

— Вадима, Вадима, — ворчал старик себе под нос, — вот ведь заладила. Мальчишка твой Вадим! Рано ему еще о женитьбе думать! Я его и в расчет не брал.

— Тятенька, — Горислава взяла отца за руки и умоляюще посмотрела в глаза, — поговори с князем Ратибо-

ром! Какая ему разница, что Вадим, что Ратмир? Все равно роды наши породнятся.

— Вот именно, — подхватил старейшина. — Какая тебе разница, что Вадим, что Ратмир? Все равно жених-то княжьего рода! А Ратмир уже настоящий мужчина. И воин славный, — убеждал он дочь. — Ему уже восемнадцать лет минуло. И с Ратибором мы договорились. А теперь как я ему скажу: этого не хотим, хотим другого. Да другой-то совсем малец!

— Тятенька! — остановилась Горислава. — Себя вспомни. Ты когда на маме женился, о чем думал? О возрасте? О родне? О богатстве?

— Эххватила, — крикнул старик, удивленно глядя на дочь, — так то когда было, — но под умоляющим взглядом Гориславы сдался. — Ладно, поговорю. Но ты раньше времени не радуйся.

* * *

Сегодня в Поле было особенно многолюдно. Кипел торг. Все пространство у Сварожьей горки между Волховом и речкой Заклюкой пестрело разноцветными шатрами торговцев. Над Полем стоял многоголосый, многоязыкий, неумолчный гул. К человеческой речи примешивалось протяжное мычание коров, нервное ржанье лошадей, истошные взвизги поросят. Это жители окрестных поселков привели сюда скот на продажу. А рядом дикие лесовики, одетые в одежды из шкур торговали скорой. Для заезжего гостя меха лучшая покупка. За один дирхем можно купить шкурку куницы или лисы. Ну а дома, где-нибудь за морем, за нее дадут в десять раз больше. Вот и берут заморские купцы скору целыми сороками, не скупясь на дирхемы. Чуть поодаль ряд, где торгуют тканями и женскими украшениями. Фризское сукно, златотканая парча, изукрашенные псевиданными цветами наволоки, легкий шелк, привезенный арабами с далекого востока, все можно купить здесь. А не по карману, местные мастерицы предложат свое льняное полотно. Тут же разложены пышные роговые гребни, серебряные лунницы, дорогие перстни с драгоценными камнями и простые медные колечки, сердоликовые и янтарные бусы, нитки заморского жемчуга, бронзовые фибулы с прихотливым узором, розовые шиферные пряслица, браслеты, серьги, пряжки, коробочки с красками и при-

тираниями — самая взыскательная красавица не останется равнодушной ко всему этому. Да и простому охотнику будет чем порадовать жену. Вот бусы из цветного стекла. Одна бусина — одна монета — одна шкурка. Верный глаз, сноровка да охотничья удача — вот и готов подарок. Полсотни лисиц за стеклянные бусы, зато жена целый вечер будет заботлива и ласкова. Ради этого стоит потрудиться. А если не нужны бусы, а в хозяйстве нет лошади — это не беда. За пятьдесят дирхемов здесь можно купить славного коня. Конечно не боевого. Но зачем пахарю босвой? Главное, чтобы вынослив был савраска.

Чуть в стороне ряд, где торгуют оружием. Чего тут только нет! Были бы деньги. За одну монету можно купить нож. Не бог весть какое оружие, но в хозяйстве пригодится. Крепкое копьё с древком из ясеня и широким кованым наконечником пойдёт за пятнадцать дирхемов. Ну а нужен меч, выкладывай пятьдесят. Меч вещь дорогая.

Напротив оружейного ряда особый ряд. Заморские купцы здесь частые гости. Этот ряд только для богатых. Здесь торгуют рабами. Хочешь получить здорового, молодого, сильного раба? Плати семьдесят монет, и он твой. Рабыни, особенно хорошенькие, идут дороже. Ведь за красоту надо платить. Но и тут все зависит от вкуса. Хочешь, бери горячую, смуглолицую южанку. Нет? Есть здесь и дочери севера с мягкими, окрашенными солнцем волосами, чья кожа превосходит белизной первый снег. Есть совсем юные, стройные, как молодые березки девы и пышнотелые женщины, познавшие все премудрости любви. Торг в Ладоге богатый. Потому и не берут продавцы за рабынь больше ста пятидесяти дирхемов. Так можно и покупателя потерять. Ну а если уж сговорились и ударили по рукам, тут нужна точность. Дирхемы берут не на счет, а на вес. Если попадутся легковесные, не беда, можно добавить еще полмонеты. У каждого купца есть весы и набор гирек. Для купца это вещь необходимая. Для него весы все равно что соха для пахаря или меч для воина. На них он отвешивает золото, серебро, другой ценный товар. С ними его и в могилу положат. Купец он и на том свете купец.

На краю Поля, под горой, ближе к реке прилепились кузницы. Там закатным солнцем горели открытые горны. Перестук молотов и запах каленого железа стоял над ним. Кузнецы работали. Работы у них сегодня было мно-

го. Ладожане провожали князя Ратибора с дружиной и купцов до Киева. А перед отъездом всегда найдется дело кузнецу. То уключину выправить, то цепь склепать, там, глядишь, котлу надо проушину наварить, а то кому-нибудь и доспех подправить.

Ниже кузниц по берегу Волхова пристань. Целый лес мачт колышется над рекой. Здесь и длинные, стремительные корабли данов. с изогнутыми точно лебединая шея, штевнями. И широкие, вместительные суда поморян из Арконы. Станные арабские корабли с двумя мачтами колышутся на легкой волне рядом с лодьями Ратибора. Там, где стоят корабли князя особенно оживленно. По еловым сходням сплывают челядинцы и отроки, загружая последние припасы. На берегу шумит нарядная толпа. Это ладожский люд пришел проводить кто брата, кто отца, кто сына, а кто и мужа. До Киева путь не ближний. Когда-то еще вернутся? Все ли?

— Доброй путь вам, родимые!

— Дажьбог даст, увидимся.

— Князь Ратибор, он слышь ты, удачливый. И себе славы добудет и нам чести.

— Вот возвернусь с добычей, новую избу поставим.

— Тятка, а гостинцев с Киева привезешь?

— Ждите с подарками.

— На кого покидаешь меня, Нечаюшка, сокол мой ясный!

— Ну будет, будет тебе, вот вернусь и свадьбу сыграем.

— Возьми, сыночек, ладанку. Я ее у бабки Лазутины взяла. Заговоренная она. От стрелы, от копья, от меча острого оборонит.

— Братка! Дай меч поддержать! Ну дай, что тебе, жалко?

У княжеской лодьи, у кормы, там, где над рулевым веслом возвышается высокий штевень с надетым на него турьим черепом, собрались ладожские мужи лучшие. Здесь сам князь Ратибор. Хоть и в годах князь, но по-прежнему широк в плечах, кряжист словно дуб старый. По осанке сразу видно бывалого воина. Рядом старейшины ладожские, братья Гостомысл и Гремислав. Похожи братья, хоть и лежит меж ними семь годов. Оба высокие, сухие, с резными посохами в руках. Только у Гостомысла борода совсем белая. Да нет у него тех морщин в углах рта, что делают лицо Гремислава таким холодным, почти надменным. Вместе с ними купец Данислав да Ярый,

старый воевода. Они с Даниславом погодки. Обоим уже давно перевалило за пятьдесят. Все стоят чинно, от молodeжи особо. Беседу ведут неспешно.

— Что ты не говори, Ратибор, а не лежит у меня сердце, — обратился Данислав к князю. — Не спокойно у меня на душе. Муторно, словно Див* беду кличет.

— Полно, Данислав, — улыбнулся князь, — опять твои страхи. Мы и так уже месяц потеряли. Сам же видел, что из Бирки купцы прибыли.

— Так что с того, — не сдавался купец. — Что-то я не заметил у них товару особого. А вот людей у Хаварда с Гуннаром почитай сотня.

— В этом Данислав прав, — поддержал его Гостомысл. — Не нравится мне это. Не похоже, чтобы sweи на торг приплыли. Кругом ходят, высматривают, вынюхивают, а чтоб продать или купить что, этого не заметно.

— С чем они там приплыли — их дело, — вступил в разговор Гремислав. — Только того, что было при Бьерне-конунге sweям уже не удастся. Говорил я вчера с Рольфом, шурином моим, так он мне сказал, что sweйскому конунгу Анунду сейчас со своими делами бы управиться, не то что в наши влезать. Сейчас за морем Варяжским все больше даны силу забирают.

— Что бы там ни было, — разглядел усы Ратибор, — а тревоги ваши напрасны.

— Оно так, князь, — продолжал Гостомысл, — может тревоги и напрасны, да осторожность не помешает. Время нынче не спокойное.

— Да уж, — добавил Данислав, — лучше бы тебе, князь, родную землю поберечь, чем искать славы на стороне.

— Не то говоришь, купец, — нахмурился Ратибор. — Сам знаешь, что долг платежом красен. Помогли нам поляне, когда у нас нужда в том была. Теперь наш черед Аскольду помочь. Не было б в нас нужды, не прислал бы князь послов. Да и не всю же дружину я забираю, — голос Ратибора снова повеселел. — Вот Ярый с малой дружиной здесь остается.

— Сколько ж гридей у тебя? — обратился Гостомысл к молчавшему до сих пор седому воеводе.

— Шесть десятков в крепости, да десяток на заставе в устье Волхова, — ответил старый кметь.

— Не густо, — проворчал Данислав.

— На sweев хватит и этого, — возразил ему Гремис-

лав. — Да к тому же и поморяне, и даны нам помогут. У них в этом свой интерес.

— Вот, вот, — подхватил старый купец, — у каждого интерес свой. Так что в трудную минуту лучше надеяться только на себя. Ты-то молодой, — обратился он к Гремиславу, — может забыл, что тогда приключилось? А я-то помню, два года прожил в Бирке в заложниках.

— Так то когда было, — Гремислав досадливо поморщился. — А сейчас одна Ладога пятьсот воев выставить может. Да еще поселки окрестные. Что нам смогут сделать свои на двух кораблях?

— Чтоб воев собрать время надобно, — стоял на своем Данислав. — Да и с Ратибором в Киев почитай два ста уходит.

— Ладно, Данислав. Коли уж собрался князь, так тому и быть. И так он по нашей просьбе задержался, — обратился к купцу Гостомysl. — Не впервой же ему в поход ходить. И раньше хаживал. И ничего, стоит Ладога. И сейчас, Дажьбог даст, все хорошо будет. А тебя вон уж сыны дожидаются, — указал он Даниславу на стоящих чуть поодаль Пленко и Карислава. Купец оглядел всех осуждающе, покачал головой, махнул рукой сердито: «Э-эх, попомните мои слова, да поздно будет!» — и зашагал к сыновьям. Вместе с ним и Гремислав простился с Ратибором. Гостомysl проводил его взглядом и заговорил с князем:

— Прости, Ратибор, знаю что с женой ты еще не простился, только дело у меня к тебе есть, — Ратибор понимающе кивнул и повернулся к Ярому.

— Ну, старинушка, — положил он ему руки на плечи, — что с дружиной делать ты и сам знаешь. Пригляди тут за младшим моим, к делам дружинным его приучай. Пусть набирается ума-разума. Ежели Некраска объявится, рассуди его по закону. Ну прощай, — обнял он старого воина, — бог даст увидимся.

— Доброго пути, княже, — голос старика дрогнул. — Все справлю, как ты велишь. Прощай, — он отвернулся и зашагал в сторону кузниц, чуть сутуля широкие плечи более привычные к кольчужной броне, чем к легкому плащу. Ратибор обернулся к старейшине.

— Помнишь, князь, мы разговор вели, неплохо было бы породнить роды наши? — начал Гостомysl.

— Как не помнить, помню, — широко улыбнулся Ратибор. — Уж не передумал ли ты? — поинтересовался он

шутливо у старейшины. — Или лучше моего Ратмира жениха сыскал?

— Да выходит так, князь, что сыскал, — в тон ему с усмешкой ответил Гостомysl. — Да ты не хмурься, не хмурься раньше времени. Выслушай вначале. Говорил я с Гориславой о Ратмире, не люб он ей.

— Вот так дочка у тебя, — фыркнул Ратибор, — с норовом! Кого же ей надобно? Кагана хазарского? Или, может, кесаря греческого*?

— Да нет, — улыбнулся Гостомysl, — ни каган, ни кесарь ей не надобны. А нужен ей твой младший, Вадим. Сказывала она мне, что уже и обручились они на Купалью.

— Вадим?! — Ратибор удивленно заморгал глазами, а потом весело расхохотался. — Вадим... А я его все мальчишкой считал. Ай да сын! Вот распотешил. Ну ладно, — сказал он отсмеявшись, — дело то, я думаю неспешное. Вот вернемся из Киева, тогда все и решим окончательно. Жених с невестой подрастут, — снова улыбнулся он. — Да и ты к новому зятю присмотришься. А Ратмиру я невесту в Киеве пригляжу.

Простился князь с Гостомyslom, а тут уж и жена подошла. Была Виста невысока, стройна, лицом мила. На голове кокошник жемчугом изукрашенный. На шее лунницы серебряные. Золотые колты с дивными птицами поблескивают на груди. Залюбовался Ратибор женой. Больше двадцати лет живут они вместе, уж было и девичья краса стала увядать словно осенний лист, но для Ратибора осталась она все той же ладой, как и много лет назад. Видел Ратибор женщин и краше, и милей, чего греха таить, всякое бывало в походах, но только к ней, единственной и ненаглядной тянуло его всегда. И всегда встречали его эти мягкие добрые руки, эти серые, лучистые глаза. Только сейчас они не лучились, а были до краев полны печалью от предстоящей разлуки. Вдохнул князь на жену глядя, будто и не было недавней радости от предстоящего похода. Обнял ее, к груди прижал.

— Ну полно мать! Не печалься, скажи лучше, что тебе из Киева привезти? Парчи, паволок, шелку? А может злата, серебра, царьградскими умельцами сработанного?

— Сам живой вернись, да сыновей привези. А больше ничего мне не надо.

— А хочешь привезу тебе рабу молоденькую, из болгарок, чтоб волосы тебе гребнем чесала, да косы заплетала, — не унимался князь.

— Да тебя ублажала, — глаза Висты по-кошачьи не-добро сверкнули. — С молоденькой, можешь домой не возвращаться. На порог не пущу! — они попыталась высвободиться из рук мужа, но он держал крепко.

— Ну, мать! И в мыслях не держал, — хитро улыбнулся Ратибор. — Хочешь распотешу тебя?

— Чем? Подарком таким?

— Да нет, невесткой новой, для младшего нашего.

— Для Вадима? — Виста недоверчиво подняла бровь. — Мы же с тобой о Ратмире речь вели.

— Пока мы с тобой о Ратмире речи вели, Вадим себе сам сыскал. И знаешь кого? — весело продолжал князь. — Гориславу!

— Ратмирову невесту? — Виста отстранилась от мужа. — Пусть и не мечтает. Мал еще! — сказала она сердито. Средний сын был характером мягок, во всем матери послушен, не то что младший, сорви-голова, во всем пошедший в отца. Вот и любила Виста Ратмира больше. Ну а старший, Рагдай, перенявший лишь отцовскую рассудительность, теперь отрезанный ломоть. Его обратно к караваю не приставишь. Улетел сокол из-под материнского крыла. — Ратмир на два года старше, — Виста по-прежнему сердито смотрела на мужа, — а и то о женитьбе не помышляет!

— Это как сказать, — хмыкнул Ратибор. — Глянь-ко вон туда, — он кивнул в сторону пестрой толпы, где стояли их сыновья. Рагдай обнялся со своей женой, Первухшей, дочерью изборского старейшины Яруна. А Ратмир что-то быстро говорил Зарянке, держа ее за руку. Девушка слушала его потупив глаза, изредка поглядывая на него. Виста гневно топнула ногой.

— Не пара она нашему Ратмиру! — словно услышав ее, Зарянка испуганно вздрогнула, выдернула руку, что-то шепнула Ратмиру и быстро затерялась в толпе. Юноша растерянно смотрел ей вслед.

— Что-то ты, мать, сегодня не ласкова, — Ратибор снова попытался привлечь жену к себе. — Чем Данислава дочь не пара Ратмиру?

— А ты на ее отца погляди! — не могла успокоиться Виста. — Ходит, словно ворон старый беду пророчит. И дочь его такая же, накличет несчастье на Ратмира, чувствует мое сердце! Да и договорился ведь ты уже с Гостомыслом?

— Оно так, — протянул князь в раздумье, — да вот

только сейчас говорили мы со старейшиной, не люб Гориславе Ратмир. Да и она ему видать тоже. Видела как он на Зарянку смотрел? — князь покрутил рукой свой ус. — Ну прямо как я на тебя тогда, в Изборске, помнишь?

— Вон чего вспомнил! — отмахнулась от него жена. — А сам через неделю после свадьбы в поход ушел. И Ратмир, вот сходит в Киев, все и забудет.

— Не похоже на то, — недоверчиво ответил князь. — Ну да ладно, Ратмиром я займусь. А ты тут за Вадимом приглядывай, кабы с ним чего не приключилось. Что-то не вижу я его?

— Да вон с братьями стоит любимец твой, — Виста неодобрительно покачала головой. — Избаловал ты его, Ратибор. Весь в тебя повадкой пошел. Все сам норовит сделать, по-своему.

— Что ж в том худого? — князь удивленно взглянул на жену. — Мужчина растет, воин, — он снова улыбнулся. — Вот видишь и жену себе уже сыскал.

— Нашел чему радоваться, дурень старый, — глядя на мужа Виста тоже улыбнулась.

— Не такой уж я и старый, — озорно, по-молодому воскликнул князь и подхватил ее на руки.

* * *

Вадим забежал домой, бросил невод. Кликнул отца, мать, братьев. Никого дома не было. Старая бабка Улея, которая грелась во дворе на солнце, сказала ему что все ушли на Поле. Юноша поспешил туда. Было жарко. Солнце сильно припекало и от утренней прохлады не осталось и следа. Улицы Ладоги были пустынные. Почти весь город собрался на Поле. Чем ближе Вадим подходил к торгу, тем громче становился гул человеческих голосов. Вот он уже и в толпе. Со всех сторон неслись крики торговцев, зазывающих покупателей. Торг кипел и жил своей обычной жизнью. В другой раз Вадим, конечно, не прошел бы так просто мимо оружейного ряда, да и много других диковинок привлекло бы его внимание. Но сегодня он спешил на пристань, туда где покачивались на речной волне, готовые к отплытию лодьи отца. «А вдруг он передумал, — билась в голове шальная мысль. — Вдруг он возьмет меня в Киев? — надежда словно подстегнула его. — Надо поспешить!» — он ускорил шаг и почти выбежал на берег. Сразу же увидел отца и мать. Отец похоже

говорил ей что-то веселое, а мать сердилась. Вадим запыхавшись подошел к братьям.

— Вадимша! — обнял его Ратмир. — А мы уж думали, что ты не придешь.

— Да оно и не мудренно, — подтвердил Рагдай, — как убежал вчера с пира, так тебя никто и не видал.

— Слушай, Рагдай, — обратился Вадим к старшему брату, — ты не знаешь, отец не передумал?

— Когда ты видел, чтобы он передумывал? — усмехнулся тот. — Не судьба тебе в это лето Киев поглядеть.

— Не печалься, — утешил Вадима Ратмир. — Хочешь, я тебе болгарскую саблю привезу?

— На что она мне, — отказался младший обидчиво, — разве это клинок? Да я себе из сосны меч лучше выстругаю.

— Вот так сказал, — засмеялся Рагдай. — Ты что же думаешь, что черные болгары лубяными саблями воюют?

— А то нет? — запальчиво воскликнул Вадим. — Какие же это воины, если оружие у них с одним лезвием?

— А ты у топора лезвия сочти, — предложил Рагдай. — Счел? То-то, — продолжал он, — негоже противника до сечи хулить, ты сначала свое умение покажи, а там видно будет. Ежели б не были болгары народом храбрым, да воинственным, не пришлось бы киевскому князю и нас звать, — подвел он итог. Вадим подавленно молчал. Хотя и не заслужен упрек, да кому ж приятно. Всякий знает танец не ссча, кто же в нем удара ждет? Но по рагдаевым словам выходит сам виноват. Снова болью задергало раненое плечо. Таков человек: укололи душу, а болит тело.

— Ладно тебе, — заступился за младшего брата Ратмир, — нашел время когда учить. У него и так на душе кошки скребут. Вадимша, слышь, у меня дело к тебе есть, — обратился Ратмир к нему. — Поди сюда, — он отвел его в сторонку и с заговорщическим видом зашептал. — Ты знаешь двор купца Данислава, что возле моста через Ладожку?

— Знаю, а что? Все еще угрюмо спросил Вадим.

— Сходи туда сегодня, — замылся Ратмир, — отнеси вот это, — на его ладони тускло поблескивал массивный серебряный браслет. С наружной стороны он был украшен узором из переплетающихся между собой линий. Сужающаяся к краям пластина образовывала разомкнутый круг. Глядя на него Вадим даже присвистнул:

— Где ты его взял, Ратша? — в юности сердце отходчиво. Будто и не было недавних рагдаевых укоров. — За такую вещицу пожалуй и полгривны будет мало?

— Чурило гривну спросил за работу, — с легкой гордостью ответил Ратмир.

— А я-то смотрю узор знакомый, — Вадим внимательней взгляделся в хитросплетение линий, — точно Чурило. Кроме него никто так не сделает. Так кому отнести-то?

— Зарянке! — выпалил Ратмир и облегченно вздохнул.

— Ладно, отнесу, — Вадим засунул украшение в калиту. — От кого, говорить не надо? Сама поймет?

— Поймет, — улыбнулся Ратмир.

— Мне бы такой, — мечтательно протянул Вадим, — я бы тоже подарил Гориславе.

Ратмир слегка нахмурился. Будто тень легла на его красивое лицо. В руках он нервно теребил край своего шелкового плаща.

— Ты знаешь, что мне сегодня мать сказала? — озабоченно спросил он у Вадима.

— Откуда ж мне знать, — ответил младший, все еще поглаживая кошель с браслетом.

— Они с отцом, — не глядя на брата, с запинкой выговорил Ратмир, — посватали Гориславу за меня.

— Как за тебя? — опешил Вадим. — А я? — он растерянно смотрел на Ратмира. — А у Гориславы ты спросил? А Зарянка как же? Ты матери про нее сказал?

— Нет, не могу я ей про Зарянку говорить! — голос Ратмира задрожал от бессильной обиды. — Она же Данислава дочь, а ты знаешь, что мать его не жалует!

— Ну и что? — воскликнул Вадим в отчаянии. — Зачем же ты Зарянке браслет даришь? Или сразу двух взять хочешь*? — негодуяще выкрикнул он вплотную подступая к брату.

— Да пойми ты, дурья башка, — отступал от него Ратмир, — не я посватался, а мать да отец! Как же я пойду против их воли?

— Да вот так! — по-прежнему наступал на него Вадим. — Ты уже не дите малое, почему все по их воле делать? Пускай без нас, да за нас не решают! Мы и сами...

— С усами, — смеясь продолжил за него Рагдай. Он подошел к Вадиму и обнял его за плечи. — Ты чего это

разошелся, Вадимша, словно тетерев на токовище? Смотри вон уже люди на тебя оглядываться стали.

Вадим поглядел по сторонам и сконфуженно умолк, заметив на себе любопытные взгляды.

— Я тебе скажу так, — Рагдай уже серьезно посмотрел на него, — криком да шумом от отца ты ничего не добьешься. Ну а если по умному подойдешь, сегодня у него настроение походное, он тебе все что ни попросишь сделает. Только, — Рагдай снова улыбнулся, — в Киев не просись. Иди, — подтолкнул он младшего в спину, — а я тут Ратмиру объясню, что негоже у брата невест отбивать. Тем более, когда сам в поход идешь, — он двинул Ратмира локтем в бок.

— Да я что? — промямлил тот виновато. — Мне мать сказала. Я ж не сам...

Вадим с благодарностью посмотрел на старшего брата и пошел к отцу. Пробираясь сквозь толпу, он заметил кузнеца Могуту, который с каким-то свертком в руках направлялся к князю. Вадим попытался опередить его, но натолкнулся на широкую спину одного из княжьих гридей. И пока он под общий смех выпутывался из его плаща, кузнец подошел к Ратибору. Вадиму не оставалось ничего другого, как дожидаться своей очереди.

— Здрав будь, князь. Живи долго, — пробасил Могута. Рядом с могучим кузнецом князь выглядел как подросток около взрослого мужчины.

— И ты будь, Могута, Белобородов сын, — с достоинством ответил Ратибор, глядя на кузнеца снизу вверх. — С чем пожаловал?

— Да вот пришел пожелать тебе пути доброго, да подарок тебе принес. Прими, княже, не побрезгуй, — Могута протянул князю сверток, завернутый в промасленную холстину. Князь развернул ее и глаза его заблестели от восхищения. У него в руках переливалась и поблескивала на солнце новенькая кольчуга, отшлифованная до зеркального блеска. По вороту кольчуги, по подолу и рукавам были вплетены по три ряда медных колец, горевших как золотые. На груди были прикреплены две бронзовых, круглых пластины. Умелой рукой мастера на них были вычеканены головы тура с загнутыми, крутыми рогами. Князь тряхнул кольчугу и провел по ней ладонью, лаская будто живую.

— Спасибо Могута, вот уважил, так уважил! Такой кольчуги поди и у греческого кесаря в Царьграде нет.

— Скажешь тоже, — польщенно прогудел кузнец, — обычная бронь. Только бляшки специально для тебя сделал.

— Нечай! — кликнул князь отрока из своей дружины. — Прими кольчугу, да смотри храни ее как зеницу ока. Не знаю как и отблагодарить тебя Могута, — снова обратился Ратибор к кузнецу. — Мать! — позвал он Висту, стоявшую поодаль. — Придешь домой, одари кузнеца кунами, да боченок меда стоялого выкати, не скупись. Он ведь мне почитай всю дружину в брони одел. Эх, Могута, — князь восхищенно ударил его кулаком в плечо. Другой бы от такого удара и на ногах бы не устоял, а кузнец даже не пошевелился, — бросал бы ты свою кузню, да шел ко мне в дружину. Славный бы из тебя кметь вышел.

— Баловство это, — усмехнулся Могута, — по чужим землям разъезжать, да мечиком помахивать. А у меня дело! Дажьбог даст да отец его Сварог пособит, может вскорости и не только брони для твоей дружины ковать начну, — он хитро прищурился, — а и чего получше.

— Неужто открыл секрет клинков заморских? — ахнул князь.

— Открыть не открыл, — уклончиво ответил Могута, — а вот узор на поковке стал выходить похожий.

Вадим тоже залюбовавшийся кольчугой, а теперь с интересом прислушивавшийся к разговору старших, не удержался от вопроса:

— А правда, что хороший клинок надо закаливать ровно в полночь, в свежей крови храбрейшего раба из полна?

Мать сзади дернула Вадима за рубаху и укоризненно покачала головой, а кузнец внимательно посмотрел на юношу и сказал:

— Пустое бают, княжич. Ежели хочешь поглядеть как клинки делают, приходи ко мне в кузню, сам все увидишь.

— Ты его, Могута, больно то не приваживай, — весело сказал Ратибор, а у самого в глазах затаилась тревога. — Сделаешь мне из сына кузнеца, так что и он не захочет мечиком помахивать, а все по молоту сучать будет.

— Ежели рука к молоту привыкнет, так потом и с мечом справишься играючи, — степенно ответил кузнец. — Ну, путь добрый, князь. Да не забывай мою кольчугу в бою надевать.

— Таковую не забуду, — простился с ним Ратибор. — А ты подумай, может пойдешь ко мне в дружину?

Когда могучая фигура кузнеца затерялась в толпе, мать Виста сердито накинулась на Вадима.

— Нашел у кого про тайны ведовские выпытывать, у ведуна! Вроде уже и не маленький. Ну кто тебя за язык тянул то? Теперь как бы беды не накликать. И в кузню к нему ходить не смей!

— Да уж, — согласился с женой Ратибор, — держись от кузнеца подальше. Всякое о нем люди говорят, где правда, где ложь, кто разберет? Если уж на то пошло, так лучше к дочке Гостомысла на свидания ходи.

— А ты откуда узнал? — вспыхнул Вадим, удивленно глядя на отца.

— Да она с утра тебя сватать приходила, — серьезно ответил Ратибор, а у самого в глазах плясали лукавые искорки. Вадим обиженно насупился. — Ну ладно, шучу, — потрепал его по вихрам отец. — Видел я сегодня старейшину Гостомысла. Он тоже о тебе говорил и о Ратмире. Ты уже знаешь что мы с матерью за него сватали Гориславу?

— Знаю, — все еще хмуро ответил Вадим. — И что ты решил?

— А решил я пока ничего не решать. Вот вернемся из Киева, там и посмотрим. Но запомни, — Ратибор стал серьезен и даже суров, — раньше Ратмира о свадьбе и не мечтай!

— Спасибо, отец, — просиял Вадим. — Так значит после свадьбы Ратши, вы Гориславу за меня посватаете?

— Значит, значит, — проворчал Ратибор. — Да не прыгай ты как молодой жеребенок. Женится собираешься, а скачешь как мальчишка. Мать береги. В делах дружинных Ярого слушай. Опыта набирайся. Пора тебе уже и взростеть, сын!

* * *

Горислава улыбалась. Ей хотелось раскинуть руки, обнять весь мир, бежать неведомо куда, хоть до края окоема, где смыкаются земля и небо. «Хорошо птице, — думала она, — у нее есть крылья. И я бы сейчас полетела понеслась белогрудой касаткой навстречу любимому. Тятенька, какой ты у меня хороший! Как я люблю тебя! А как же князь ему сказал? Пусть жених и невеста

подрастут? Жених и невеста! Вадим — жених, я невеста! Пусть подождут? Подождем, подождем, подождем, — пела душа девушки. — До вечера, — лукаво засмеялась она. — Надо найти Вадима, сказать пусть вечером приходит во двор к Пленко. Как хорошо, что этот рыжий насмешник отправляется в Киев. Как долго я его не увижу! А Вадима увижу! Скоро! А что скажет Улита? А что ей говорить, она поймет. Сама к своему Пленко на свидания бегала».

— Ба, ба, ба! Горислава, да неужто это ты? Тебя и не узнать! Неужели ты ради нас так нарядилась? — Добровест, всегдашний весельчак и шутник (наверное потому и были они с Пленко друзья не разлей водой) поймал девушку за руку. Взяв сестру за плечи, он поворачивал ее то вправо, то влево. — Какой жемчуг у тебя в косе! Поди заморский? И кто же тебе его подарил?

— Кто, кто, знамо кто! Жених! — подхватил игру брата Буриной. — Да и не к нам она бежала, а на встречу с женихом. А на пристани случайно очутилась, заблудилась, видно.

— Балда, — засмеялась Горислава. — Оба вы балды, — она поочередно расцеловала братьев. — Я же люблю вас, хоть вы надо мной и смеетесь!

— Да что с тобой, Горислава? — Добровест был искренне удивлен. — Никогда тебя не видел такой.

Какой, такой? — тормозила его Горислава. — Ну скажи, какой? — ей не стоялось на месте и она будто пританцовывала вокруг брата.

— Ну не знаю, — Добровест никак не находил нужного слова, — счастливой что ли?

— А я и впрямь счастлива! — радостно воскликнула Горислава.

— Отчего же ты счастлива! Что нас провожаешь надолго что ли? — не понимал ее Добровест. — Неужели мы тебя так своими насмешками задели, что ты счастлива нас целый год не видеть?

— Да нет, — разъяснил ему Буриной, — влюбилась. Правильно я говорю, Горислава? — девушка в ответ только счастливо засмеялась.

Подошел Вышеслав с Вершко. Вышеслав был старшим из братьев. Ему как и Пленко исполнилось тридцать, только слов он на ветер зря не бросал. Чаше был серьезен и молчалив. К Гориславе относился по отечески. Жизнь ведь она такая, не станет Гостомысла и будет

старший брат сестре в отца место. Но сейчас и он глядя на сестру улыбнулся.

— Ты и впрямь, Горислава, никак влюбились? — он обнял девушку и, не дожидаясь ответа, обернулся к младшему, Вершко, грустно повесившему голову. — Ты, брат, не кручинься. Киев от тебя никуда не уйдет. Как стоял на Днепре, так и будет стоять.

— Может его кручина и не о Киеве? А о киевлянках, — вставил с ехидцей Буривой.

— А они красивые? — спросила Горислава у старшего брата. Ее не занимали всякие мужские глупости как война, охота или торговля. Ей нужно было знать главное.

— Да как тебе сказать, — озадаченно поглядел на нее Вышеслав. — Не знаю. Разные они, есть и красивые, а есть и не очень.

— Но красивых больше, — Буривой хитро подмигнул Добровесту и продолжал. Ростом киевлянки высокие, осанка у них гордая, шаг легкий, идет что твоя лебедь белая плывет. Очи то у них соколиные, брови то у них соболиные, — не хуже заезжего песельника рассказывал Буривой, а Горислава думала: «Вот и хорошо, что князь Ратибор не берет Вадима в Киев. Нечего ему на этих киевлянок смотреть. А то наглядится на таких и меня забудет, — она перестала улыбаться и сердито насупила брови. — У-у, разлучницы!» А Буривой разливался соловьем, — лица то у них белые, как снег, уста то у них медвяные...

— Экий ты, Буривой, приметливый, — насмешливо перебил его Вышеслав. — Был то в Киеве всего один раз, а все успел рассмотреть, и очи, и брови, и уста медвяные.

— А что? — смутился Буривой. — И успел. Долго что-ли...

— Вот и я о том же, — наставительно заметил Вышеслав. — Языком по пустому трепать не долго. А вот подумать сначала, оно бы и не помешало.

— погоди, Вышеслав, — остановил его Добровест, — путь до Киева дальний. Еще успеешь поучить Буривою уму-разуму. А сейчас прощаться давай. Вон уже и князь к своим лодьям пошел.

Вышеслав поочередно обнял Гориславу и Вершко.

— Ну, смотрите тут за отцом, помогайте ему во всем. Он уже старый.

— Когда же ждать вас назад? — хмуро спросил Вершко.

— Следующей весной, — ответил Вышеслав уже со сходом. — Когда лед сойдет, тогда и придем по большой воде.

— Будем ждать! Возвращайтесь, — махнула рукой Горислава.

— Чего привезти тебе из Киева, сестрица? — спросил Буривой, стоя на корме лодьи. — Шелку арабского или злата царьградского?

— А и то, и то привези, — ответила Горислава просто-душно. — Я подаркам всегда рада.

— Ай молодец девка! — засмеялись на лодье ватажники*, сидящие на веслах. — От такой простым колечком не отдарисься.

Толпа на берегу заволновалась, прихлынула к самому берегу. Кто-то в толпе заплакал, запричитал. На девушку цыкнули: «Замолчи! Не хоронишь». Лодьи одна за другой отходили от берега. Было их около двух десятков. Половина с дружиной да ратными людьми из ладожан, половина купеческих. На середине реки они выстраивались длинной вереницей. Весла убрали, подняли паруса. Те с треском развернулись, набрав в тугую парусину попутного ветра, благо дул с Невы-озера. И расцвел широкий Волхов пестрою лентой парусов. Одни полосатые, где чередовались полосы простого отбеленного холста с ярко-красными, крашенными заморской краской-пурпуром, привозимой с далекого юга. Другие с нашитыми поверх полотна ликами Дажьбога-солнца. На передней лодье, поверх паруса, трепетал на ветру княжий стяг*. По алому шелковому полотнищу скакал золотой тур, вышитый искусными руками матери Висты.

Знак этот, золотой тур на алом поле, получил Ратибор от своего отца Храбра, а тот от своего. Так и переходил княжий стяг от старшего младшему, еще с той поры, когда и не было словен в Ладогe, а жили они где-то в лесах на далеком западе. Не раз обновляли стяг руки словенских мастериц. Ведь и шелк не вечен и его съедает неумолимое время, но всегда по алому полю скакал буйный тур-золотые рога, как во времена далекого предка Ратибора — Храбра, от него и стал прозываться княжий род — Храбричи. Ну а простой люд, охочий до всяких переделок, прозвал их Храбрыми, ибо были в княжьем роду люди не робкого десятка. Да оно так и надо. У пахаря судьба — поле пахать, у кузнеца доля — железо ковать, ну а князю на роду написано — воевать. Не даром гуслиеры-

песельники, Велесовы любимцы, поют о княжьей доле: под трубами они повиты, под шеломами они взлелеяны, с конца копья вскормлены. На защиту родной земли. Врагам на погибель.

Чайки с гомоном кружились над лодьями. На берегу, словно птичий базар, шумели люди, но вот и последний парус скрылся за излучиной реки, там где Волхов делал плавный поворот. Берег перед пристанью постепенно пустел. Люди расходились по своим делам, не стоять же на берегу до возвращения. Печаль от разлуки тем и хороша, что быстро проходит, а время такое медлительное с виду, не успеешь оглянуться, принесет новую радость встречи.

Проводив братьев, Горислава заторопилась домой, но и по сторонам глядела внимательно. Вдруг мелькнет Вадимово лицо, он же тоже приходил на пристань отца провожать. «А может я его на торгу повстречаю? — спросила она себя. — Ну а если и не повстречаю, — пожалала она плечами, — то хоть одним глазком взгляну на те диковины, что арабские гости привезли. Ну а хоть и не одним, какая в том беда? — привела она новый довод. — Решено, пойду погляжу!» — и она нырнула в крикливую, пеструю толпу на торгу.

Арабы расположились под навесом, натянутым на высоких шестах. В тени были разостланы цветистые ковры, сплошь затканые невиданными узорами. На целой горе подушек возвышался хозяин, тучный, важный старик с рыжей бородой. Одет он был в темно-зеленый халат с широкими золотыми полосами на рукавах. На голове его был тюрбан малинового шелка, а сидел он смешно, по лягушачьи поджав под себя ноги в коротких, мягких сапогах. Горислава не удержалась и тихонько рассмеялась. Никто не обратил на нее внимания. Ладожских щеголих, которые собрались здесь, больше занимала не чудная посадка арабского гостя, а его заморские диковины.

А посмотреть тут было на что. Браслеты, серьги, кольца из золота и серебра. Ожерелья из стекла и камней голубого небесного цвета. Тончайшая, легкая ткань, подобная клочку тумана. Видно арабские рукодельницы научились ткать ее из лунных лучей. «А посуда-то какая! — восхищалась Горислава. — Не чета нашей нашей скудельной*». Медные кувшины с пузатым туловом и узким горлом, прикрытым сверху крышкой, открывающейся как птичий клюв. Такие же чаши, изукрашенные чекан-

щиком дивными узорами. А рядом сосуды, сделанные из особой глины, которые привозят в страну арабов жители таинственного восточного царства. Они так тонки и прозрачны, что, кажется, просвечивают на солнце. Снаружи и внутри они покрыты белой поливой, на которой художник сочной синей краской изобразил траву, цветы, птиц. Неподалеку были разложены костяные коробочки и маленькие горшочки с красками, мазями, маслами и ароматами. Вот румяна для щек. «Это мне не нужно, — подумала Горислава, — если надо, я себя пощиплю за щеки, лучше любых румян будет.» А вот сурьма для бровей. «Это наверное ей пользуются гадкие киевлянки, чтобы у них брови были соболиными. А я вот назло вам не буду брови сурьмить!» — Горислава хотела показать им язык, но потом передумала. Среди горшочков с маслами и ароматами она нашла знакомый запах шиповника. Не раз Горислава с подругами по осени собирала его ярко-красные, глянцевого плоды. Настой из них помогает от простуды. А Улита рассказывала ей, что далеко за морем, на юге, шиповник выращивают ради цветов. Едва раскрывшиеся бутоны срывают и из лепестков под тяжелыми прессами выдавливают благовонное масло. «Не иначе это оно и есть, — решила Горислава. — А что если насобирать цветов с нашего шиповника? А может попросить тятеньку чтобы купил у араба? Шиповник то колючий, пока насобираешь все пальцы исколешь». Но вот, особенный аромат, которому нет даже названья, поразил Гориславу. Он был как далекий-далекий зов, как воспоминание о чем-то давно забытом, как волшебный сон. «Это мне надо! — восторгалась Горислава. — Такого во всей Ладогени у кого нет.»

Пока Горислава раздумывала что ей делать, к арабу подошла Ингигерда, вторая жена Гремислава, дяди Гориславы. Была она еще молода и красива, но красива той холодной северной красотой, которая выделяла ее среди других ладожских красавиц. Она сухо кивнула Гориславе и принялась рассматривать арабские товары. Перебрав почти все коробочки и горшочки, она указала своей тонкой, белой рукой, украшенной перстнями, на тот, который так понравился Гориславе. Старик-араб с рыжей бородой улыбнулся, поцокал языком, одобряя выбор и достав весы с двумя чашами поставил на обе по маленькому глиняному горшочку, узкому сверху и пузатому внизу. Такие горшочки гончары делали специально для аро-

матов, чтобы лучше сохранять запах. Приказав слуге держать весы, араб извлек из складок своего халата золотой динар и, показав его Ингигерде, жестом предложил положить на одну из чаш. Женщина достала из кошелька на поясе восемь золотых монет и положила на весы. Старик осмотрел их, попробовал на зуб, удовлетворенно улыбнулся и стал наполнять горшочек. Медленно, капля за каплей текла прозрачная, вязкая жидкость, похожая на смолу, а драгоценный аромат разливался вокруг. Когда горшочек наполнился настолько, что чаши весов уравновесились, старик-купец закрыл его пробкой и с глубоким поклоном передал Ингигерде. Она уже сделала знак рабукорелу, сопровождавшему ее, следовать за собой, когда Горислава робко спросила ее:

— Тетя, а как называется это?

— Мирра, — бросила та через плечо.

«Мирра!» — передразнила ее Горислава. Девушку разбирала досада, что теперь этот аромат будет не у нее одной. «Да и что в этой мирре хорошего? — убеждала она себя. — На сосновую смолу похоже, вот и все. И не нужна она мне. Не больно то и хотелось.» Вдруг чьи-то руки закрыли ей глаза. Она попыталась вырваться, но руки были сильными и не пускали.

— Ну кто тут еще балует? — возмущенно крикнула она. — Пусти! Слышишь, кому говорю? — руки отпустили ее голову и она грозно обернулась к обидчику. — Вадим! — ахнула она.

— А кому же еще быть? — не то спросил, не то сказал он. — Ты чего такая сердитая?

Горислава стала объяснять ему свою обиду. Рассказала про араба, про его смешной наряд и посадку, про его товары, про драгоценную мирру и про то, как эта гусыня, дядина жена, поломала всю ее жизнь. Вадим слушал ее внимательно, не перебивая, а под конец только спросил, улыбнувшись:

— И все?

— И все, — Горислава тоже улыбнулась и как-то забылась обида на Ингигерду. Зато вспомнилось, что разыскивала она Вадима и на торг свернула для того, а арабские диковины всю память застили.

— Знаешь, мне домой бежать пора, — заторопилась она, — меня тятенька уже поди разыскивает. Я сегодня буду у Улиты ночевать. Это двор купца Пленко, здесь недалеко от торго. Мне тебе много чего сказать надо. При-

ходи туда вечером, — она хотела было бежать домой, но Вадим поймал ее за руку.

— Постой хоть чуток, — сжимая ее ладонь в своих, попросил он. — Знаешь, я тоже хотел тебе сказать... — он замялся, — мне надо было узнать..., вообще я хотел спросить..., я с отцом говорил..., — мямлил Вадим.

— О чем? — поторопила его Горислава. Вадим поглядел на нее и решительно выпалил:

— О тебе! О нас, о свадьбе. Ты же выйдешь за меня замуж?

— Конечно, — засмеялась Горислава. — Пустяки, вечером все обговорим, — она украдкой оглянулась по сторонам. Вокруг никто не обращал на них внимания. Горислава поднялась на цыпочки, быстро поцеловала Вадима в губы и убежала.

Вадим хотел тут же было подпрыгнуть от радости, но рассудительность, голосом Рагда, напомнила ему: «Ты же княжеский сын! Негоже тебе скакать как простому родовичу, тем более посреди торга.» Он сдержался и степенно стал выбираться из толпы. «А чем собственно ты так гордишься? — спросил его какой-то ехидный голосок внутри. — Тем, что при виде пригожей девицы не можешь двух слов связать? Тем, что она сама все вытягивает из тебя, сама целует, сама назначает встречу, а ты стоишь, словно столб и хлопаешь глазами?» «Неправда! — воскликнула возмущенная гордость. — Я и сам могу любой красавице свидание назначить. И поцеловать могу! И вообще!» «Ну-ка, ну-ка, любопытно было бы посмотреть, — подначило озорство. — А вот и случай прекрасный! Вон Зарянка идет.» «Это же братнина суженая!» — возмутилась рассудительность. «Подумаешь, — надулось озорство. — Мы же не жениться на ней собираемся. А так, пошутить.» «Дурные это шутки! — веско возразила рассудительность. — Да девушке обида и бесчестье.» «Испугался, так и скажи,» — гадко хихикнул ехидный голосок. «И ничего не испугался! — вскипела разгневанная гордость. — Вот сейчас пойду и скажу, что любя она мне! Она мне и вправду нравится! И браслет ей подарю!» «Чужой-то,» — попыталась остановить рассудительность. «Был чужой, стал мой, — нагло заявил ехидный голосок. — А ты уйди, не мешай. Сегодня наш день. Сегодня нам все девицы любви.»

— Зарянка! — решительно окликнул девушку Вадим. — погоди, у меня дело к тебе есть.

— Какое? — с любопытством спросила она. — Опять Гориславу потерял?

— Да нет, — досадливо дернул Вадим плечом. — Давай в сторонку отойдем. А то народу больно много, — он взял Зарянку за локоть и повел к выходу с Поля.

— Так какое дело? — снова спросила девушка, едва поспевая за ним. — Куда бежим-то? На пожар, что ли?

Вадим резко остановился на краю Поля, где почти не было людей. Он повернул Зарянку к себе лицом и внимательно посмотрел ей в глаза.

— Да что с тобой? — испуганно спросила она его. — Шальной ты какой-то сегодня.

— Не шальной, а хмельной, — поправил ее Вадим.

— Где же это ты так с утра? — удивилась Зарянка. — И с чего бы?

— Да хмельной-то я не от браги, не от меда, — он на мгновение запнулся и на что-то решившись добавил, — от любви.

— А я то, уж бог весть что, подумала, — облегченно рассмеялась Зарянка.

— У тебя так бывает, что будто внутри несколько голосов разговаривают? — серьезно спросил у нее Вадим.

— Бывает, — немного подумав, ответила девушка и улыбнулась. — Особенно, когда на торгу всякие диковины разглядываю, да думаю, что у батюшки попросить.

— Ага, — облегченно вздохнул Вадим. — А у меня, когда на красавиц заглядываюсь. Так вот и подмывает кто-то обнять и расцеловать всех.

— Так-таки и всех? — засмеялась Зарянка.

— Точно, — подтвердил Вадим. — А тебя я думаешь зачем позвал?

— Так это твое дело и есть? — Зарянка сделала вид, что хочет отодвинуться от него, но не отодвинулась.

— Вообще-то не только это, — Вадим раскрыл калиту и стал там что-то искать, — но и это тоже. Вот, — наконец выудил он серебряный браслет. — Это тебе Ратша просил передать.

— Это мне? — Зарянка зачарованно смотрела на блестящее кольцо. — Красота какая, — она взяла браслет и тут же одела на руку. — Ну как, — спросила она у Вадима, кокетливо поворачивая перед ним руку то вправо, то влево.

— Знал Ратша, что тебе к лицу, — одобрил Вадим.

— Ну ладно, пойду я, а то у меня батюшка знаешь какой строгий! — засобиравалась домой Зарянка.

— Пойдешь? — разочарованно спросил Вадим.

— Ах да, — лукаво засмеялась она. — Я же главное твое дело забыла, — она нежно поцеловала его в щеку и хотела уходить, но Вадим обнял ее за талию.

— Так сестры целуют, — сказал он, пытаясь прижать Зарянку к себе. — А я хотел по другому.

— По другому, пусть тебя другие и целуют, — она со смехом выскользнула у Вадима из рук и скрылась в ближнем проулке.

«А все-таки хорошо целоваться! — подумал Вадим, улыбаясь. — Наверное так же хорошо, как воевать. А может и лучше.» Он обернулся, чтобы идти домой и опешил, увидев перед собой Гориславу. Девушка стояла перед ним бледная, ее губы обиженно вздрагивали, а в глазах стояли слезы.

— Я все видела, — всхлипывая, еле выговорила она.

— Гориславушка, постой, я тебе сейчас все объясню, — заторопился Вадим. — Понимаешь...

— Не смей сегодня приходить ко мне! — перебила она его. — Видеть тебя не желаю!

— Да ты не поняла, — он хотел взять ее за руку, но Горислава вырвалась и залепила ему звонкую оплеуху.

— Подлец! — крикнула она сквозь слезы и рыдая убежала от него. Вадим остался стоять на месте, растерянно потирая щеку.

* * *

Горячие лучи полуденного солнца пробивались даже сквозь густую листву ольшаника и пекли немилосердно. Некрас застонал и попытался приподняться. Правая рука, неудобно подвернутая за спину, затекла и не слушалась, будто тысячи иголок впились в нее. Некрас заскрипел зубами и повалился лицом в траву. От долгого лежания на правой щеке отпечатались сухие былинки. Лето в этом году выдалось без дождей, трава сохла на корню и стояла торчком, жесткая как кабанья щетина. Некрас с трудом перевернулся на спину. Все тело болело, словно после долгой молотбы. Резкая, острая боль пульсировала в левом виске. Некрас осторожно потрогал его рукой. «Чем же это он мне так врезал? — левая щека чудовищно распухла, на подбородке и за ухом запеклась кровь. —

Верно подобрал где крепкий сук, — решил он для себя. — Сколько же я здесь провалялся? Неужели всю ночь?»

Он снова попытался подняться на локтях. На этот раз это ему удалось. Некрас подполз к ближайшему дереву и привалился к нему спиной. Немного отдохнув, он осмотрелся. Место было знакомое, рядом с завстной поляной. «Где же корень волшебный? — вяло подумал он. — Хотя все равно теперь уже поздно.» Цепляясь руками за ствол, Некрас встал. Его пошатывало. «Тут где-то должен быть родник,» — при мысли о воде Некрас облизнул сухие губы. Нетвердо переступая ногами, цепляясь за ветви деревьев, он добрался до лесного ключа и жадно припал к нему. Пил долго, чувствуя как вода с бульканьем вливается в пустой желудок. Сразу подступил голод и словно давно не кормленный зверь, заурчал в животе. От холодной воды заломило зубы. Напившись, Некрас умылся. Подождал, когда вода в роднике успокоится и заглянул в зеркало воды.

Распухшая левая щека была темно-лилового цвета, а глаз так заплаыл, что казался маленькой щелкой. «Ну, Вадимка, ну, гаденыш, — стал закипать Некрас, — теперь от меня не уйдешь! Теперь точно убью!» Некрас представил как острым ножом будет резать ненавистное лицо, с каким наслаждением будет поворачивать лезвие, выкалывая глаза. Рука сама собой скользнула к голенищу и нащупала рукоять кривого засапожника. «Вот, — он зло усмехнулся. — И девку его тоже возьму. Не волшеббой, так силою!» От таких мыслей голова стала ясной, мстительная злоба вернула силы. «Пойду к матери, — решил Некрас. — Она научит что делать.»

Когда до пещеры Потворы, вырытой в обрывистом склоне оврага, оставалось не более ста сажень, Некрас услышал конское ржанье. «Ну, балуй, леший!» — долетел до него человеческий голос. Ему показалось, что алые плащи княжеских гридей мелькнули среди ветвей. Он позвериному припал к земле и чутко прислушался. Так и есть, приглушенный расстоянием говор мужских голосов долетал до Некраса. «...Мечом, ...за обиду три гривны, ...не придет, выкликнут изгоем...» — с трудом разобрал он. «Обложили уже, — метнулась в голове испуганная мысль, — точно зверя! Как я чуть царапнул княжьего щенка, так плати гривны, — злобясь подумал Некрас. — А как он мне чуть башку не расшиб — это ничего! Кликну его на божий суд, в Поле!» — решил он и хотел было идти

в крепость, но вспомнил о Гориславе. «Э-э, — остановился он в раздумье. — О девке-то я забыл. А коли она отцу расскажет, что я с ней хотел сделать, тот меня в поруб* упрячет и глазом не моргнет. Может, кинуться в ноги князю Ратибору? Может, помилует? Как же, — Некрас скривил губы в подобии улыбки. — Уже и изгоем меня выкликнули, поди по его милости. Что ему до меня? Какой-то отрок, Некраска Болдырь! Ладно, еще попомнишь меня, княже! Пересекутся еще наши тропочки!» Он начал осторожно отползать подальше от опасного места. Потом встал, крадучись, по-волчьи, обошел поляну, углубился в лес и пошел уже не таясь.

Некрас вырос в лесу, знал его законы, повадки его обитателей, знал здесь каждую поляну, каждый куст и чувствовал себя уверенно. Увереннее, чем на людях. «Мне бы лук, да наконечников добрых, ну еще рогатину и топор, тогда в лесу и зимовать можно, — думал он, шагая в сторону Нево-озера, — да только где ж их взять? В Ладогe теперь никто не даст. На меня там и раньше косо смотрели, Потворин сын, а теперь и подавно — изгой! А может податься к варягам, за море? Тамошним хэвдингам и конунгам всегда были нужны добрые воины. И никто не спросит чей ты сын, лишь бы с мечом управлялся. Правда, вместо дружины они могут и в рабство продать. Нет, крутить тяжелый жернов, да убирать навоз в свинарнике я не намерен! — Некрас даже остановился, сжав кулаки. — Что же делать? А может махнуть на полудень, к кривичам или к полянам в Киев? Опять же и топор, и лук нужны. Хотя, — лицо его прояснилось, — знаю где взять! На заставе, дождусь ночи и возьму что надо.»

Заставу в устье Волхова ладожане поставили лет десять назад. Тогда же, когда и крепость в Ладогe, после сечи с Бьерном-находником. Раньше такого не бывало. Раньше каждый селится там, где хотел. А что? Места всем хватит, приходи и живи. Живи как знаешь, как обычай твой велит. Никто соседям свой закон не навязывал. Только стало все в последнее время меняться. Стали приходить из-за моря люди в железных шлемах, с длинными и острыми мечами, стали говорить: «Это мое, и то мое тоже!» Стали собирать дань. Не по закону, по праву сильного. У кого меч, у того и право. Вот и отгораживаются теперь все крепким тыном. Не от зверя, от человека лихого. А ладожане, чтобы опасность предупредить, поставили в устье Волхова заставу. Постоянно сто-

ят там дозором княжьи дружинники. Берегут покой родной земли.

В развилке сухого, столетнего дуба, меченного Перуном, устроен помост. Сложены на нем сухие дрова и бочонок смолы. В случае опасности только запали, высоко взметнется столб черного дыма. Заметят в самой Ладоге. Там в крепости тоже дозорные стоят. А на заставе, под навесом, вырыты глубокие, теплые землянки. До самого снега живут там люди Ратибора. А как станет Волхов и Нево-озеро, так и нет больше пути в Ладогу. Корабли, они не сани, по льду не ходят. А в бескрайних лесах, окружающих Ладогу, чужакам дороги нет. Сгинешь без проводника, так что и следов никто не найдет. Лес он чужих не любит.

Зато дружинникам летом на заставе привольно, вдали от княжьего и воеводского глаза. Хотя он конечно, князь для кметя что отец, да и отец бывает строг. В крепости для всех всегда найдется у него дело. А на заставе ты вроде сам себе голова. Да какие в лесу дела? Мечи да секиры цавно наточены и смазаны, щиты и доспехи подогнаны, запас стрел по три колчана на лук заготовлен. Вот и промышляют дозорные то рыбу, то птицу, то зверя лесного. Вроде и дело, а вроде и забава. И руки от лука да рогатины не отвыкают. Но и на охоте не забывают удалыцы свою службу. Не даром говорится: делу время, потехе час. На крутом берегу реки, в густых ветвях деревьев, так что никто и не заметит, сделали дружинники гнездо. Трое дозорных всегда на месте. Никто не укроется от их зорких глаз. Только туман может им помешать. Но на этот случай есть на заставе два челна, спрятанные в прибрежных камышах. Их выводят дружинники на середину реки и ставят там на якоря. Тут уж мимо них никто не проскочит незамеченным.

Некрас еще издали почуял дразнящий дымок костра. Он раздул ноздри и жадно втянул в себя этот запах. К дыму костра примешивался сочный дух жаренного мяса. «Видать сегодня дозорщики с добычей, — Некрас сглотнул клейкую, голодную слюну. — Надо бы здесь поосторожней, — решил он, — Ратиборовы люди в лесу, как дома. С ними надо ухо держать востро.» Болдырь по-звериному, не хрустнув ни одной веткой, подобрался довольно близко к заставе. Устроившись в густых зарослях папоротника, он стал наблюдать за поляной перед землянками. Посреди нее, в неглубокой ямке, обложенной по кра-

ям дерном, жарко потрескивал костер. Один из дружинников (он сидел к Некрасу спиной) переворачивал над огнем прутики с нанизанными на них кусочками зверины. Капли мясного сока и жира, падая, шипели на углях. Некрас судорожно сглотнул снова, с трудом оторвав взгляд от чудесного зрелища. «Где же остальные, — он внимательно осмотрел поляну. — А вот они!» Гриди расположились у входа в землянку. Двое, раскинувшись на траве, дремали, еще один чистил лезвие рогатины, а другой, сидя без портов на пеньке, ловко орудовал иглой. Некрас узнал их. Это были Вешняк и Чаян, гриди из десятка Шестака Сухорука.

«Что-то самого десятского не видно?» Некрас знал старого кметя давно. Еще с тех пор, как тот, повредив левую руку, лечился у его матери, Потворы. Тогда в жаркой сече с находниками и разрубило свейское железо запястье Шестака. На чем только и держалась кисть. Никто уж не чаял видеть его о двух руках. Лишь искусство Потворы срастило живую плоть. Но соединить сухожилия не сумела даже старая ведунья. Так и осталась левая рука у Шестака сухой, со скрюченными, точно птичьи коготки, пальцами. Вот и прозвали его Сухорук. Хотя теперь не мог он управляться с луком, зато мечом и секирой владел отменно, вешая на сухую руку легкий круглый щит. Некрас не раз видел, как Шестак, на широком княжьем дворе, брал верх над молодыми отроками, которые были гораздо сильнее его. Но молодым то не обида, а наука. Лучше сейчас получить удар тупым мечом от своего, чем в настоящем бою сложить голову под острым мечом чужака.

«А вот и он!» — Некрас увидел, как на поляну вышел Сухорук с двумя молодыми отроками. На крепкой жерди они несли освежеванную тушу кабана. У Некраса снова засосало под ложечкой. «Эх, мне бы сейчас к их костерку! А что? Шестак же меня знает. Может рискнуть? — Некрас даже привстал на четвереньки. — Нет! — передумал он. — На заставе уже поди получили восточку от князя, а Сухорук вряд ли ослушается княжеского наказа.»

Так и пролежал Некрас почти до самого вечера в кустах. Успел приметить, где у людей Шестака сложены припасы, где снаряда охотничья, да воинская. Только увиденное его не обрадовало. Все они убрали в землянки, лишь пара рогатин была прислонена к дереву, да простой плотницкий топор лежал у костра. «И то поди к ночи

уберут,» — решил Некрас. Кроме того, он успел примечать, где у гридей гнездо, когда те меняли дозорных. Сейчас на дереве были Вешняк и двое молодых, светловолосых отроков, видать из ижор. Тех троих что спустились, Некрас тоже не знал. Оно и не мудрено, Некрас и был-то в дружине у Ратибора без году неделю. Да и ту провел на конюшне, обихаживая княжьих коней. В гридницу его не приглашали, велика честь для парня без роду без племени. Вот и знал он лишь своих, ладожских. А у Ратибора было много и заезжих удальцов. Кто приходил на один поход, а кто оставался надолго.

Когда солнце уже клонилось к верхушкам леса, на закатной стороне Некрас задремал. Хруст сухого сучка под чьей-то ногой насторожил его. Чуть приподнявшись на четвереньки и не высовываясь из папоротника, он стал быстро отползать назад. Вдруг он почувствовал у себя на спине враждебный взгляд. Некрас всегда чувствовал это, волосы у него на затылке становились дыбом, как шерсть на кошащем загривке. «От заставы я уже далеко, — мелькнуло у него в голове, — можно уже бежать!» Некрас вскочил на ноги и бросился к толстому вязу, в случае чего укроет от стрелы. Но чья-то нога ловко сбила его и Некрас с разбегу грохнулся во весь рост, закопавшись в прелых листьях. Когда он вскочил, острый кончик меча, холодный как змеиное жало, покачивался у его груди. Варяг, из людей купца Хаварда, тот, с косым шрамом на лице, недобро улыбался, глядя на Некраса. «До ножа не дотянусь, не успею, — прижавшись спиной к корявому стволу вяза лихорадочно думал Некрас. — Что же делать? Что ему от меня надо?» Он хотел было спросить об этом у варяга, но тот сделал предостерегающий жест. Неожиданно над их головами раздался звонкий стук дятла. Варяг вздрогнул и глянул вверх. «Спасибо пестрому», — Некрас нырнул под меч и ударил противника ногой в пах. Меченый глухо охнул и согнулся пополам. Некрас обрушил оба кулака ему на затылок. Варяг рухнул ему под ноги. Некрас выхватил нож и хищно нацелился под левую лопатку.

— Не делай этого. Не надо, — тихо, но властно произнес голос у него за спиной, а острие меча легонько вонзилось под ребра. Некрас почувствовал как капелька крови скатилась по спине.

— Брось нож, — продолжал тот же голос. Пальцы разжались и засопожник скользнул в траву. Меченый у ног

Некраса завозилса и сел, придерживая рукой затылок. Он злобно смотрел на обидчика, а другой рукой шарил вокруг себя, ища меч.

— Я убью его, хозяин! — тихо прошипел он. — Убью этого щенка!

— Не торопись, Фудри. Всему свое время. — Меч по-прежнему подталкивал Некраса в спину и он, мелко переступая, двигался вперед, пока не уперся лицом в морщинистый ствол вяза. Тогда меч убрали и Некрас развернулся лицом к своим противникам. Как он и думал перед ним стоял купец из Бирки, Хавард Урманин*.

— Что вам от меня надо? — спросил Некрас, настороженно глядя как Фудри с мечом приближается к нему.

Его злая ухмылка не предвещала ничего хорошего и Некрас испугался. Испугался не на шутку, так что спина покрылась липкой, холодной испариной. Глупо, несправедливо умирать так рано. Умирать таким молодым, когда жизнь только начинается. Умирать, оставляя на этом свете своих врагов, и знать, что никто не отомстит за тебя. Умирать смирно, как боров в хлеву, дожидаясь удара своего убийцы.

— Нет, не хочу! — Некрас рухнул на колени и пополз к себе, быстро шепча: — Нет, господин! Не убивай! Я тебе пригожусь. Я могу чистить твоего коня. Я сильный, я могу крутить жернова. Я могу выполнять любую работу. Я все могу, только не убивай! — он попытался обхватить сапоги Хаварда, но тот отпихнул его ногой. Фудри выжидательно глянул на хозяина и сделал выразительный жест рукой у горла.

— Поймай, — остановил его купец и обратился к Некрасу, — что ты тут делаешь? Ты из людей князя Ратибора? — по-словенски он говорил чисто, как будто это была его родная речь.

— Да, я княжий отрок, — Некрас заискивающе улыбнулся, но увидев, как Хавард нахмурился, торопливо продолжал, — только князь Ратибор выгнал меня из дружины. Я зарубил мечом его сына, — приврал он, видя как морщины на лбу свая разгладились. — Я ненавижу князя! Это его люди избили меня, — Некрас почти гордо указала на свою разбитую щеку и затекший глаз.

— Так ты не с заставы? — разочарованно протянул купец и обернулся к Фудри.

— Не убивай, господин! — Некрас снова бросился к

нему и прижался лицом к его руке. — Я сделаю все, что ты хочешь, только не убивай!

— Так ты хочешь жить? — удивился Хавард, глядя как Некрас утвердительно трясет головой. — Жизнь это большая награда и ее надо заслужить, — сказал свей, что-то прикидывая в уме. — Ты можешь провести нас на заставу незаметно? — быстро спросил он.

— Конечно! — выпалил Некрас, не раздумывая. — Только, — он замялся, — на заставе десять воинов.

— Мы убьем их, — спокойно ответил свей. И по тому как он это сказал Некрас понял, что так оно и будет.

— Но вас только двое, — растерялся Некрас.

— Трое, — поправил его Хавард и испытывающе глянул ему в глаза.

— Трое, — согласился Болдырь. — Тогда нам надо напасть ночью, когда они заснут. Сонным легче перерезать горло.

— Мы не будем ждать ночи. Вси, — Хавард поставил Некраса на ноги и слегка подтолкнул в спину. — Ну?

Фудри три раза тявкнул лисой. Ветви кустов вокруг бесшумно раздвинулись и Некрас увидел варягов. Их было много. По крайней мере десятка три. Все были готовы к бою. На головах рогатые шлемы. В руках мечи и секиры. Кожаные куртки с нашитыми стальными бляхами. Некоторые были с крепкими ясеновыми копьями и щитами. Человек десять были с луками. Хавард что-то тихо, но повелительно сказал им и они двинулись вперед. Некрас показывал дорогу. Сзади, почти вплотную к нему шел Фудри. Он зло поглядывал на Некраса и слегка косолапил. Его взгляды не сулили Болдырю ничего хорошего. Некрас догадывался, стоит ему сделать шаг в сторону и меченый с удовольствием проткнет его мечом. Хавард шел спокойно, казалось полностью доверяя проводнику.

Так они дошли до поляны, где находились землянки дозорных. Двое сидели у костра и о чем-то говорили. Остальных видно не было. Хавард приказал своим людям окружить поляну. Лучники по его знаку достали стрелы и наложили их на тетиву. Хавард подозвал одного из них, взял лук и жестом предложил его Некрасу.

— Ну, покажи чему тебя учили у князя Ратибора, — тихо сказал свей. — Только смотри не промахнись, — он красноречиво подмигнул Фудри.

Некрас взял лук. Оружие придало ему уверенности и злости. Спина дружинника в белой холщевой рубахе бы-

ла ему хорошо видна. Он видел его загорелую шею, мягкие волосы на затылке. Видел, как мелко трясутся его плечи от смеха. Видно его товарищ рассказывал что-то веселое. Некрас вскинул лук. «Смеешься, — почему-то озлился Болдырь. — И надо мной бы поди так же тешились, коли взяли бы меня у матери! Теперь я потешусь! И посмотрим кто веселее.» Он натянул тетиву и уже ни о чем не думая, выстрелил. Стрела с тяжелым трехгранным наконечником ударила grids между лопаток. Он рухнул лицом в костер. Его товарищ, не успев подняться, был сражен сразу тремя стрелами. Он повалился на бок и прохрипел: «Тревога...» Молодой отрок-ижор, которого Некрас видел утром, был убит на пороге землянки. Стрела попала ему в сердце. Он так и рухнул, не закрыв свои серые удивленные глаза.

— Не самый плохой выстрел, который я видел, — Хавард одобрительно хлопнул Некраса по плечу. — Держи, — он передал ему колчан полный стрел и его нож.

— Я не подведу, господин, — Некрас благодарно улыбнулся. — Надо спешить, — сказал он указывая на поляну.

Здоровенный свей с всклоченной, рыжей бородой, с широкой секирой в руках, выбежал вперед. Не отставая, за ним бежали люди Хаварда. На пороге землянки их ждал Шестак Сухорук. «Быстро он успел снарядиться», — оценил сноровку седоусого воина Некрас. Десятский был в кольчуге и шлеме, с мечом в руке. Шестак стоял на нижней ступеньке и оттого казался рядом со своим совсем маленьким. Рыжий замахнулся секирой. Еще миг и чудовищной силы удар разрубит старого кмета. Сухорук резко выбросил правую руку вперед. Короткое движение снизу вверх. Варяг замер, недоуменно глядя широко раскрытыми глазами. Пальцы его разжались, секира выпала из рук, а сам он стал медленно оседать. Меч десятского глубоко рассек ему живот, так что кишки вывалились наружу. Свей замычал и попытался отползти в сторону. Его внутренности тянулись за ним длинной кровавой лентой. Десятский переступил через него и приготовился встретить других. Ему на помощь из землянки выскочил Чаян и еще два отрока. Все были готовы к бою.

— Чаян! Запали костер! — крикнул десятский, отбивая удар щитом.

Один из Чаяновых отроков бросился к костру, выхватил оттуда большую, пылающую головню и побежал к сухому дубу. Как из-под земли вырос перед ним Фудри,

но отрок с разбега ударил его щитом. Фудри отлетел в сторону. Сбросив с руки щит, молодой воин ухватился за нижний сук. Звонко пропела тетива. Тяжелая стрела пробила ему предплечье. Выронив головню, он со стоном повалился в траву. Двое подоспевших варягов обрушили на него свои секиры.

Чаян и другой гридень, встав спиной друг к другу, защищались от пяти наседавших на них врагов. Сухорук, ловко отбивая удары, медленно отходил под натиском трех свеев. Его щит в нескольких местах был пробит вражеским железом. Вот он неловко оступился и тут же получил удар. Длинный варяжский меч скользнул по шлему, сорвав кожу с левой щеки. Сухорук упал на правое колено, пытаясь закрыться щитом. Молодой варяг с победным криком бросился к нему, но тут же рухнул напоровшись на меч. Старый кметь ударил наверняка, под щит, перерубив врагу обе голени. Двое остальных замерли на месте и Шестак поднялся, прислонившись спиной к дереву.

— Чаян! Гордей! — позвал он своих. — Уходите к берегу! Надо предупредить воеводу!

— А ты как же? — крикнул Чаян. Двух находников зарубили они, но и Гордей пал под свейскими мечами.

— Уходи! — Сухорук зло усмехнулся. — Меня уж в ирие* заждались. Вот может прихвачу с собой пару попугайчиков.

Чаян свалил мечом третьего варяга и бросился в образовавшийся проход. Закинув щит за спину, он быстро побежал, петляя между деревьями, к берегу Волхова. Десяток свеев во главе с Фудри бросились за ним. Шестак остался стоять, прислонившись спиной к сухому дубу. Тяжело дыша, он ждал нападения врагов. Изрубленный щит он бросил и теперь стоял, чуть выставив вперед левую руку, крепко сжимая правой верный меч. Рана на щеке сочилась свежей кровью. Хавард вышел вперед своих воинов.

— А-а, Урманин, — узнал его десятский. — Так-то ты торговать приехал?

— У каждого свое ремесло, — холодно ответил купец.

— Ты хочешь сказать, что тебе больше по душе меч, чем весы? Так сразись со мной! — предложил ему Сухорук.

— Ты неплохой воин и скрестить с тобой клинки большая честь. Говорю тебе как мастер боя на мечах. Но

сейчас я спешу, — даже как бы с сожалением Хавард покачал головой. — Если ты не бросишь оружия, тебя лишат жизни.

— К чему жизнь, без чести? — презрительно скривил губы старый воин. — Я готов!

— Пусть будет так, — Хавард сделал знак своим людям.

Трое варягов, закрывшись щитами, с длинными копьями наперевес устремились к Сухоруку. Одно копьё он сумел отбросить левой рукой, второе перерубил мечом, но третье, разорвав стальные кольца кольчуги, вонзилось ему в грудь. Шестак напрягся, собрав последние силы, и попытался достать врага мечом. Напрасно. Прикрывшись щитом, своей налегал на копьё, вгоняя его глубже в тело. Так и остался стоять десятский у дуба, с мечом в руке, глядя на врагов страшными, мертвыми глазами. Только ветерок легко трепал его длинные усы, да седую прядь волос, выбившихся из-под шлема.

Свеи сгрудились вокруг убитого. Они настороженно разглядывали словенина, словно опасаясь, что он снова ринется в бой.

— Совсем старик, — разочарованно бросил один из молодых воинов.

— Старик, старик, а Харду Рыжему выпустил кишки. Да и Грим без ног теперь калека, — проворчал другой.

— У-у, старый пес, чего вытаращил глазищи? — третий шагнул к мертвому, намереваясь выколоть ему глаза.

— Ты ведешь себя недостойно, Гнуп, — твердая рука Хаварда остановила его. Все знают, что Грим твой брат, но словенин уже мертв. Он был славным воином и встретил смерть как подобает. Не тревожь его, — воин нехотя отступил. — Бой еще не закончен, — Хавард махнул мечом в сторону реки. — Поспешим туда.

Когда свеи подошли к тому месту, где среди ветвей было укрыто гнездо дозорных, Некрас увидел Чаяна. Он лежал под деревом, пронзенный двумя копьями. Его победители лежали рядом. Одному стрела пробила горло, другому попала в глаз. Кроме того, Некрас заметил одного варяга, который рукой зажимал рану на плече. Сквозь пальцы сочилась кровь. Рядом, на земле лежала вырванная из раны стрела.

— Никак не пойму, где они, хозяин, — раздосадованный Фудри подлетел к Хаварду. — Носа не дают высунуть на поляну. Вот, — он показал свое ухо. Мочка была почти

оторвана стрелой. — Еще на два пальца вправо и все, — меченый скорчил выразительную гримасу.

— Я знаю где они, — шагнул вперед Болдырь. — Вешняк и его люди вон там, — он указал на крону развесисто-го дуба.

— Где? — Хавард и Фудри выглянули из-за укрывшего их ствола. — Там ничего нет, — но словно в подтверждение слов Некраса длинная тростниковая стрела вонзилась в дерево всего на вершок от головы Хаварда. Варяги быстро вернулись в укрытие.

— Скоро стемнеет, с ними надо быстрее кончать, — Хавард посмотрел на Некраса. Тот услужливо закивал головой.

— Ты, господин, выведи своих людей на поляну, только пусть они хорошенько укроются щитами, — торопливо добавил Некрас, видя как нахмурился старый свей. — Вы отвлечете их на себя, а я с лучниками уж управлюсь. Только прикажи им стрелять туда же, куда и я.

— Ладно, время не терпит, — Хавард отдал необходимые приказания. — Если все получится как ты говоришь, я расскажу о тебе конунгу Олаву. Он щедро наградит тебя.

Люди Хаварда, укрывшись сомкнутыми щитами, медленно двинулись вперед. Сразу же, будто дождь по крыше, по щитам забарабанили стрелы. Некрас тщательно прицелился и спустил тетиву. Его стрела описала плавную дугу и скрылась в листве. Сразу же за ней туда нырнул еще десяток, выпущенный свейскими лучниками. Наверху раздался сдавленный стон и, ломая ветки, вниз упало тело убитого воина. Две стрелы пробили ему грудь. Лучники выстрелили еще два раза. Свей, закрывшиеся щитами, подошли вплотную к дубу, но по ним больше никто не стрелял. Хавард сделал знак Фудри и тот ловко, по-беличьи вскарабкался на дерево.

— Тут еще один, хозяин, — раздался сверху его голос.

— Их было трое, — удивился Некрас. — Где же еще один?

— Ты все там осмотрел внимательно, Фудри? — с тревогой спросил Хавард.

Если уйдет живым хоть один, мы старались напрасно.

— Говорю, что тут больше никого нет, — ответил меченый. — Если только он, конечно, не превратился в муху.

— Вон он, — крикнул Гнуп. — Я вижу его!

Некрас обернулся и тоже увидел Вешняка. Еще чуть-чуть и воин спрыгнет с обрыва. Болдырь вскинул лук и выстрелил почти не целясь. Стрела попала в широкую спину гридя. Он покачнулся, сделал еще несколько шагов и рухнул лицом вперед. Раздался всплеск воды. Гнуп подбежал к обрыву.

— Готов, — удовлетворенно сообщил он.

— А ты молодец, парень, — Хавард хлопнул Некраса по плечу. — Из тебя будет толк!

* * *

— Глупая, — сочувственно обняла сестру Улита. — Сама прогнала, а теперь ревешь.

— Так ведь он с другой целовался, — всхлипнула Горислава.

— Ну ладно, ладно, — утешила старшая, — на-ко вот, водицы испей, — она поднесла Гориславе маленький деревянный ковш.

Сестры сидели на скамье, на высоких сенях. Сени были новые, как и весь дом купца Пленко. Ставил его купец при молодом месяце, чтобы прибыток в новом доме рос так же, как и его серебряный лик. Как раз поспел Пленко к свадьбе, ввел в новый дом новую хозяйку. И дом выделялся своим светлым, еще не успевшим потемнеть деревом, среди приземистых, дубовых клетей запасливого купца, нарядный, словно невеста. Стоял он в глубине двора и от ворот к нему вела мостовая, вымощенная крепкими плахами. Заканчивалась она у неширокой лестницы с резными перилами. Лестница вела наверх, на решетчатые сени, которые поддерживали высокие столбы. Отсюда был виден весь двор, ворота и часть улицы за частоколом.

Сейчас в усадьбе Пленко было немногочленно. Всю челядь купец забрал с собой в Киев. Только старого Ахти с его женой оставил дома. Какой прок от старика в пути? А здесь и за двором приглядит, и хозяйке поможет. Много лет прошло с тех пор, как отец Пленко, тогда еще молодой Данислав, привел Ахти с полоном. Прижился корел в Ладогe, тут и остался, женился, свою избу поставил на хозяйском дворе. Только вот детей у него не было. Когда же у Данислава родился первенец, привязался Ахти к хозяйскому сыну, как к родному. А когда вошел Пленко в возраст и поставил собственную усадьбу, старый Ахти поселился у него. Пленко доверял старику, как

себе. Вот и оставил ему на попечение самое дорогое — молодую жену. Был Ахти в хозяйстве сведущ, да и помочь мог не только советом. Как и все корелы знал он слово заветное, звериное, потому вся скотина на купеческом подворье была на нем. Вот и сейчас он не сидел без дела, а ворошил сено, хоть было оно и без того сухим. Огромный, лохматый пес Черныш, весело прыгал вокруг хозяина. Начинало смеркаться. Черныш вдруг остановился и настороженно повернувшись к воротам, глухо зарычал.

— Что, Мусти, чужого учуял? — ласково потрепал его по загривку старик. Опершись на вилы, он повернулся в сторону ворот. Там стоял юноша в белой холщовой рубаше, вышитой по вороту. Ахти узнал его. Это был Вадим, сын князя Ратибора.

— Здрав будь, добрый человек, — поздоровался он со стариком.

— И ты здравствуй, княжий сын, — ответил Ахти невозмутимо. — Али потерял чего? — поинтересовался он. — Княжий двор-то в другой стороне, а уж темнеет.

— Да нет, ничего не потерял, — замялся Вадим. — К хозяйке вот твоей пришел.

— Ай, ай, ай, — покачал головой корел и хитро улыбнулся. — Не лучшее время ты выбрал ходить в гости. Хозяина нет дома, а он сильно не любит, когда без него гости приходят к хозяйке.

— Так ведь я не к Улите, — смутился юноша, — я к Гориславе.

— А-а, — старый Ахти сделал вид, что наконец понял. — Вон и моя хозяйка, и ее гостя, — он показал Вадиму на сени.

Девушки уже давно его заметили и о чем-то оживленно перешептывались. Вадим глубоко вздохнул и решительно зашагал к лестнице, ведущей на сени. Пока он шел через двор, до него долетело: «...пусть уходит.., да ты хоть выслушай его!» Вадим быстро вбежал по крутой лестнице, но увидев заплаканное лицо Гориславы, остановился на последней ступеньке. Вся его решительность исчезла и он чувствовал себя мальчишкой, пойманным в чужом саду.

— С чем пожаловал к нам гость дорогой? — смешливо, но ободряюще начала Улита. — Чем потешишь, что скажешь? Говори скорей, а то поздно уже, да и дела у меня.

— Мне бы, Улита Гостомысловна, с Гориславой поговорить, — при этих словах Горислава судорожно уцепилась одной рукой за сестру. В другой у нее мелко дрожал ковшик с водой.

— Нет, не уходи, — умоляюще посмотрела она на Улиту. — Не о чем нам с ним говорить!

— Гориславушка, выслушай... — начал было Вадим.

— Слышать ничего не хочу, — резко оборвала его Горислава. — Я сама все видела!

— Ну выслушай ты его, — тихо уговаривала ее Улита, ласково глядя по руке. — Может все и не так было, — за спиной сестры она кивнула Вадиму, чтобы он подошел поближе.

— Не так? — всхлипнула Горислава. — А может и браслет он Зарянке не дарил? И не целовал ее?

— Гориславушка, так то же я ей от Ратши передал, — переступил Вадим последнюю ступеньку. Теперь он стоял прямо перед Гориславой. — И не целовал я ее вовсе, — сказал он оправдываясь, но потом поправился, — вернее поцеловал, да только в щеку.

— В щеку! — взвилась Горислава и выплеснула полный ковш в лицо Вадима. — В щеку! — она хотела еще что-то добавить, не увидев как побледнел Вадим, как гневно он сдвинул брови, растерялась.

— Спасибо вам за привет, за ласку, хозяйки дорогие, — криво усмехнулся юноша, видя как Горислава испуганно юркнула за спину сестры.

— Что же ты так быстро засобирался? — Улита растерялась не меньше Гориславы и не знала что сказать. — Может посидишь еще? — предложила она первое, что пришло ей в голову. — Поговорим...

— Нет уж, — повернулся он к ним спиной, — хватит, наговорился, — и не задерживаясь пошел прочь со двора.

— Вадимушка! — бросилась было за ним Горислава, но остановилась на краю лестницы. Вадим даже не обернулся.

— Что же делать-то теперь? — зарыдала Горислава, уткнувшись в грудь Улите.

— Пойдем-ка спать, утро вечера мудреней, — повела ее в дом старшая сестра. — Если любит, никуда он не денется, сам придет. Ахти, — обратилась она к старому корелу, — ты ворота на ночь запри, да пусти Черныша во двор.

— Все сделаю, хозяйка, — отозвался старик.

Когда Ахти управился с сеном и закрыл ворота на тяжелый дубовый засов, уже совсем стемнело. Жена Ахти, старая Сеунн, давно приготовила ему постель. Он еще немного постоял справа от дома Пленко. Посмотрел на звезды, на выкованный небесным кузнецом Илмайллине серебряный серп месяца. Повздыхал, поскреб за ушами у вертевшего рядом Черныша и отправился спать. В этот вечер Ахти долго не мог заснуть. Кряхтел, ворочался, устраиваясь поудобнее, вставал, подходил к кадке с водой, долго пил, ложился снова, но сон не шел. Поэтому когда Черныш громко залаял во дворе, а потом кто-то застучал в ворота, Ахти не удивился. И проворчал больше для порядка:

— Кого там принесло посреди ночи?

Он хотел было прихватить рогатину, стоявшую у двери, но потом передумал и вышел во двор с зажженной лучиной. Черныш метался около ворот и громко лаял на кого-то. Ахти подозвал собаку к себе. В ворота снова застучали.

— Кого там несет, когда все честные люди давно спят? — недовольно крикнул старик через частокол.

— Открывай, — ответил из-за тына молодой голос. — Мне нужно видеть Гориславу!

— Это ты, княжий сын? — спросил Ахти и наставительно продолжал. — Негоже тебе по ночам таскаться по чужим дворам. Дурной пример ты показываешь всем. Иди домой, а если у тебя есть дело к госте моей хозяйки, приходи утром..., — он хотел что-то добавить, но Вадим оборвал его.

— Открывай старик! Не то я перелезу через тын!

— Не советовал бы я тебе этого делать, — насмешливо отвечал старый корел. — Хотя, если тебе не жаль твою новую рубаху, можешь попробовать!

— Кто там, Ахти? — раздался с сеней голос Улиты.

— Да вот давешний гость, хозяйка, — Ахти повернулся к ней лицом и спросил. — Что мне с ним делать?

Она не успела ответить, поскольку над частоколом показалась голова Вадима. Ухватившись за концы двух кольев, юноша подтянулся, перекинул ноги через тын и собирался прыгнуть во двор, но Черныш опередил его. Пес высоко подпрыгнул. Громко щелкнули его клыки и Черныш вместе со своей добычей рухнул вниз.

— Вадим! — пронзительно закричала сверху Горисла-

ва и стремглав бросилась по крутым ступеням лестницы во двор.

— Ахти! Убери собаку! — приказала Улита.

Старый корел, бросив лучину, поспешил на помощь княжичу. Он оттащил упирающегося и рычащего пса от его жертвы. Вадим лежал лицом вниз. Рубаха по подолу была разорвана в клочья. Он совсем не подавал признаков жизни. Горислава опустилась на колени и попыталась перевернуть его. Слезы не переставая текли по ее лицу. Когда она переворачивала его, юноша застонал.

— Вадимушка! Любый мой, тебе больно? — всхлипывая, склонилась над ним Горислава.

— Да, — выдохнул он в ответ, а чуть погодя, с трудом шевеля губами, тихо спросил. — Ты меня простишь, Гориславушка?

— За что? — прижала она его голову к груди.

— За браслет, за Ратшу.., — начал он.

— Да я уже и забыла все, — улыбнулась она сквозь слезы. — Ты меня прости за ковшик, — она просительно заглянула ему в глаза.

— Значит забудем все? — Вадим попытался сесть. Одной рукой он уперся в землю, а другой обнял Гориславу.

— Забудем! — почти счастливо улыбнулась она.

— А у меня для тебя подарок есть! — Вадим сидел уже как ни в чем не бывало, но одной рукой по-прежнему обнимал Гориславу. На ладони он протягивал ей свой подарок. В это время облака закрыли месяц и девушка не могла разобрать, что это такое. Однако, она отчетливо почувствовала диковинный аромат. Он был как далекий, далеский зов, как воспоминание о чем-то давно забытом, как дивный сон.

— Мирра! — радостно прошептала она и ощутила дыхание Вадима на своих губах. Его губы были мягкими и робкими. Зато руки все увереннее прижимали ее к себе. Поцелуй длился долго. У Гориславы даже дух захватило, а в глазах поплыли огненные круги. Она обессиленно опустила голову на плечо Вадима. Сколько они так сидели она не знала и лишь насмешливый голос Улиты привел ее в себя.

— Ну что, голубки, помирились? — Улита стояла над ними, уперев руки в боки и улыбалась. — Спать-то вы сегодня собираетесь? Или так и будете сидеть до рассвета?

— Да и вправду поздно, — Вадим поднялся и помог Гориславе.

— Вот, вот, а я тебе что говорил? — вставил свое слово старый Ахти. — Вон и рубаху тебе Мусту всю изодрал. Теперь не то что князь, а и холоп-запечник ее не наденет.

— Ничего, — Вадим, улыбнувшись, прижал к себе Гориславу. — Мне рубахи не жалко.

— Ради такой красавицы, конечно, ничего не жалко, — одобрительно проворчал корел. — Я бы ради своей Айно лет сорок назад тоже ничего не пожалел.

— Когда же теперь сватов ждать? — поинтересовалась Улита у сестры.

— Не знаю еще, — потупилась Горислава.

— Отец сказал, что как вернется из Киева, да Ратмиру жену сыщут, тогда и наш черед придет, — Вадим с важным видом поправил на себе остатки рубахи.

— Ох и наряд у тебя, зятек, — прыснула Улита, глядя на него.

— Давай хоть дыры зашьем, — спохватилась Горислава.

— Да не надо. Пойду я, поздно уже, — отнекивался Вадим.

— Ну, как знаешь. Тебе видней, — Улита подошла к сестре. — Времени у невесты еще много. Она к свадьбе тебе такую рубашку сошьешь, ахнешь, — она лукаво подмигнула Гориславе и подтолкнула ее локтем в бок. — Правду я говорю, невеста?

— Месяц всего живешь с Пленко, а стала такая же как он, насмешница, — возмутилась Горислава.

— Так месяц, как свадьбу сыграли, — смеясь, отвечала Улита. — А до этого столько ждали, сколько сейчас вам осталось. Ну, покойной ночи, зятек, — она подхватила Гориславу за талию и повела к дому.

— И вам ночи покойной, снов красивых, — поклонился Вадим им вслед. — Значит, увидимся завтра, Гориславушка?

— Увидимся, — ответила девушка уже со востока. Где-то наверху, в темноте скрипнула закрываемая дверь.

— Пойдем, княжий сын, — тронул его за плечо Ахти. — Выпущу тебя через ворота. Не лезть же тебе снова через тын.

От усадьбы Пленко Вадим направился к реке. Он знал, что ворота в крепость уже закрыты, поэтому с вечера оставил свой челн в камышах. Возвращаться домой не хотелось. Не смотря на примирение с Гориславой, на душе было как-то беспокойно. Какое-то предчувствие то-

мило его. Звезды тревожно помаргивали в разрывах облаков, а месяц, когда показывал свой лик, был мертвенно бледен. Где-то в лесу, на другом берегу реки, глухо ухнул филин. Вадим вздрогнул. «Надо же, — подумал он. — Вот уж третью ночь, то водяной, то нечисть всякая. Тьфу, — в сердцах сплюнул он, — что за напасть!» Юноша сел в челн, но в крепость сразу не поплыл. Долго греб против течения, тешась упругим сопротивлением воды. Старик Волхов ворчал незлобливо за бортом. Из-под весла шарахнулась в сторону выхухоль. Вадим даже рассмеялся, увидев испуганную мордочку зверька.

После усиленной гребли сердце гулко билось в груди. Развернув челн по течению, Вадим огляделся. Справа были дворы свеев, обнесенные единой оградой. Слева маячили верхушки леса. В том лесу, в урочище Плакун, хоронили варяги своих умерших. Вадим бывал там. Видел насыпанные северными мореходами курганы. В них, говорили знающие люди, скрыт не только прах покойников, но и бесценные сокровища, красное золото, блестящее серебро. Вот только добыть их мог не всякий. Лишь знающему верное слово могут достаться они. А беспечному смельчаку, что надеется на собственную силу, преградит дорогу курганный дух, страж сокровищ. Или сам покойник, раскрыв остекленелые глаза, схватит костлявой рукой за горло. Вадим поежился и хотел было продолжать своей путь, как чье-то маленькое мохнатое тельце, чиркнув крылом по лицу, запуталось в волосах и противно запищало. Он схватил непрошеного попутчика и почувствовал скользкие, перепончатые крылья с маленькими коготками. С отвращением Вадим отшвырнул от себя нетопыря и тот с жалобным писком растворился во мраке. «Ночница! — куда-то в пятки ухнуло сердце. — Вот так всегда, только подумаешь о мертвецах, а они тут как тут! Пращур-заступник, оборони, защити, помоги!» — быстро бормотал Вадим. Он схватил весло и сильными гребками повел челн к крепости.

Выскочив на берег близ знакомого камня, юноша завел свой челн в камыши. Здесь он заметил другую долбленку, только брошена она была без привязи. Да и вода плескалась внутри чуть не на половину, так что челнок едва держался на воде. Словно и не лодка, а простое бревно. «Странно», — Вадим пожал плечами. В этом месте могли причалить только свои. О тайной тропке ведали лишь люди Ратибора. Да и челнок был знакомый, вроде

того, что имелся на заставе. «Может из гридей кто? — думал Вадим, привязывая его рядом со своим. — Может весть привезли с устья? Нет, не похоже. Челнок тогда так бы не бросили. А, может, пьяный кто куролесит?» — Вадим неодобрительно покачал головой. — «Не успел отец уехать, как уж и загулял кто-то, — юноша стал подниматься в крепость, вверх по тропе. — Сказать об этом воеводе? Ярый суров, особенно в таком деле. Просто так с рук не спустит. Ладно, — решил он. — Узнаю кто с заставы прибыл, а там погляжу, сказывать Ярому или нет.»

Примерно на середине тропы лежал человек. Он лежал на левом боку, выбросив вперед обе руки. Одежда на нем была мокрая и грязная. «Видно от самой реки полз бедняга», — в душе у Вадима шевельнулось сочувствие. Он тронул человека за плечо и тот повалился на спину, не то замычав, не то застонав. «Совсем лыка не вяжет, — юноша подхватил его под мышки и попытался приподнять. — Да это же Вешняк! — узнал он гридя с заставы. — Где же это он так нахлестался?» — рука Вадима скользнула по спине воина и он почувствовал что-то липкое. Прислонив кметя к большому валуну, Вадим поглядел на свою ладонь. «Кровь!» — вздрогнул он и снова быстро ощупал спину Вешняка. Между лопаток торчал обломок стрелы. Когда Вадим дотронулся до него, Вешняк застонал и открыл глаза. Они были мутными от боли и ничего не видели, но из запекшихся губ вылетал какой-то хрип. Вадим склонился над ним, пытаясь разобрать что-нибудь. «...Свеи... всех... посекли...» — едва уловил, — «...Воеводе...» — прохрипел Вешняк и затих.

Как взвалил гридя на себя, как обливаясь потом тащил его вверх, как протиснулся со своей ношей через узкий лаз, что говорил воеводе и невесть откуда взявшемуся Гостомыслу, Вадим не помнил. Не видел он как забегали по широкому князьему двору отроки с факелами, поднимая всех и разнося недобрую весть. Не видел, как споро снаряжались дружинники Ярого, как открывали челядинцы Гостомысла его клетки, вынося во двор щиты, кольчуги, топоры и копья. Только гул вечевого била, тревожно ухнувшего в ночи, вернул его к действительности. Тут увидел он мать Висту, которая бинтовала рану Вешняка, увидел всполохи факелов на холодной стали, услышал топот ног в доме и на дворе, испуганное перешептывание рабынь. И тут вспомнил он о Гориславе.

— Ты куда? — крикнула ему вдогонку мать Виста. Ничего не ответив, Вадим снова побежал к реке.

* * *

Человек Хаварда прибежал, когда уже почти стемнело.

— Путь свободен, конунг! — еще издали радостно крикнул он. Тяжело протопав по еловым сходням Фудри вбежал на корабль. Люди Олава тут же взялись за дело. Одни втянули на корабль сходни, другие поднимали якоря, третьи вставляли весла в уключины. Один за другим корабли отходили от берега. Было их всего восемь.

— Что у Хаварда? — не оборачиваясь бросил конунг гонцу. Он стоял на носу «Медведя» и пристально всматривался вперед.

— Всех дозорных отправили в Хель, — широко осклабился тот.

— Сколько их было?

— Десять человек.

— Они сражались?

— Еще как! Уложили пятерых наших, не считая раненных.

— Вы напали внезапно?

— Да. Один щенок, из местных, указал нам путь к заставе.

— Где он? — конунг заинтересованно обернулся к гонцу.

— Там, у хозяина, — мотнул Фудри головой в сторону реки. Его лицо, пересеченное глубоким, косым рубцом было недовольно.

— Ты что зол на него? — удивился Олав. — Он же помог вам.

— Все равно его надо было убить, — утрюмо проворчал тот.

— Я вижу, ты не очень любишь наших друзей в этой стране.

— Да нет, — поморщился Фудри. — Я ничего не имею против предателей.

— Ладно, — согласился Олав. — Если не хочешь рассказывать, я спрошу у Заварда. Ты принес и хорошую и плохую весть, — продолжал он. — Хорошо, что с заставы никто не ушел. Значит мы нападём внезапно. Но если даже при внезапном нападении мы теряем своего воина за двух врагов — это слишком много!

— Да уж, — подтвердил Фудри, — словене не дурные воины. И многим сегодня придется пировать в чертогах Одина.

Конунг замолчал, задумавшись о чем-то своем. Фудри не стал тревожить его. Тишину сумерек нарушал только скрип уключин, да плеск воды под веслами. В том месте, где была застава ладожан, конунга ждали люди Хаварда. Под обрывом было глубоко и корабль подошел близко к берегу. Воины взошли на палубу и столпились вокруг мачты. Слева, почти к самому борту «Медведя» встал «Ворон», корабль упсальских хевдингов Эйрика и Свейна. Братья перешли на дракар Олава. Здесь же находились Хавард, Фудри и Заскульд, кормчий «Медведя». Олав оглядел собравшихся и начал:

— Удача сопутствует нам. Хавард неплохо начал. Теперь наш черед. Ты, храбрый Эйрик, с двумя кораблями нападешь на данов, — обратился конунг к старшему из братьев. — Это не легкое дело. У Рольфа из Хедебю много людей.

— Да, у них с Вульфстаном и Торгримом около двух сотен, — подтвердил Хавард. — Там же и люди Радеботта из Арконы.

— Но я думаю ты, Эйрик, справишься с ними, — продолжал Олав.

— Я уничтожу данов, пусть их там будет хоть десять сотен, — ответил Эйрик, презрительно скривив свои тонкие губы.

— Конунг! — обратился к Олаву Фудри. — Разрешите мне пойти вместе с ними. У меня с Рольфом особые счеты. Да и те места я знаю неплохо.

— Хорошо, — согласился конунг. — Ты же, отважный Свейн, — обратился он к младшему брату Эйрика. — Нападешь на словенскую крепость. Люди Гуннара Быка будут ждать тебя там. — Свейн молча кивнул. Среди присутствующих он был самым молодым и впервые участвовал в викингском походе.

— В крепости небольшая дружина, — Олав ободряюще улыбнулся Свейну. — Твоих людей и людей Гуннара должно хватить. Сколько воинов осталось в крепости? — спросил он у Хаварда.

— Я думаю, десятков пять, — ответил купец.

— Мы с Хавардом нападём на рабов. Потом подождем Посад. Главное действовать быстро. Внезапность удвоит наши силы. Тех, кто сопротивляется, не щадить.

Остальных в плен. Добычу соберем утром. Сначала надо уничтожить врагов, — Олав говорил резко, словно рубил слова мечом. — Поход будет удачным. Боги послали мне доброе знамение.

Когда упсальцы вместе с Фудри отправились на свои корабли, Олав обернулся к Хаварду.

— Твой человек сказал мне, что вам кто-то помог?

— Да, один мальчишка, — кивнул Хавард. — Без него мы бы не справились. Он сам уложил из лука двоих словенских воинов и показал место их засады.

— Молодец! — довольно хмыкнул Олав. — Такие люди нам пригодятся. Надо бы его наградить.

— Я сам хотел попросить тебя об этом, — признался купец.

— Так где же он? — спросил конунг.

— Да вон он, — Хавард кивнул в сторону мачты, где толпились его люди. — Тот с подбитым глазом. Говорит, что зарубил княжьего сына. Вот ему и досталось.

— Ладно, скажи ему, чтобы держался рядом с нами. Я хочу на него посмотреть в деле. Да, а что твой Фудри не очень-то благодарен ему?

— Еще бы, — засмеялся купец. — Ты заметил, что Фудри ходит, словно весь день не слезал с коня? Так вот, этот словенин чуть было не отбил у Фудри охоту иметь детей.

В свейском поселке конунга уже ждали. Люди Хаварда заранее приготовили большие кучи хвороста и теперь запалили их, осветив место высадки. Остановленные цепкими лапами якорей пять кораблей замерли у берега. С обоих бортов на мелководье прыгали воины. Отблески костров плясали на воде, на лезвиях мечей и секир, на железных шлемах.

— Хаскульд! — приказал конунг своему кормчему. — Оставь себе три десятка человек. Будешь охранять корабли. Остальные пойдут со мной.

Языки пламени дрожали в глазах Олава. Его ноздри были широко раздуты, словно он чувствовал запах битвы. На конунге была кожаная куртка, обшитая на груди стальными пластинами. Круглый, красный щит со стальным умбоном посередине закрывал его от плеча до колена. На голове был железный шлем с искусно укрепленными бычьими рогами. Синий, шелковый плащ Олав сбросил на палубу «Медведя».

— Вылитый Бьерн! — восхищенно шепнул Агмунд

Хаварду. Старый воин стоял чуть сзади конунга и держал его стяг. На широком, зеленом полотнище, оскалив хищную пасть и выставив вперед когтистые лапы, стоял черный медведь. Он как и его хозяин был готов ринуться в битву. Рядом с Агмундом были телохранители конунга, не знающие страха берсерки* Храпп, Льот и Халли. У них в руках были только щиты и секиры, с рукоятями обвитыми серебряной нитью. Тут же, стараясь держаться ближе к Хаварду, стоял Некрас со своим луком. Олав, обернувшись к ним, сделал знак следовать за собой и шагнул во взбаламученную сотнями ног воду. На берегу Олава обступили его воины.

— Приказывай, конунг! — выступил вперед Торольв Гет*, кормчий «Коршуна». — Твои люди ждут.

— Все должно делаться быстро! Сначала арабы. Потом словене, — громко говорил Олав. — Чтобы в темноте не порубить своих, пусть каждый третий воин возьмет факел. Тех кто сопротивляется не щадить. Остальных в плен.

Олав выхватил меч. На стальной клинок легли кровавые блики. Неожиданно со стороны крепости раздался гулкий, тягучий удар. Потом еще и еще.

— Словене бьют тревогу! — встревожился Хавард.

— Медлить нельзя! — крикнул Олав. — В быстроте наша удача, вперед!

Три сотни воинов ускоренным шагом двинулись к Полю. словно волчья стая, сверкая желтыми зрачками факелов, бросились викинги на добычу. Вот и арабские шатры. Меч с треском распорол полог. Ноги конунга потонули в пушистом ворсе хорасанских ковров. Берсерки возбужденно дышали в затылок. Их факелы осветили полуодетого араба, стоящего среди разбросанных подушек. В глазах, вместе с отблесками факелов, плясал смертельный ужас, а непослушные руки тянули из ножен кривой кинжал. Олав шагнул к нему. Удар меча, слева наискосок. Разрубленное тело с глухим стуком упало на землю. Запах теплой крови ударил в ноздри. Запах смерти. Запах победы. Из опрокинутого резного ларца, серебряно-тенькая выливалась струйка дирхемов, смешиваясь с густеющей кровью. Олав восхищенно замер. Что может быть лучше, чем кровь врага и сокровища, добытые в битве!?

В палатку вбежал еще один араб, видно слуга убитого.

Храпп с глухим выдохом опустил секиру ему на голову. Араб упал, даже не вскрикнув. Льот и Халли склонились над ним и осветили убитого факелами.

— Дошел до зубов, — удовлетворенно сказал Халли, показывая рану от топора. — Неплохой удар.

— Можно было и до плеч, — возразил Льот.

— Хватит болтать, — оборвал их Храпп. — Идем за конунгом.

Когда они вышли из шатра, крутом метался дымный свет факелов, слышались хрипы умирающих, крики о пощаде, отчаянный женский плач. Воины со всех сторон тащили мотки дорогих тканей, связки мехов, ковры, ларцы, кувшины, блюда, бочонки, котлы, тюки с благовониями, мешки пряностей, вели пленников. Где-то испуганно ржали кони, где-то звенели клинки, в воздухе пересвистывались стрелы. Олав с улыбкой слушал этот ни с чем не сравнимый шум битвы. Вдруг лицо конунга нахмурилось. Он увидел, как один из викингов, подхватив правой рукой отбивающуюся девчонку, другой ловко растегивал свои штаны.

— Кажется он решил задрать ей юбку, — обратился конунг к берсеркам.

— Похоже на то, — согласился Храпп.

— Как раз самое время, — загоготал Халли.

— Я пойду остужу его пыл? — предложил Льот. Олав утвердительно кивнул.

Льот подошел к викингу, который пытался устроиться поверх девицы и дал ему крепкого пинка под зад. Тот кубарем слетел со своей жертвы. Схватив секиру, воин хотел было броситься на обидчика, но, увидев перед собой берсерка, остановился.

— Ну что, остыл? — ухмыльнулся Льот. Зачарованно глядя на берсерка, воин согласно кивнул. — Тогда чего стоишь? — нахмурился тот. — Застегни штаны и займись делом, скорохват! А в конце битвы конунг наградит тебя, если ты того заслужишь, — повторять провинившемуся не пришлось, его как ветром сдуло.

Откуда-то из темноты вынырнул Хавард в сопровождении Некраса.

— Конунг, нужна помощь!

— Где? — Олав, Агмунд и берсерки устремились за ним.

— Это арабы, из тех, что пришли сегодня утром, — объяснял по дороге Норвежец. — Не купцы, а отряд вои-

нов Абу Аруса. Они сопровождали караван. Их всего десятка три.

Освещенная факелами площадка между шатрами было завалена тслами убитых и раненых. В центре отряд арабов яростно отбивался от наседавших викингов. Олав сразу оценил мастерство противника: арабы стояли правильным кругом, сомкнув щиты, а в середине сухой, смуглый воин выкрикивал гортанные приказы, потрясая кривой саблей.

— Отвести людей, — велел конунг Торольву. — Слишком много потеряем. Сейчас дорог каждый воин. Лучников!

Агмунд протрубил в рог. Повинуясь сигналу swei разом отхлынули от арабов, оставив их в центре опустевшей площадки. Тут же зазвенели тугие тетивы луков. Стрелы, несущие смерть, ударили со всех сторон. Легкие арабские щиты не могли защитить от них. Тяжелые трехгранные наконечники без труда пробивали их тонкие, деревянные пластины. Как град выбивает хлебное поле, колос за колосом, так пернатый дождь разил людей. Убитые падали молча, раненые стонали, придавленные телами товарищей. Когда в кругу осталось только трое, Олав дал знак лучникам. Стрельба прекратилась.

— Живыми! — приказал конунг.

Пять викингов бросились в круг. Зазвенели клинки. С разрубленной головой рухнул воин Олава. Другой с отрубленной кистью вышел из боя. Пал сраженный араб. Двое в кругу, встав спина к спине, ждали нападения. Холодные полумесяцы сабель, обагренные кровью, зловеще блестели. Больше охотников сразиться с ними не было. Олав оглянулся на своих берсерков. У Храппа глаза налились кровью и он готов был грызть край своего щита. Халли, широко раздувая ноздри, жадно смотрел на арабов.

— Конунг, разреши нам, — шагнул Льот к Олаву. — Пора показать им силу наших мечей!

— Идите, — недовольно бросил Олав. Эта задержка уже начинала злить его. — Одного можете убить, но того, — он указал мечом на Абу Аруса, — живым.

Взвыв по-волчьи, Храпп и другие берсерки бросились на врага. Но вдруг, словно наткнувшись на невидимую стену, встали как вкопанные в центре круга. Клинки звенели, но ни один не мог проникнуть за голубой круг, очерченный саблями.

— Это колдовство! Оборотни! Да у них оружие заговоренное! — услышал Олав шепот своих воинов.

Почти невидимым движением Абу Арус отбил секиру Храппа и тут же, без замаха, резко опустил саблю на голову берсерка. Храпп был без шлема, дамаский клинок скользнул по его виску, срезал правое ухо и щеку до подбородка, с хрустом вошел в ключицу. Льот и Халли подхватили, обливающегося кровью великана, и оттащили его в сторону.

— Их можно победить только при свете солнца! — крикнул кто-то в толпе. — Если они сами не превратятся в камень! — Толпа викингов вздрогнула и попятилась.

Олав вырвал копье из рук ближайшего воина. Верной рукой послал смерть. Широкий наконечник пронзил грудь араба и вышел из спины. Возглас восхищения встретил удар конунга. Олаву показалось, что он вновь услышал голос прекрасной валькирии: «Боги тебе даруют победу!» И конунг смело шагнул в освещенный круг. Его воины одобрительно загалдели.

Прямо перед собой Олав увидел смуглое лицо Абу Аруса, все в мелких капельках пота. Темные глаза араба без страха смотрели на него. Верхняя губа в усмешке обнажила желтоватые зубы. Несколько минут они кружили на месте, примериваясь друг к другу. Клинки со звоном скрестились и тут же разлетелись в стороны. Конунг отскочил на шаг. Высоко подняв меч, он бросился на врага. Но не стал рубить сверху, а плавным полукругом обрушил меч сбоку. Его клинок снова встретил дамасскую сталь. Более опытного противника Олаву встречать не приходилось. Абу Арус отбивал все его удары и старался тут же их вернуть. Щит Олава был уже в двух местах прорублен, но еще держал. Воины с интересом ожидали окончания схватки. А молодой конунг уже ощутил предательскую дрожь в руках. По спине побежали колющие мурашки. Олав тяжело дышал, ему не хватало воздуха.

Абу Арус, видя нерешительность конунга, сам стал теснить его. Удары араба становились все чаще и сильнее. Казалось он не знал усталости. Олав не заметил такого же удара, каким был сражен Храпп и ощутил только звон в голове. Сабля скользнула по шлему и вгрызлась в кованный край щита. Тяжелый меч конунга ударил по ней сверху. С жалобным стоном переломился дамасский клинок. Вот он миг победы! Удар меча, слева наискосок. Уже в полете Олав слегка развернул оружие. Лезвие

плащмя обрушилось на голову Абу Аруса. Оглушенный он упал к ногам конунга.

— Это храбрый воин, — прохрипел Олав подоспевшим Льоту и Халли. — Возьмите его и не спускайте с него глаз до утра. Боги любят храбрых, — конунг недобро улыбнулся. — Труби сбор, — повернулся он к Агмунду. — Мы идем на подмогу упсальцам и Гуннару. Вперед, герои! Сегодня боги даруют нам удачу. Вороны Одина жаждут добычи!

* * *

Гостомысл поднялся на вал, окружавший крепость. Глухие удары вечего била тревожно ухали в ночи. В устье Ладожки угрожающе чернели силуэты чужих кораблей. Гостомысл и Ярый вовремя подняли тревогу. Встретив сопротивление, варяги отошли. Видно было их не много. Да и кому охота рубить ворота под градом камней и стрел? Воевода расставил на валу вооруженную челядь, да тех мужей, что были в крепости. Сам же со своей небольшой дружиной встал у ворот. Гостомысл придиричиво осмотрел гридей: «Хороши молодцы, жаль мало! Прав был Данислав, ох как прав! Вот сейчас бы пригодилась дружина Ратибора. Однако, не мог он еще далеко уйти. Надо отправить гонца к князю! А мы уж до его прихода продержимся.» — Старейшина подозвал к себе Домажира.

— Пошли кого-нибудь, пусть найдут и пришлют ко мне Вадима или Вершко. Я буду ждать их здесь.

Когда Домажир ушел, старейшина огляделся. Со стороны Варяжской улицы доносился шум битвы, востер приносил оттуда дым с колючими искрами. Горел двор купца Рольфа, шурина Гремислава. Над сварожьей горкой тоже играли всполохи пламени. Неожиданно стало светлей. Это варяги подожгли ближайшие к крепости дома Посада. На освещенном огнем пространстве перед тыном Гостомысл увидел толпу ладожан. Было их несколько сот, в основном женщины и дети. Мужчины отступали последними, сдерживая натиск находников. Все были со щитами, в шлемах, с копьями и топорами. В тревожное время даже пахарь имел у себя оружие. Те свои, что напали на крепость, бросились в тыл ладожанам. Но и словене не остались в долгу. Со стен ударили лучники. Ярый приказал открыть ворота и с дружиной

устремился на врага. Перед крепостным валом завязалась жестокая сеча. Свечи дрались отчаянно, видя как у них из-под носа уходит богатая добыча. Они явно не хотели упускать ее. Но и словене стояли насмерть. Находники дрогнули первыми, их ряды расстроились и они не стали преследовать ладожан, когда те медленно отступили под защиту вала.

Звон мечей со стороны Варяжской улицы стал слышен. Из клубов дыма и пламени стали выбегать даны. Кто кучками по несколько человек, а кто и в одиночку. Им вслед летели стрелы. Беглецы спотыкались, падали, чтобы никогда больше не встать. Лишь один отряд, человек в сорок, шел уверенно, закрывшись щитами со всех сторон и оцетинившись копьями. Когда даны подошли к Ладожке, они так же спокойно, словно никто и не стрелял по ним, вброд переправились на другой берег. Здесь и обрушились на них викинги Гуннара и Свейна. Находники прижали данов к реке и постарались загнать в воду. В этом месте берега у Ладожки были илистые и топкие. Данам пришлось трудно. С другого берега им в спину били лучники Эйрика. Понимая, что пощады не будет, даны сражались с яростью обреченных.

— Негоже гостей заморских в беде бросать, — проворчал воевода и снова приказал открыть ворота.

Поредевшая дружина Ярога бросилась на врага. Увидев идущих на подмогу ладожан, даны тоже ринулись вперед. Зжатые между ними свечи не выдержали стремительного натиска и побежали. Их не преследовали, только воевода сердито погрозил им вслед кулаком в боевой рукавице. У воеводы из шести десятков гридей осталось только чуть больше тридцати, данов же набралось две дюжины. Да и те в большинстве были раненые.

— Живей, живей, — поторапливал Ярый своих гридей. — Поспешим пока находники не опомнились, — у ворот он обернулся, чтобы посмотреть что делают свеси и тут же упал. Вражеское копье вонзилось ему под правую ключицу и застряло между ребер. Обливающегося кровью старого воеводу подхватили дружинники и внесли в крепость. Свей, который метнул копье, подбравшись к самому тыну, пользуясь темнотой и сутолокой, возникшей в воротах, невредимым вернулся к своим.

— Позовите ко мне Гостомысла, — с трудом сказал

Ярый, морщась от боли, обступившим его воинам. Кто-то проворно побежал на вал. Когда Гостомысл склонился над раненым, тот прохрипел:

— Пошли за князем..., о гостях заморских позаботься, — воевода показал глазами на данов, по-прежнему толпящихся у ворот, — и Данислава слушай, — старый воин хотел еще что-то сказать, но силы оставили его и он откинулся на кем-то заботливо свернутый плащ, заботливо подложенный ему под голову.

— Несите его ко мне, — распорядился старейшина. — Там о нем позаботятся.

Он подошел к данам. У многих из них бороды и волосы были опалены огнем, одежда запачкана кровью своей и вражьей. Навстречу старейшине вышел статный дан. Был он уже не молод, но и еще не стар. По его гордой осанке сразу было видно, что он не простой ватажник, прибывший на торг с каким-нибудь купцом, сидя за веслом чужого корабля. Нет, он сам был хозяином товаров и ему принадлежали три судна. Это был купец Вульфстан из Хедебю, торговый товарищ Рольфа, двор которого тоже стоял в Ладогс, на Варяжской улице. Сейчас он был бледен и ладонью зажимал рану от свейской стрелы на левой руке, чуть выше локтя. Заморский гость узнал Гостомысла.

— Вот так торг вышел у нас этим летом, — криво усмехнулся он, морщась от боли.

— Это все твои люди? Неужели никто больше не спасся? — с надеждой спросил его Гостомысл.

— Мы услышали набат слишком поздно. Сvei напали на нас с первым ударом. Только Радеботт из Арконы со своими людьми успел пробиться к кораблям. Торгрима и его людей перебили в шатрах. А Рольф, — лицо купца исказила злая судорога, — Рольф, ты знал его. Мы с ним вот уже восемь лет плавали вместе. Когда sveи подожгли дом, он прыгнул с крыши и сломал ногу. Они швырнули его в огонь и мы ничем не могли ему помочь! — Под опаленной бородой купца вздулись желваки. — Нас было почти две сотни человек! Где они? Их нет! Их убили! Подлю! Ночью! Зарубили сонных!

— Вашему горю уже не помочь, — Гостомысл понимающе покачал головой. — Мы тоже потеряли много соплеменников. Нам понятно ваше горе. Но sveи дорого заплатят за свое вероломство. Во время битвы мы можем рассчитывать на ваши мечи?

— Да мы готовы зубами вцепиться им в горло! — за всех ответил Вульфстан.

— Добро, — Гостомысл пожал ему руку. — Мой человек проводит вас, — он кивнул Домажиру. — Вам перевяжут раны, дадут чем подкрепиться, а потом мы ждем вас на валу.

Когда даны ушли, к отцу подошел Вершко. Младшему сыну минуло девятнадцатое лето и Гостомысл с грустью узнал в нем себя. Молодого. Сильного. С едва пробивающейся бородой и светлыми шелковистыми волосами. Узнал себя таким, каким ему уже быть не суждено.

— Ты звал меня, отец?

— Да. А где Вадим? Я его тоже велел позвать.

— Его нигде не могут найти.

— Ладно, я думаю, ты справишься и один. Пока темно, ты должен проскочить из крепости незамеченным. Нужно догнать князя Ратибора. Гребни не останавливаясь. Он наверное еще у порогов. Пусть поспешит назад. Расскажи ему все, что случилось. Будь осторожен, сынок, — Гостомысл обнял его. — Теперь ты моя опора.

— Я все сделаю как ты велишь! — Вершко высвободился из объятий отца. Сердце Гостомысла тоскливо сжалось, когда сын скрылся между хоромин: «Увижу ли?».

* * *

Зарево Вадим заметил уже на берегу. Из-под стрехи сарая вырвался язык пламени и, словно испугавшись сделанного, спрятался. Но вот с новой силой вырвался наружу. Пламя загудело, урча от удовольствия. На фоне пожарища усадьба Пленко стала видна как на ладони. Посреди обнесенного тыном двора, среди приземистых клеток, возвышался нарядный, словно невеста, новый дом купца. Там должна быть ложница Улиты. Там Горислава. Вадим бросился к воротам. С другой стороны улицы, их проулка, вылетела ватага варягов, неся над собой потрескивающие смоляные факелы. Было их человек шесть. Вадим прижался спиной к тыну, непроизвольно ощупывая руками шершавые колья в поисках оружия. Но варяги не заметили его. Трое дружно заработали топорами у ворот. Под их сильными ударами одна створка с грохотом рухнула. Свечи кинулись было в образовавшийся проход, но остановились. В воротах стоял старый

Ахти с рогатиной в руках. Не по-стариковски ловко он метнулся вперед и всадил ее широкое лезвие одному находнику в живот. Крепкими руками отбросил врага, точно сноп.

— Что, не нравятся наши гостинцы? — злорадно выкрикнул корел и шагнул к другому варягу. В это время крупная, черная тень бросилась из ворот и еще один свей покотился по земле, с криком отбиваясь от собачьих клыков. Свою секиру варяг выронил при падении и теперь руками пытался оторвать от себя рычащего пса.

— Так его, Мусты! Покажи ему, где раки зимуют! — подзадоривал собаку Ахти. Вдруг пес жалобно взвизгнул и, волоча задние лапы, стал отползать в сторону. Это свей изловчившись, достал из ножен, пристегнутых к поясу, нож и ударил в мохнатый собачий бок. Тут же вскочив на ноги, он обрушил на уже беззащитного зверя свою секиру. Черныш с проломленным топором черепом затих. Старый Ахти, зло закусив нижнюю губу, ринулся на врага. Только свей был уже настороже, крутнувшись на пятке ушел от удара, лишь его кожаную куртку на боку пропорола рогатина. Зато широкое лезвие свейской секиры точно вошло старику между лопаток. Ахти покачнувшись, хотел было развернуться к врагу, но подоспевшие находники подняли его на мечях. Тело корела неестественно вытянулось вверх и обмякло. Варяги ворвались во двор.

Когда варяги рассыпались по купеческому подворью в поисках добычи, Вадим подошел к воротам. Ахти лежал лицом вниз. На спине и на боку расплывались большие пятна крови. Старик был мертв, но варяг, который лежал рядом, тихо стонал. Юноша склонился над ним. Воин был молод. Красивое лицо исказила гримаса боли. Лоб покрывала смертельная испарина.

— Пить... — едва слышно прошептал он запекшимися губами. Рогатина корела глубоко разворотила ему живот, так что были видны внутренности.

«Неужели я тоже так смогу?!» — отшатнулся от него Вадим.

Во дворе раздался испуганный женский крик. Вадим, схватив с земли попавшийся под руку факел, бросился туда. Два варяга, хохоча, стаскивали по лестнице вниз отбивающихся Улиту и Гориславу. Первый был уже внизу, волоча старшую сестру за волосы, а второй пытался оторвать от лестничных перил младшую. Пробегая по двору, юноша успел заметить старую Айно, жену Ахти. Она ле-

жала у порога своей избы, а ее растрепанные, седые волосы были перепачканы кровью. Свейский клинок до самых плеч раскроил ей голову. Не останавливаясь, Вадим с разбега сунул пылающий факел в лицо врага. Взыв от боли, он отпустил Улиту. Второй, наверху, выхватил меч. Горислава бросилась к нему, но он отшвырнул ее с дороги. Грохоча ступенями, с занесенным для удара мечом, он летел на Вадима. Собравшись в комок, юноша упал ему под ноги. Выронив оружие, свей покатился вниз. Вадим, схватив сестер, затолкнул их в ложницу. Тяжелый, дубовый засов упал на дверные скобы.

Было слышно как во дворе стонет обожженный варяг, а его товарищ, изрыгая проклятья, карабкается наверх. Вскоре дверь затрещала под его крепкими ударами. Сестры испуганно смотрели на Вадима.

— Есть какое-нибудь оружие? — лихорадочно озираясь по сторонам спросил он.

— Какое же у меня оружие, — растерялась Улита.

— А топор, которым мы лучину щипали, — вспомнила Горислава. Она бросилась к лавке у двери и достала небольшой плотницкий топор.

— Годится, — сказал Вадим, пробуя пальцем лезвие. — А выхода здесь другого никакого нет? — Улита заметалась по комнате.

— Пленко говорил, что где-то ход есть тайный, а где не сказал. Хотел сам показать.

— Ищите! — крикнул Вадим, становясь сбоку от двери, готовый вот-вот сорваться с петель под ударами варяга.

В ложнице, кроме лавок вдоль стен, каменки у двери, да стола посреди комнаты, был только огромный ларь с рухлядью*. Стоял он в дальнем от печи углу. Девушки вдвоем попытались сдвинуть ларь с места, но у них ничего не получилось. Улита откинула тяжелую крышку и стала быстро выбрасывать содержимое. Горислава помогала ей. Вскоре показалось дно.

— Нашли! — радостно вскрикнули сестры.

Дверь с грохотом обрушилась на пол и разъяренный варяг вбежал в ложницу. Вадим с выдохом опустил топор ему на затылок. Череп треснул словно пустой горшок, а шлем дребезжа покатился по комнате. Грузное тело глухо стукнулось об пол. Выронив топор, Вадим зачарованно смотрел, как растет лужица крови под головой у варяга. Первой опомнилась Улита. Молча она подтолкнула к ла-

зу Гориславу, подхватила варяжский клинок и потянула Вадима за собой.

— Закрой крышку! — приказала она ему.

По узкой, крутой лестнице спустились они в подпол. Здесь было темно и тихо. Звуки со двора совсем не долетали сюда. Земля с сухим шорохом осыпалась со стен под рукой. Но вот ладонь Улиты провалилась в пустоту.

— Вот он лаз, — тихо прошептала она. Ей никто не ответил. Только Горислава всхлипнула в темноте.

— Ну чего ты, чего, дуреха? — Улита прижала младшую сестру к себе. — Все уже прошло, — ласково гладила она ее вздрагивающие в беззвучном рыдании плечи. — Что делать-то будем дальше, зятек?

— А? — вздрогнул Вадим, словно очнувшись ото сна. У него перед глазами все еще стоял расколотый череп свей и густеющая лужица крови на полу. — Где это мы? — он озадаченно завертел головой.

— В подполе, — терпеливо объяснила Улита. — Как раз под домом. У тебя трут и кресало есть? — спросила она.

— Есть, — Вадим торопливо засунул руку в калиту. — Вот, — он несколько раз ударил кремнем по железу, высекая мелкие, голубые искры. Потом наклонился над трутом и стал осторожно раздувать еле заметно тлеющую точку. Вскоре красный глаз Сварожича замигал в темноте. Вадим поднес трут к светильнику, заправленному маслом, который подала ему Улита, и зажег его. Бледное, желтоватое пламя осветило заплаканное лицо Гориславы, встревоженное Улиты, ряды кадок, боченков, туесов, коробов, тюков и ларей, заполняющих подпол запасливого купца. Свет придал Вадиму уверенности и он почти решительно заявил сестрам:

— Долго мы тут сидеть не можем. Надо уходить. Лучше всего в крепость. Находники ее не возьмут, там дружина Ярого. А куда ведет лаз? — повернулся он к Улите.

— Пленко говорил к реке. Только как же мы через весь Посад пройдем до крепости? — растерянно пробормотала она. — Ведь там поди свей теперь.

Вадим взял у Улиты меч убитого находника, который она все время держала под мышкой. Почувствовав его надежную тяжесть в своей ладони, он горько усмехнулся: «Вот и сбылось! Сеча с находниками. Только радости мало.» Он повернулся к сестрам, ободряюще улыбнулся Гориславе и кивнул в сторону лаза.

— Идем, я на берегу свой челнок оставил. На нем и доберемся.

* * *

Конунг устало опустился на предусмотрительно вынесенную кем-то из дома скамью, вытер лезвие меча от крови и вложил его в ножны. В серых, туманных сумерках в двух перестрелах* от него мрачно чернели зазубренные верхушки словенского тына. За его спиной лежал чужой город, который за одну ночь стал его, конунга Олава, добычей. Правда вон там, за земляным валом, утыканным кольями, укрылась часть его жителей и никак не хочет сдаваться. «Но это ничего, к утру я решу что с ними делать!» — потрянул конунг головой. Он обернулся назад. Чуть поодаль от него стояли старый Агмунд со стягом, берсерки Льот и Халли и около сотни воинов, готовых возобновить битву. Однако было похоже, что в этот предрассветный час ни свои, ни словене, запертые в своей крепости, боя не начнут. Слишком велика была усталость, словно серый туман заполнившая тела воинов, сделавшая привычные мечи и секиры вдвое тяжелей.

— Эй, Халли, позови ко мне Торольва Хаварда, — приказал он берсерку. Тот что-то проворчав себе под нос, отправился на поиски кормчего и купца. Первым явился Торольв. Его правая бровь была рассечена, а кожаная куртка на груди забрызгана кровью. В руке он держал березовую ветку, которой отмахивался от комаров.

— Вот проклятое отродье, так и липнут на свежую кровь, — хлопнул он себя левой рукой по шее. — Они прикончат нас раньше, чем мы доберемся до словен.

— Я вижу, что сегодня ночью ты не жалел ни своей, ни чужой, — улыбнулся Олав, указывая на грудь Торольва.

— Да, — небрежно ответил он. — Один старик-словенин уж очень смело защищал свою усадьбу. Пришлось мне вмешаться. Я думал, что его клетки ломаются от добра, так отчаянно рубился он секирой. По крайней мере десять марок* серебра, решил я, — губы Торольва скривились в презрительной усмешке. — А оказалось, что там пусто, как в моем брюхе сейчас.

— Так что же он защищал? — удивился конунг.

— А, — махнул рукой кормчий «Коршуна». — Видно свою старуху, да пару смазливых дочек. Впрочем, за них

на торгу в Бирке могут дать по марке серебра, — заключил он.

— Я думаю, он защищал их не для продажи, — рассмеялся Олав. — А что вы сделали со старухой? Или ты и ее надеешься продать в Бирке?

— Нет, — бросил кормчий шутливо. — Я бы не дал за нее и полэйрира. Кто-то из воинов снес ей голову. Неплохой был удар.

— Сколько людей мы потеряли, Торольв? — спросил его Олав.

— Около шестидесяти человек, — уже серьезно ответил он. — Не считая раненых.

— Примерно каждый пятый, — прикинул конунг в уме. — Не так плохо, — удовлетворенно кивнул он. — По крайней мере лучше, чем я ожидал. Как думаешь, сумеем мы с оставшимися молодцами взять эту крепость?

— Эту? — Торольв внимательно осмотрел вал. — Если прибавить к нашим еще людей Эйрика, Свейна и Гуннара, я думаю к полудню возьмем.

— Я тоже так думаю, — согласился Олав. — А для того, чтобы облегчить нам задачу я кое-что предприму. Торольв! — снова обратился он к кормчему. — Оставь мне сотню воинов, бери всю добычу и пленных и веди их на берег. Людей тебе хватит. Тсх воинов, которые не могут сражаться, замени людьми Хаскульда. Если увидишь Хаварда, скажи ему, чтобы он шел ко мне с мальчишкой. Он знает каким.

Торольв молча выслушал конунга, кивнул, показывая, что все понял, и направился к своим людям. Вскоре к Олаву подошел и Хавард в сопровождении Халли и Некраса. Купец довольно поглаживал свою бороду и улыбался.

— Клянусь Тором! — еще издали крикнул он. — Если бы не было ничего другого, кроме этих пяти арабских кораблей, то и тогда бы я сказал, что мы завладели огромным сокровищем!

— Что же ты там такого увидел у арабов? — поинтересовался Олав.

— Нужно быть скальдом, чтобы описать эти богатства, — ответил Хавард. — Я же всего лишь купец.

— Ладно, Хавард, тебя не зря зовут Норвежцем, — Олав предложил купцу сесть рядом с собой. — А все норвежцы скальды.

— Эти арабские корабли не похожи на наши, — начал

купец, усаживая рядом с Олавом. — И хотя они не так красивы как у нас, зато у них глубокие трюмы. И все они полны разными товарами. Арабы прибыли на торг только сегодня и еще ничего не успели продать. А там, — купец потер руки от удовольствия, — сотни тюков шелка самых разных расцветок, парча, вытканная золотом и серебром, пряности, благовония, стекло, посуда, украшения из золота и серебра, ларцы и мешочки полные дирхемов. Впрочем, — Хавард прервал себя. — Я вижу, конунг, ты звал меня не за этим.

— Да, — Олав утвердительно кивнул головой. — Все что ты говоришь, Хавард, хорошо. Но дело еще не сделано до конца.

— Ты хочешь взять крепость? — быстро спросил купец.

— Я думаю мы возьмем ее, — уверенно ответил Олав. — Сначала, когда ты на заставе потерял по воину за двух словен, я сомневался в успехе. Но сейчас вижу, что это возможно, если к нашим двум с половиной сотням воинов прибавить две сотни Эйрика и Гуннара.

— Это будет сложно, — с сомнением покачал головой Хавард. — Я знаю словен. Я долго жил среди них. Если у них нет надежды, они будут биться насмерть. Ты же знаешь, загнанный волк особенно опасен. Они все, даже женщины, лучше погибнут, чем сдадутся нам. Да и мы потеряем не мало.

— А если нам откроют ворота?

— Кто? — удивился Хавард.

— Твой словенский друг, — конунг через плечо посмотрел на Некраса.

— Он? Но как. Для того чтобы открыть ворота надо сначала войти в них.

— Так позови его сюда и мы узнаем, может есть другой путь в крепость, — предложил Олав. — Кстати, что ты думаешь о нем?

— Я думаю, у него нет выбора, — сказал Хавард, делая знак Некрасу подойти. — Его убьют свои же, если узнают, что он сделал.

— Тем лучше, — улыбнулся конунг. — Это будет преданный слуга.

Не успел Некрас подойти к Олаву, как из сумерек вынырнул Хаскульд. С ним шли два воина, которые вели с собой человека, руки которого были крепко связаны за спиной. Один из воинов Хаскульда нес факел. Его пля-

шущее на ветру пламя выхватывало из темноты фигуру юноши в разорванной рубахе. На его лице были заметны несколько свежих ссадин и кровоподтеков. Олав и Хавард встали, чтобы разглядеть его.

— Вот, — пыхтя и отдуваясь, сказал Хаскульд показывая на своего пленника. — Схватили на реке, хотел проскочить вверх по течению. Я решил взять его живым.

— Ты правильно сделал, Хаскульд, — одобрил конунг. — Кто ты? — обратился он к юноше. — Что делал на реке? Кто тебя послал?

Юноша молчал, хмуро глядя на конунга из-под наспленных бровей.

— Дозволь мне, князь, — это Некрас шагнул к пленнику и взял факел у одного из свеев, так близко поднес к лицу юноши, что тот отшатнулся.

— Болдырь!? — словенин облизнул разбитые губы и сплюнул. — Жаль не нашли тебя Ратиборовы гриди. Не виру* с тебя надо было брать, а раздавить как гниду.

— Опоздал, Вершко, — зло усмехнулся Некрас. — Теперь твой отец будет платить за тебя выкуп. Если, конечно, заморский князь не решит продать тебя в холопы, — он повернулся к Олаву. — Я знаю его, это не простой пленник. Это младший сын ладожского старейшины Гостомысла, за него отец даст тебе много откупного.

— Сын старейшины? — в глазах конунга появился интерес. — И что же ты делал в такое время на реке?

— Я думаю, отец послал его за помощью к князю Ратибору, — при этих словах Вершко нагнулся и попытался ударить Некраса головой в живот. Однако Болдырь оказался проворнее и, отскочив в сторону, сбил его с ног сильным ударом в голову. — Вот видишь, князь, — пнул он лежащего ногой под ребра, — я угадал, — он хотел было ударить еще раз, но Олав остановил его.

— Мне кажется ты прав, — сказал он, глядя в глаза Некрасу. Болдырь выдержал взгляд конунга и тот продолжал. — Сегодня ты показал, что не трус, у тебя зоркий глаз, к тому же ты хитер. Твои соплеменники теперь враги для тебя, а потому я хочу отправить тебя туда. — Олав показал рукой на крепость, но спохватившись, резко приказал Хаскульду, глядя на Вершко. — Убери его. Стереги пуще собственного глаза. Если он убежит, — глаза конунга угрожающе сверкнули. — Будет очень плохо. Можешь запихать его под палубу или привязать к мачте, главное, чтобы он был жив, хотя бы до утра.

Когда люди Хаскульда, подняв Вершко, повели его на берег, Олав негромко продолжал, обращаясь к Некрасу:

— Ты должен попасть в крепость и открыть нам ворота.

— Днем? — Некрас с сомнением пожал плечами. — Вряд ли это удастся. Да и как я попаду в крепость, я же изгой. Меня там может прикончить любой.

— Прикончили бы, — поправил его Хавард. — В другое время. Но сейчас, по-моему, дела твои лучше, чем ты думаешь. Конунг, — обратился купец к Олаву, в то же время поворачивая Некраса перед собой, будто видел его впервые. — Если мы дадим ему оружие и доспехи из наших павших воинов, поверят словене что это сделал он?

— Он? — конунг придирчиво осмотрел Некраса. — Мне кажется это удачная мысль. Халли, — снова позвал он берсерка. — Принеси мне куртку кого-нибудь их убитых, да смотри, чтобы она подошла этому молодцу, — он кивнул на Некраса. — Главное пусть на ней будет побольше крови. Еще возьми секиру и шлем. Лук у него уже есть.

— Если так, — лицо Некраса осветила злорадная ухмылка. — Я думаю, в крепости меня встретят с почетом. Со стороны реки есть тайная тропка, я пройду там.

— А наши воины не могут пройти с тобой? — заинтересовался конунг.

— Нет, тропа и проход так узки, что два воина вполне смогут задержать там твоих людей.

— Ладно. А как ты откроешь ворота?

— Я думаю, ночью их будет охранять пара стражников, я вполне могу справиться с ними без особого шума. Только как вы узнаете что все готово?

— Это все просто, — сказал Хавард. — Возьмешь свой лук ипустишь через вал две горящие стрелы. Мы уже будем ждать.

— Еще, на всякий случай, возьми вот это, — конунг снял с левой руки золотое запястье и одним ударом разрубил пополам. Одну половину он подал Некрасу, другую оставил у себя. — Это принесет тебе удачу.

В это время вернулся Халли. Он принес с собой кожаную куртку с восьмью стальными пластинами на груди. С левой стороны, между второй и третьей, был широкий разрез, весь в запекшейся крови. Видно сюда вошел меч, отправивший хозяина доспехов в Вальгаллу*. Еще Халли принес железный шлем, склепанный из четырех пла-

стин, простую, но вполне надежную секиру, тоже с пятнами крови на лезвии и колчан полный стрел.

— Вот, — сложил он все это перед конунгом.

— Надевай, — предложил Олав Некрасу. Тот быстро облачился в доспехи. — Хорошо, — одобрительно кивнул конунг. — Мы будем ждать твоего сигнала. О награде не сомневайся. Ты получишь долю наряду с участниками похода и еще сверх того.

— Мне не надо ни золота, ни серебра, князь, — отказался Болдырь. — Но если мы возьмем крепость, обещаю, что отдашь мне одного мужчину и одну женщину из добычи.

— Ты наверное уже выбрал кого? — спросил Олав.

— Да.

— Хорошо, ты получишь их, кем бы они не были, — решил конунг. — А теперь иди.

— Постой, — окликнул его Хавард и быстро выхватил меч. Некрас отшатнулся, но купец успел нанести удар. Его меч рассек левую щеку Болдыря от уха до подбородка. Кровь залила ему половину лица. Болдырь сжал секиру в руках и свирепо уставился на Хаварда, готовый ринуться в бой. Олав тоже смотрел на купца в недоумении. Купец же, опустив меч, примирительно обратился к Некрасу.

— Так в крепости тебе быстрее поверят. Ведь не мог же ты уложить голыми руками находника и не получить ни одной царапины.

— Да, — подтвердил Олав. — Так будет лучше, — а когда Некрас ушел, зажимая рукой свою рану, обернулся к купцу. — Ты что, Хавард, хочешь чтобы все твои слуги были меченными?

— Нет, — улыбнулся Норвежец. — Так получается. К тому же этот теперь твой.

— Пожалуй, — согласился конунг.

Со стороны моста, перекинутого через Ладожку, до них долетел шум голосов и звяканье оружия.

— Похоже это Гуннар и упсальцы, — прислушался Олав.

— Да, Гуннар. Узнаю его, ревет как разъяренный бык, — насмешливо сказал Хавард, вкладывая меч в ножны. — Сейчас узнаем, чем он недоволен и почему он не взял крепость.

— Не задирай его, — предупредил Олав. — Все-таки он мой будущий родич.

— Лучше бы у меня была такая молодая сестра, клянусь Тором! — проворчал Хавард.

Не успел Хавард договорить, как из тумана вышли Гуннар, Эйрик, Свейн и Фудри. Оба упсальца были ранены, Эйрик копьем в правый бок, а Свейн секирой в левую руку. Фудри был перепачкан сажей и копотью, так что лицо его казалось маской. Один Гуннар был цел и невредим, только страшно рассержен. Увидев Олава, он тут же заревел во всю силу своих могучих легких:

— Конунг! Чего мы ждем, почему не громим эту кучу трухлявых бревен, за которой укрылись эти трусы?! Они боятся схватиться с нами в честном бою, так мы сами придем к ним, клянусь своим мечом!

— Я ждал вас, чтобы обсудить это, — спокойно ответил конунг. — Две сотни наших воинов готовы к битве. А как у вас.

— Я хочу расплатиться с ними сполна! — гремел Гуннар, потрясая сжатыми кулаками. — Эти словене, они перебили больше половины моих людей!

— Да и моих тоже, — вставил Свейн. — Два раза нам пришлось отступать под их натиском. Твоя задача, конунг, оказалась нам не по силам, — юноша поморщился от боли в раненной руке. Но сильнее боли была горечь поражения в первом же походе.

— Выше голову, Свейн, — попытался утешить его Хавард. — Тот, кто часто бьется, должен знать, что может найтись и сильнейший противник.

— А сколько ты потерял людей, хевдинг? — обратился Олав к Эйрику, что-то озабоченно подсчитывая в уме.

— У меня от большой сотни* осталось едва восемь десятков, — мрачно сообщил тот. — Я лишился каждого третьего воина, но взамен приобрел восемь кораблей, захваченных у данов.

— Значит за ночь мы потеряли сто шестьдесят человек, — подвел итог конунг. — И у нас осталось четыре сотни воинов.

— Так чего же мы ждем?! — сердито прорычал Гуннар. — Этого вполне хватит, чтобы разгромить крепость.

— Однако, этого мало, чтобы вести наши корабли, — возразил Хавард. — Ведь теперь их у нас стало гораздо больше.

— Да, с кораблями данов и арабов — двадцать три, — подтвердил Олав.

— А это значит, — гнул свое купец, — что даже сейчас

у нас не наберется и двух десятков людей на корабль. А среди них много раненых. Послушайте меня, старика, — вкрадчиво продолжал он. — Богатство нужно живым, мертвым оно ни к чему. Того, что мы уже захватили хватит на всех. К тому же у нас есть пленники и их не мало, более трех сотен. За них мы получим богатый выкуп или продадим на торгу в Бирке. Если же этого кому-то мало, можно добыть и еще. При этом не проливая крови.

— Мужчина не должен бояться пролить кровь. Ни свою, ни чужую, — Гуннар смерил Хаварда презрительным взглядом. — Ты рассуждаешь как торговец, Норвежец. Если бы я не знал тебя, я бы сказал, что так рассуждают лишь трусы.

— А ты, хевдинг, рассуждаешь как глупый мальчишка, у которого на губах не обсохло молоко! — вспыхнул купец. — Ты еще не родился, когда я уже убил человека!

Гуннар зло усмехнулся и шагнул к обидчику, пытаясь выхватить меч. Но тяжелая рука конунга стиснула ему запястье.

— Не будем ссориться, — сказал он примирительно и даже весело. — Ведь мы еще не решили, что нам делать.

— Тут нечего и решать, — заявил Гуннар, освобождая свою руку. — Если начали дело, надо доводить его до конца.

— В этом, я думаю, ты прав, — согласился конунг. — А что думаете вы, храбрые хевдинги? — обратился он к uppsalцам. Братья переглянулись.

— Нам бы не хотелось терять своих людей, — заявил Эйрик.

— Это ваше общее мнение? — спросил Олав Свейна.

— Да, — утрумо подтвердил тот. Тогда Олав обернулся к Хаварду.

— Мое мнение ты слышал, конунг, — хмуро проворчал он. — Если у нас сейчас мало людей, чтобы взять всю добычу и корабли, что же будет после битвы? Оставшихся людей не хватит и часть добычи все равно придется бросить. К тому же князь Ратибор ушел не слишком далеко. Если мы схватили одного посланца осажденных, это не значит, что они не послали других. А когда его дружина будет здесь, — купец в сомнении покачал головой. — Не думаю, что даже наш храбрый Гуннар обрадуется этому.

— Какая дружина? Какие посланцы? — обеспокоенно спросил Гуннар у конунга.

— Да, об этом я совсем забыл, — лицо Олава тоже стало озабоченным. — Хаскульд на реке схватил словенина, которого послали из крепости вдогонку за князем Ратибором, — объяснил он Гуннару, Эйрику и Свейну. — Это, пожалуй, меняет дело. К утру мы должны будем погрузить все на корабли. Ты что-то говорил о том, что можно добыть еще, Хавард? — снова обратился он к купцу.

— Я хотел сказать, что не нужно срезать вымя у коровы, если тебе нужно молоко. Лучше подоить ее.

— И эта твоя корова будет давать нам не только молоко. Мы возьмем у нее и серебро, и меха, и мед, и янтарь, и моржовый клык. А чтобы она не упрямилась, мы заберем у нее теленка, — почти весело заключил Олав.

— Ты читаешь мои мысли, конунг! — улыбнулся и Хавард. — Клянусь Тором, я только что подумал об этом!

— Тогда, я думаю, славные хевдинги согласятся с нами, — Олав обвел взглядом собравшихся.

— Конечно, — согласно кивнули Эйрик и Свейн.

— Я тоже согласен, — нехотя пробурчал Гуннар.

— Значит ты, Хавард, пойдешь к словенам и потребуешь дань. С этих пор они всегда будут платить нам ее. Чтобы это меньше задевало их гордость, пусть для начала выкупят своих соплеменников, скажем за... — Олав что-то прикинул в уме. — За триста марок серебра. Да и нам с ними будет меньше хлопот. Кроме того, пусть дадут нам десять сыновей самых знатных горожан в залог мира. На следующий год мы вернем их в обмен на дань.

— И возьмем новых, — довольно пробасил Гуннар.

— Об этом им говорить пока не следует, — предупредил Олав Хаварда. — А вы, доблестные хевдинги, готовьте воинов к битве на виду у словен, чтобы они были поговорчивей.

Когда Гуннар и упсальцы разошлись к своим людям, Хавард негромко спросил у конунга.

— А как же наш словенский друг в крепости?

— Я думаю, он парень сообразительный, — ответил Олав. — И сам поймет что к чему, когда мы возьмем дань и уйдем. А потом, — Олав помедлил немного. — Потом он нам пригодится. Ведь мы же вернемся сюда.

* * *

Гостомысл поднялся на вал. Начинало светать. На смену таящей опасность ночной тьме пришли ранние,

летние сумерки. Над частоколом возвышались размытые туманом фигуры стражников. Гостомысл осторожно обходил спящих. Измученные за ночь ладожане уснули тут же, на валу, под тыном. «Варяги на приступ не пошли, — думал старейшина. — Значит пойдут когда рассветет. А может не пойдут? Может их не так уж много? Знать бы наверняка. А как Вершко? — кольнула тоскливая мысль. — Дошел или нет?» Гостомысл остановился. У самого частокола, завернувшись в короткий зипун, спал Вадим, прижимая к груди добытый в бою клинок. За ночь лицо юноши побледнело и осунулось. «Уже не мальчишка, — склонился над ним старейшина. — Вот и первые морщины.» Гостомысл вспомнил ночь, освещенную заревом пожаров. Любимица Горислава, рыдая, прижалась к нему. А Улита (и когда успела стать такой рассудительной) рассказывала, как они вырвались от варягов. «Эх-хе-хе, — вздрогнул старейшина. — Спас ты, молодец, мою отраду, да ведь, наверное, и забереешь скоро?»

— Старейшина, — кто-то тронул его за плечо. Он обернулся. Это был Домажир, ключник Гостомысла. На нем были все заботы о хозяйстве старейшины. Был он родом из полоцких кривичей. Дороден телом и незлоблив.

— Что? Воевода? — тревожно спросил его Гостомысл, глядя в его широкое, точно луна, лицо.

— Нет. Воевода уснул. Люди, что стоят у реки, задержали человека.

— Ну так пусть приведут его сюда.

Вскоре Гостомысл увидел перед собой парня в варяжском шлеме и доспехе. Один из воинов, сопровождавших его, нес секиру, лук и колчан полный стрел. Левый глаз человека окружал огромный синяк, губы были разбиты, а щека под синяком рассечена до подбородка. Рана была свежая и кровь еще не запеклась. Глядел пленник исподлобья, по-волчьи. Гостомысл сразу узнал сына ведуньи Потворы.

— Где же ты был, Некрас? Тебя уж в дружине давно хватились, почитай три дня ищут.

— Знаю, — хмуро буркнул Болдырь, внимательно изучая лицо Гостомысла. «Сказала ему Горислава или нет? В поруб поволокут или прикончат сразу?» — быстро соображал он. — Надо же попал, лучше бы к воеводе ответили.»

— Что это у тебя доспех странный, — допытывался у

него старейшина. — Может, ты князя сменил? Ты знаешь, что Ратибор тебя изгоем выкликнул, за обиду его сыну?

— Знаю, — снова ответил Болдырь. «Видать не сказала», — решил он понемногу успокаиваясь. — Мать повела, — соврал он Гостомыслу, быстро входя в роль. — Только не было у меня ни кун, ни скоры чтоб виру заплатить. Вот и решил я податься к ижорам. Думал, добуду шкурок, вернусь, заплачу...

— А эту шкуру ты где добыл? — перебил его Гостомysl, указывая на варяжскую куртку с пятнами крови на груди.

— Эту, — на мгновение замялся Некрас. — Здесь, в Посаде. Придушил я одного свея, а другой на меня бросился, пришлось мне и его, — он сделал выразительный жест рукой. — Его же собственным мечом, — добавил он с некоторой гордостью.

— То славно, — одобрил Гостомysl. — Может, князь Ратибор тебя за то и простит. Как вернется, я его о том попрошу. А пока ступай в дружинную избу. Там сейчас десятский Порей за старшего. Воеводу-то ночью ранили. Да, — окликнул Гостомysl уже собравшегося уходить Некраса. — А как же ты узнал, что свеи в Ладоге?

— Да я допреж ижор, решил на заставу заглянуть, к Сухоруку. Был он мне как брат старшой. Пришел я туда, гляжу, а там свеи хозяйничают. Перебиты все. А Шестак стоит копьём к дубу пригвожденный, — Некрас сморщился и попытался выдать из глаз слезу.

— Да, — вздохнул старейшина. — То мне ведомо.

— Как? — враз побледнел Болдырь. — Откуда?

— Вешняк с заставы пришел. Жаль только поздно. Поранили его тяжко. Ну, ступай, — отпустил он Некраса, не заметив испуга на его лице.

Старик посмотрел на небо. На восходе оно уже стало прозрачно-голубым, зато с полуночи, откуда дул свежий полуношник, на Ладогу, клубясь, напозала темная туча. «Гневается владыка Перун или посылает знамение? — встревожился Гостомysl, глядя на нее. — Надо бы позвать волхвов, да отслужить молебен небесному воину,» — решил он. За частоколом тревожно загудели варяжские трубы. Люди на валу просыпались, встряхивались ото сна и тут же становились к тыну. Гостомysl выглянул из-за острых зубцов. Сплошная стена круглых щитов и копий шевелилась в тумане. Варяги явно соби-

рались на приступ. Вот трубы в их стане пропели вторично и в том месте, где над щитами развеялся зеленый с черным медведем стяг свейского конунга, вперед вышли два воина. Они уверенно направились к тыну. Не доходя до него на один перестрел, остановились. Тот, что шел впереди отстегнул меч и отдал его спутнику. Взяв оружие, он зашагал обратно. Ладожане напряженно следили за тем, что будет дальше. В толпе слышался тихий говор.

— Опять что-то удумали, собаки!

— Гляди! Меч отдал.

— Сейчас говорить будет.

— Эх, был бы здесь князь Ратибор! Мы бы с ними по-другому поговорили.

— Да я ж узнал его! Это купец Хавард Урманин! Он же в Ладоге не первый год.

— Точно! Он! Пригрели змею...

— Дай кось я его сейчас из лука попотчую!

— Нет, негоже так. По послу стрелять, последнее дело. Не по закону-то.

— А они что, по закону?

— Так то они, а то мы.

Купец подошел еще немного ближе и, приложив ладони ко рту, прокричал:

— Ладожский люд! Славный конунг Олав послал мся к вам с миром! Он не хочет вам зла! Пусть кто-нибудь из ваших старейшин выйдет ко мне и я передам вам условия конунга.

На стенах стало оживленнее. Говор усилился.

— Ишь ты, собака, с миром он пришел!

— Если б не тын, давно бы всех нас порубили.

— Это какой же Олав?

— Да из Бирки. Сын Бьерна с Кургана. Того, что совался к нам однажды лет десять тому назад.

— Вот проклятое семя, все нет ему покоя!

— Кого же пошлем к находнику? — раздался сзади Гостомысла старый, надтреснутый голос.

Старейшина обернулся. Рядом с ним стоял Данислав. Лицо его было сурово, словно говорило: «Не послушали меня, а я же предупреждал!» Вместе с Даниславом был Твердислав, младший брат купца, который приходился ровесником Гостомыслу. Однако, казалось, что время обошло его стороной. Был он крепок и кряжист, а в его пепельных волосах не было заметно седины. Вместе с

ними был и Гремислав. Бессонная ночь резче прорезала морщины на его гордом лице. Под глазами залегли темные тени. Рядом стояли волхвы Радимир и Вольгаст. Оба в длинных, белых одеждах, с резными посохами в руках. Радимир, жрец Велеса, был стар, с серебристой от седины головой и длинной бородой. Глубокие морщины покрывали его смуглое от загара лицо прихотливым, словно древесная кора, узором. А в глазах его было что-то нездешнее, что-то от таинственного подземного мира хозяина стад Велеса, то, что давало ему мудрость и знание. Вольгаст, напротив, был молод. Родом он был нездешний, с далекого, заморского острова Руяна. Темные, всклокоченные волосы, острый крючковатый нос, хищный блеск в глазах, все это делало его надменное лицо похожим на коршуна. И всякий, даже не зная его, сказал бы, что его господин, Перун — владыка молний.

— Так кого же пошлем к находнику? — повторил свой вопрос Данислав.

— Могу пойти я, — выступил вперед Гремислав.

— Нет. Слишком ты горд, Гремислав, — недовольно поморщился старик Данислав. — Дела у нас не так хороши, чтобы гордиться.

— Тогда ступай ты, — предложил ему брат.

— Я тоже не могу. Слишком уж ненавижу свеев. А ненависть, сейчас, плохой советчик, — отвечал купец. — Иди ты, Гостомysl, — обернулся он к старейшине. — Ты среди нас самый рассудительный. Кроме тебя, некому. — Гостомysl согласно кивнул и спросил у волхвов, указывая глазами на надвигающуюся грозную тучу:

— Кому это знамение? Можем ли мы надеяться на успех или нужно готовиться к худшему?

— Надо устроить гадания, — немного помолчав, ответил Радимир. — Похоже, что великий Перун спешит к нам на помощь.

— Нет! — резко выкрикнул Вольгаст. — Туча идет с полуночи. Оттуда же пришли и находники. Значит, владыка молний гневается на нас. Это его предупреждение! — он торжествующе и даже зло глянул на Радимира. — Не гадания надо устраивать, а принести Перуну богатые жертвы. Может быть небесный князь сменит гнев на милость.

— С этим никто не спорит, жертвы Перуну нужны. Тем более теперь, — согласился Радимир.

— Тогда на том и порешим, — сказал Гостомysl. —

Узнаем чего хотят находники. Принесем жертвы богам и Перуну. И поступим так, как скажут знамения.

Степенно, опираясь на посох, Гостомысл спустился с вала. Легкий утренний ветерок теребил его седую бороду. Старейшина вышел в ворота и медленно направился к посланцу конунга. Сотни глаз напряженно следили за ним с обеих сторон. Гостомысл подошел к Хаварду и разговор начался.

— Живи долго, старейшина! — свей, улыбаясь, шагнул навстречу.

— Уж не думаешь ли ты, находник, что я пожелаю тебе того же? — Гостомысл смерил купца презрительным взглядом. — Сказывай, чего хочет твой конунг?

— Мы пришли с миром. Славный конунг Олав никогда не считал словен своими врагами...

— Так зачем же он пролил кровь наших соплеменников? Зачем же он сжег наши жилища? Если хочет мира, зачем пришел как тать ночной? — гневно перебил его старейшина.

— Выслушай меня, мудрый Гостомысл, — вкрадчиво и чуть льстиво начал купец. — Именно об этом я хотел поведать тебе, — и видя, что старейшина больше не перебивает его, Хавард продолжал. — Наш славный конунг Олав был в ссоре с данами. Для того, чтобы наказать их и прибыл он в Ладогу. Словенам же мы не хотели причинить вреда. Чтобы доказать вам свои добрые намерения, конунг Олав приказал своим воинам не трогать ваших жилищ и готов вернуть всех ваших соплеменников, которых у нас около трехсот человек. Он так же хочет заключить с вами договор о мире, а для этого просит вас выполнить некоторые условия, — Хавард остановился, ожидая реакции старейшины.

— Какие? — угрюмо спросил Гостомысл.

— О-о, для вас они почти ничего не будут стоить, клянусь Тором! — купец снова улыбнулся. — Славный конунг Олав хочет, чтобы вы дали нам за ваших соплеменников, — он чуть помедлил, — шестьсот марок серебра.

— Да на торгу в Ладоге за лучших рабов дают по одной марке, а вы требуете по две за человека! — возмутился Гостомысл.

— Но ведь это рабы, а мы предлагаем вам свободных, — наставительно произнес купец. — Если хотите, мы можем отпустить их за так, но тогда заплатите виру за наших павших воинов.

— Сколько?

— Шестьсот марок серебра! — Хавард торжествующе глянул на старейшину. — Да, еще чуть не забыл, славный конунг Олав хочет, чтобы Ладога и вся словенская земля каждый год давала ему по черной кунице от дыма, хотя можно и другими товарами, но тоже на шестьсот марок серебра. — Он подождал не скажет ли ему что-нибудь Гостомysl и продолжал. — Кроме того, когда в Ладогу будут преислывать свейские купцы и воины, ладожане должны кормить их и предоставлять дома. А за все это славный конунг Олав обязуется защищать вас.

— От кого?

— От данов. Они злобны и коварны. Они не простят вам, что здесь погибли их соотечественники. Теперь они вам враги.

— Мы сами сможем защитить себя от своих врагов. И если ваш конунг хочет в этом убедиться — мы ждем его! — гордо ответил Гостомysl. — Ты сказал все, что тебе велели передать? — он развернулся, чтобы уйти.

— Не торопись, старейшина, — голос Хаварда стал почти ласковым. — Конунг Олав просил так же прислать к нему десять ваших знатных юношей. Он хочет воспитать их.

Гостомysl ничего не ответил ему и, не оглядываясь, пошел к крепости. Ему в спину, словно нож, ударили слова находника:

— На князя Ратибора не надейтесь! Вершко не дошел!

* * *

Когда Гостомysl замолчал, в гриднице повисла гнетущая тишина. Ярый, бледный от потери крови, с перевязанной полосами беленого полотна грудью, сидел на лавке, прислонившись к стене и прикрыв глаза. Рядом с ним, за длинным дубовым столом расположились Гремислав, Данислав, Твердислав, Радимир и Вольгаст. У двери стоял десятский Порей. Это был худой, высокий воин лет сорока. Он пристально смотрел на раненного воеводу, словно ждал от него приказа. Вдоль стола тяжелой, медвежьей походкой ходил кузнец Могута. Он грозно сжимал свои кулаки и сердито сопел. Дойдя до двери, кузнец вернулся обратно и остановился напротив Гостомysла.

— А что, если мы этих находников... — он грохнул ку-

лачищем по столу и с надеждой поглядел в глаза старейшины. — А?

— Это было бы лучше всего, — тяжело вздохнул Гостомысл. — Только вот сил у нас маловато.

— Сколько осталось в дружине гридей? — повернувшись к Порею устало спросил воевода.

— Три десятка да еще трое, — ответил десятский и, чуть помедлив, прибавил. — Однако, почитай все ранены.

— Да-а, невелика дружина, — утрюмо протянул Могу-та.

— Так ведь кроме дружины и ратники есть, — вмешался Данислав.

— Есть, — подтвердил Порей. — Почитай сотни четыре наберется. Однако, из них тоже больше половины ранены. Свєї то ночью напали, не всякий сумел доспех надеть. Вот и посекали многих, рубаха-то не кольчуга, — словно оправдываясь, добавил он.

— Ватажники Вульфстана обещали нам свои мечи, — напомнил Гремислав.

— Было б то хорошо, когда б было их побольше, — горько усмехнулся Данислав. — А то всего два десятка.

— А может, Ратибор вернется? — с надеждой спросил Твердислав.

— Нет! — жестко отрезал Гостомысл. — На князя надежды нет. Свєї перехватили нашего гонца.

Разговор умолк. Все сочувственно глядели на Гостомысла. Понимали, каково ему. Ведь гонец то, младший его, Вершко. «Не дошел!» — сказал свей, а живой ли, мертвый, не сказал. Знал куда больней ударить отца. Первым прервал молчание Твердислав. Он поскреб у себя в затылке и неуверенно спросил:

— А может, откупиться от находников? Что мы не соберем что ли шестьсот гривен?

— Соберем, соберем! — гневно набросился на брата Данислав. — Так ведь им того и надо! Может, им еще заложников дать, как они просят? Коли уж повадится хорь в курятник, то пока всех кур не перетаскает, не успокоится. Так и свєї, пока полную власть над нами не заберут, не дадут нам покоя!

— Так что же делать? — растерянно развел руками Твердислав.

— Не знаю, — после вспышки гнева, Данислав нахохлился еще сильнее и стал похож на старого ворона.

— А что гадания? — с тревогой обратился Гостомысл к Волхвам.

— Ничего утешительного, старейшина, — ответил Радимир со вздохом.

— Надо не гадать, а принести владыке Перуну подобающие жертвы, — наставительно произнес Вольгаст. — Может тогда он обратит на наших врагов свой гневный лик!

— Что ж, жертвы так жертвы, — Гостомысл оглядел собравших. — Есть у меня в конюшне подходящий белый жеребец...

— Нет! — негодуя оборвал его Вольгаст. — Человеческой крови жаждет владыка молний! Да не какого-нибудь раба, а человека из знатного древнего рода. Только так мы можем умиловать Перуна!

— Ты уже знаешь кого? — тихо спросил Гостомысл.

— Это должен быть молодой воин, сильный и красивый. Он должен быть лучшим среди словенских юношей.

— Так кто же? — настойчиво переспросил Гостомысл.

— Поскольку от князя зависит милость Перуна, значит он сам должен отправиться к престолу небесного водителя. Лучше других он сможет поведать владыке молний о наших мольбах.

— Но ведь Ратибора нет в Ладогe! — уже понимая, к чему клонит волхв возразил Гостомысл.

— Зато есть его сын! — торжествующе усмехнулся Вольгаст.

— Но ведь он же совсем мальчишка! Как сможет он умалить Перуна? Может, лучше будет отправить кого-нибудь из старцев, умудренных опытом жизни?

— Нет! Здесь важен не возраст, а близость к богу. Род Храбричей был всегда в милости у грозного стреловержца! Так что даже юноша из этого рода сделает больше, чем убеленный сединами старец, — Вольгаст пронзительно взглянул на Гостомысла. — Надеюсь, ты предлагал не себя, старейшина? — и видя, как тот опустил глаза, произнес. — Твое время еще не пришло!

— Значит Вадим? — то ли утвердительно, то ли вопросительно сказал Данислав, оглядев собравшихся.

— Вадим!? — раздался жалобный девичий вскрик за дверью, а потом глухой стук тела, упавшего на пол. Порей быстро растворил дверь в гридницу и все увидели девушку, лежавшую без чувств. Гостомысл сразу же узнал дочь. Он бросился к ней, подхватил на руки и понес в

дом. Рядом растерянно семенила Улита, пытаясь заглянуть в мрачное лицо отца.

— Ты тоже слышала? — сурово спросил он у нее.

— Да, — виновато ответила дочь. — Гориславу никак не могла удержать. Все металась она по терему, словно чужая беда. А потом сорвалась и сюда, — Улита с жалостью взглянула на сестру. — Что же теперь будет, тятенька?

— Запри ее в тереме и смотри, чтобы она никуда не выходила! — вместо ответа приказал отец. Он тяжело вздохнул. — Для нее же будет лучше, если она ничего не увидит. А там, — он снова вздохнул и махнул рукой. — Время лечит.

Уложив Гориславу на постель, заботливо расправленную Улитой, Гостомысл, отдав необходимые наказы старшей дочери, вернулся обратно. Весь ладожский люд, скопившийся в крепости, уже сгрудился у Перунова капища. Только стражники на валу бдительно всматривались в колышущуюся стену щитов вражеского войска, изредка тревожно поглядывая на черную, клубящуюся тучу, наползающую со стороны Невоозера. Она заняла уже половину бледного, рассветного неба.

Капище было обнесено невысоким, не выше роста человека, тыном из крепких сосновых кольев. Кое-где на них были насажены, выбеленные дождем и солнцем конские черепа. Вперемежку с конскими, здесь же были и человеческие. Некогда это были головы храбрых витязей, славных своей силой и отвагой. Некоторые из них принадлежали иноплеменным воинам, взятым в полон словенами. Другие, своим кметям, добровольно отдавшим себя в руки волхвов в лихую годину.

Посреди капища возвышался идол Перуна, сделанный из огромного дубового ствола, толщиной в три обхвата. Фигура владыки молний была в два раза выше любого, самого могучего воина. Его голову венчал огромный железный шлем, похожий на многоведерный котел. В правой руке идол сжимал изломанную в причудливом зигзаге громовую стрелу, сделанную из серебра. Из серебра же были его усы и борода, а широкие, толстые губы, искривленные в грозной усмешке, были темны от запекшейся на них крови жертв. В небольшом ровике перед идолом горело пламя неугасимого костра. Этот костер постоянно поддерживали волхвы, живущие здесь же при капище. Около костра лежал огромный дикий камень,

давным-давно отесанный неизвестной рукой, придавшей ему форму треугольника. Был он размером с добрую избу, только наполовину ниже. На этом камне обычно сжигали жертвы небесному воину. Вот и сейчас посреди него возвышался крепкий сруб-домовина.

Гостомысл пробился в первые ряды толпы. Дальше, за крепкий тын доступ имели одни лишь волхвы. Однако сруб-домовина на широком камне был виден всем. Рядом с ним стоял младший сын Ратибора. Был он в простых полотняных портах и длинной рубахе без пояса. Крепкий ветер-полуночник трепал волосы на его непокрытой голове. А глядел он куда-то в даль, туда, куда не может заглянуть никто из живых, и только избранныкам богов позволено это в последний миг их земной жизни. Ладожане молча смотрели на того, кому было предназначено от их имени обратиться к Перуну. Никто не проронил ни слова, лишь кое-где слышались сочувственные вздохи. Недалеко от себя в толпе Гостомысл заметил Висту, жену Ратибора и ее дочь Любаву. Держалась Виста прямо, гордо подняв голову, однако не было радости на ее лице от всликой чести, выпавшей ей на долю. Если бы не дочь, поддерживающая ее под локти, может и не сумела бы она устоять на ногах.

Вот протяжно запели волхвы и процессия в белых одеждах двинулась в центр капища. Одни несли в руках черных, жертвенных петухов, другие — сосуды с благовоениями, третьи — стрелы с оперением из перьев ворона. Впереди процессии шел Вольгаст. Его глаза хищно сверкали, а ноздри крючковатого носа широко раздувались. Чуть сзади него шел безусый юноша, неся на вытянутых перед собой руках ритуальный топорик. Его лезвие было богато украшено позолоченными, бронзовыми пластинами в виде медведей, а рукоять обвита серебряной нитью. Возле идола процессия разделилась. С двух сторон волхвы обошли неугосимый костер и воткнули вокруг него стрелы с черным оперением. Сверкнули ножи и петушиная кровь забрызгала подножие истукана.

— О, великий, в громе и молнии ходящий, отверзающий хляби небесные, высокий владыка молний! О, Перун! Отврати от народа ладожского свой гневный лик! Пусть обрушится твой гнев на врагов наших! — высоким, хриплым голосом начал моление Вольгаст. — Верни свою милость покорным тебе! Как втыкаем мы стрелы вокруг твоего светлого пламени, так и ты порази наших

недругов своим небесным огнем! Прими наши жертвы, небесный князь! Пошли нам знак угодны ли они тебе?

Длинная, голубая молния извилистым росчерком прорезала потемневшее небо. Первый раскат грома грохнул прямо над головами ладожан. Люди попадали на колени, со страхом и надеждой взирая на каменный помост. Вольгаст и юноша с секирой были уже там, рядом с Вадимом. Княжеский сын спокойно лег в домовину, сложив руки на груди. Вольгаст же простер свои руки к небу и продолжал что-то выкрикивать. Однако его голоса слышно не было из-за непрерывных раскатов грома. Казалось, что простертые вверх худые руки волхва рождали все новые и новые вспышки молний. Их голубые всполохи освещали все зловецким, мертвенным светом. Но вот Вольгаст обернулся к своему спутнику. Юноша, высоко подняв секиру, хотел передать ее волхву, когда поток холодного, голубого пламени ударил сверху.

Лезвие топора в один миг сделалось оранжево-красным, будто только что вытащенное из кузнечного горна. Одежда юноши вспыхнула ослепительным пламенем, а его ужасный крик потонул в страшном раскате грома. Удар громовой стрелы смел с каменного возвышения волхва и его жертву, разметал часть сруба, оставив лишь обугленные останки юноши, да почерневшее, медленно остывающее лезвие топора. Еще раз оглушительно лопнуло небо и из образовавшихся прорех на землю хлынули потоки дождя. Тугие струи, как бичи, хлестали сложенные спины людей. Из-за колышущейся сетки дождя в проеме ворот, пошатываясь, показался Вольгаст. Его одежда и волосы были опалены, взгляд расширенных глаз блуждал, ничего не видя перед собой. Он ухватился за створку ворот и прохрипел:

— Владыка молний не принял жертву! Собирайте дань и заложников, — Вольгаст медленно опустился на мокрую землю и затих.

Шуршание водяных струй и звонкий стук капель нарушали только чьи-то рыдания и полубезумное бормотание:

— Благодарю тебя, владыка Перун, что оставил мне сына! Благодарю...

Гостомысл посмотрел направо и увидел Висту, которая ликующими глазами смотрела в небо, а на ее лице слезы смешивались с дождевыми струйками.

Ожидание становилось невыносимым. А ладожане все не давали ответа. Олав тяжелым взглядом буравил частокол. «Если бы знать точно, что не придет дружина словенского князя, да еще бы пару сотен воинов! — рука конунга яростно сжала богато украшенную рукоять меча. — Тогда эти гордые и заносчивые купцы давно бы приползли ко мне, моля о пощаде!» Жажда действовать, крушить, разрушать так и распирала молодого конунга. Но воины по-прежнему видели перед собой спокойную фигуру вождя с гордо поднятой головой. Если конунг чего-то ждет, если не приказывает идти на приступ или грузить корабли, значит так оно и надо. Так и должно быть. Ведь конунг любимец богов. Кому, как не ему знать их волю.

С севера, оттуда, где за суровым морем, на острове посреди озера Меларен раскинулась родная Бирка, напознала свинцовая туча. Ее края зловеще клубились, а тяжело провисшее брюхо озарялось вспышками молний. Вот туча, разинув пасть, проглотила солнце и где-то прогрехотала повозка Тора.

— Счастливый знак, конунг, — Хавард, улыбаясь, подошел к Олаву. — Боги на нашей стороне. Я уверен, что словенцам ничего не остается, как согласиться на наши условия.

— Ты уверен в этом, купец? — Олав раздраженно глянул на него. — Надо бы принести жертвы богам.

— Нет! Сейчас у нас нет времени приносить жертвы. Если словене так долго тянут с ответом, то конечно уж не за тем, чтобы поднести нам дань. Они готовятся к битве! К битве, которая нам сейчас не нужна. Ты же сам убеждал меня в этом! А поэтому мы отплываем. Это решено.

Олав обернулся к своей дружине. Его зычный голос слышали все. Как всегда он был спокоен и тверд.

— Воины! Вы славно бились и добыли много сокровищ. Но сейчас мы должны уйти. Однако мы вернемся следующим летом. А пока разграбьте все и сожгите город; тащите добычу на корабли! Люди здесь должны почувствовать, что мы побывали в их стране!

Ровные ряды воинов распались, как бусины с оборванной нитки. Одни побежали к кораблям, другие живым потоком растеклись среди домов. Вот уже и первый дымок защекотал ноздри пламени. С веселым треском, разбрасывая искры, пожирал огонь деревянные строения.

Огромная, ветвистая молния прочертила небо. В раскате грома Олав явственно услышал знакомый голос: «Как мог ты усомниться в милости богов, Конунг Олав!? Или не я сказала, что рок твой удачен!?»

Дождь сплошным потоком хлынул на землю. Огонь, только что весело гудевший в срубах домов, злобно шипя, отползал, свертываясь в гадючьи кольца дыма. Олав поднял глаза. Ему показалось, что в разрывах туч он увидел разгневанное лицо прекрасной валькирии. Скульд потрясала обнаженным мечом, которым била в щит. Новая, страшная вспышка молнии ослепила конунга, а разразившиеся раскаты грома едва не оглушили его. Перед глазами вспыхивали пучки разноцветных искр, а в голове и ушах гудело так, как после удара крепкой, железной палицей. Словно издалека до Олава долетел другой голос.

— Конунг! Конунг, очнись! Словене дают нам дань! Дань и заложников! Удача сопутствует тебе, конунг!

Олав опустил глаза. Перед ним стоял Гуннар. Его мокрое лицо озаряла широкая, счастливая улыбка. Хавард и упсальские хевдинги тоже спешили к нему с радостной вестью.

— Дань! Дань на шестьсот марок серебра! Клянусь Тором, такой добычи давненько не видели в Бирке! — так и сиял Хавард.

— Да, Олав, сразу видно, что ты унаследовал удачу своего отца! — одобрительно гудел Эйрик. — Я слышал, что и Бьерн с Кургана привозил из походов огромные богатства.

— Если надумаешь пойти в поход следующим летом, мы с радостью отправимся с тобой, — предложил Олаву Свейн.

— Ха! Молодой хевдинг почувствовал вкус добычи! — Хавард ткнул упсальца в бок и расхохотался.

— Имея такие сокровища, можно подумать и о хозяйке, которая ими распорядится, — подбоченился Гуннар, намекая на будущую свадьбу.

— Можно подумать, Гуннар, что жениться собираются на тебе, а не на твоей сестрице! — весело крикнул Хавард. — Шестьсот марок серебра! Да теперь Олав может посвататься хоть к самому датскому конунгу!

— Похоже, купец, ты опять нарываешься на ссору? — нахмурился Гуннар.

— Тебе во всем чудится насмешка, Гуннар, — остано-

вил его Олав. — Хавард ведь не хотел тебя обидеть. Не так ли? — конунг взглянул на купца.

— Конечно, конунг, — согласился Норвежец, однако всем видом стараясь показать, что Олав не прав.

— Вот и хорошо, — Олав не обратил на это внимания. — Отберите среди пленных — словен. Их мы вернем ладожанам, согласно уговора, — объявил он всем. — Дань грузите на корабли вместе с добычей. Заложников отдайте на «Медведя». Мы отплываем сегодня. Но перед отплытием мы принесем богам богатые жертвы, чтоб они сделали наш обратный путь более безопасным. Хавард! — обратился конунг к Норвежцу. — Займись этим. Выбери десять самых знатных и почтенных на вид пленников. Пусть боги видят, что это не какие-нибудь рабы. Да, — спохватился он и добавил, обернувшись Хаварду. — Не забудь того араба, с которым я дрался. Один любит достойных противников!

* * *

Когда купец из Рея Абд-аль-Керим увидел в своем шатре свесв с окровавленными мечами, он очень рассердился. Как смеют они нарушать покой такого благородного человека в столь поздний час?! Он даже открыл было рот, чтобы позвать воинов Абу Аруса, но острый кончик меча ткнулся ему в живот и благородный купец, ойкнув, сел на подушки, разбросанные по коврам. Свечи зашмеялись, а один белокурый воин, почти мальчишка, без всякого почтения схватив купца за шиворот, вышвырнул его из шатра.

Здесь его подхватил кто-то, грубо выкрутил руки за спину и крепко связал. А потом его вместе с другими пленниками, подгоняя древками копий, погнали на берег. Проходя через лагерь, Абд-аль-Керим увидел груды убитых воинов из отряда Абу Аруса. «Даже столь храбрый воин не смог защитить меня! — с горечью подумал купец. — О великий Аллах! За что ты послал мне такое наказание?! Или не твой ветер надувал паруса моих кораблей, на которых я стремился к изобилию? Что я сделал плохого? За что ты покарал меня? Я ведь не вор и не разбойник, а почтенный купец. В этом ведь нет ничего плохого. Ведь и Мухаммед, пророк твой, тоже был купцом.»

Количество пленных на берегу росло. В основном это

были местные жители. Многие из них были полуодеты. Видно для них нападение было неожиданным. Среди пленных встречались и другие купцы, которые приходили сюда из-за холодного моря. Держались они особой кучкой, отдельно от других. Арабов почти не было. Лишь одного раба, купленного в Булгаре, заметил Абд-аль-Керим, да потом, два огромных воина притащили избитого и связанного Абу Аруса. Они бросили его в отдалении от купца, а передвинуться к нему под грозными взглядами стражи Абд-аль-Керим не решился.

«Что же станет с моими товарами? — тоскливо думал купец. — Куда эти грязные варвары денут мои драгоценные шелка, стеклянные бусы и браслеты? А благовония, мои прекрасные благовония и притирания, которые так любили знатные красавицы?» — по лицу Абд-аль-Керима потекли слезы. Он дрожал от ночного холода и от пережитого страха. «Что станет с моими лучшими товарами, с этими безделицами из золота и серебра? А мои дирхемы? Зачем я взял с собой все свои сбережения? Надо было оставить хотя бы половину у почтенного Ибн-Хордадбеха. И почему я сразу не решил так? А что станет со мной?» — вдруг с ужасом подумал он. Его лицо враз посерело. Теперь вряд ли кто-нибудь узнал бы в этом жалком старике, трясущемся от холода и страха, почтенного купца из Рея.

К утру разразилась сильная гроза. Дождь лил словно перед потопом. Холодные струйки противно змсились по лицу, затекали за воротник халата, сбегали по спине и плечам. Укрыться от льющейся с неба воды было некуда. Абд-аль-Керим сидел, поджав под себя ноги, и отрешенно покачивался из стороны в сторону. Сквозь колышащуюся завесу дождя он видел реку и свои корабли у берега. Высокобортные, с глубокими трюмами, полными его товаров. Без сомнения это были они! Его корабли, которые должны были привезти в Рей его счастье. И которые теперь отвезут его в рабство. Как непостоянна судьба! Сердце купца сжала тупая боль. Все стало безразлично. Никогда уже он не увидит залитого солнцем Рея. Никогда не пройдет по тихим, пыльным улочкам, между высоких, глинобитных заборов. И никогда не увидит такого голубого, и такого безоблачного неба, как в Хорасане. Может быть в этом и было его, купца Абд-аль-Керима счастье? Счастье, мимо которого он прошел, так и не заметив. Счастье, которое затмил жадный блеск золота.

Вдруг на берегу началось какое-то движение. Стражники отделили от пленных местных жителей и погнали их куда-то в сторону крепости. Затем берег стал заполняться свейскими воинами. Абд-аль-Керим отрешенно смотрел на все это. Он не испугался, когда его, Абу Аруса и нескольких, судя по виду, богатых купцов, выстроили посреди образовавших круг викингов. Откуда-то из-за деревянных строений показался их конунг с небольшой свитой. Глаза Абд-аль-Керима безразлично смотрели на то, как варяжский конунг воздел руки к небесам, взывая к своим богам. В руках конунга тускло сверкнула чаша из чеканного золота. Абд-аль-Керим оставался спокоен, даже увидев приближающегося к нему палача. И когда тяжелый удар обрушился ему на затылок, он устало закрыл глаза и рухнул на вмиг ослабевших ногах. Он больше не мог чувствовать, как острый нож вскрыл вены на его шее, не мог видеть, как резкими толчками ударила его кровь в золотые края чаши и благородный металл окрасился в теплый, розовый цвет. Он был уже далеко, купец из Рея Абд-аль-Керим, так и не нашедший своего счастья...

* * *

Та громовая стрела, пущенная гневной десницей Перуна, что поразила помощника Вольгаста, не обошла стороной и Вадима. Только вот испепелила она ему не тело, а душу. Поднялась душа призрачной птицей, да и уселась на коньке крыши, раздумывая, улететь насовсем, или вернуться? А пока с любопытством смотрела вниз, наблюдая, что же там происходит.

Вот стоит Вадим в толпе ладожан. Рядом мать Виста, сестра Любава, Горислава-любимая, Улита и семилетний Вольга, сын Гремислава. Все напряглись, вытянули шеи вперед, а Вольга привстал на цыпочки. Все ждут. Кому выпадет злой жребий отправиться за море, к находникам, в залог мира. Гадают старым обычаем, тянут стрелы. Вытянешь стрелу, снаряженную каленым железом, хорошо. Знать, пращур-заступник отвел руку. А достанется легкая, лишенная наконечника — это судьба. Значит тебе оставлять родимую Ладогу, отправляться на чужбину.

Маленький Вольга теребит Гориславу за руку, хочет утешить.

— Не плачь, сестрица! Вот уж и девятую вытащили, там и осталась то всего одна.

Только не спокойней от этого на сердце у Гориславы. Ведь Вадим то жребий еще не тянул. Вот и бегут беззвучно слезинки по щекам.

— Успокойся, — гладит плечи сестры Улита. — Дажь-бог милостив, не допустит он того.

Звонко шлепают капли с потемневших от дождя крыш. Где-то за Волховом еще ворчит грозная туча. Солнечные лучи, как стрелы, пробиваются в разрывы облаков. Встрепенулась птица-душа на своем месте, расправила крылья. Подалась вперед Горислава, а сама будто силится что-то вспомнить. Морщит мучительно лоб. Нет! Не дается мысль, ускользает, как клочек болотного тумана. Вот и Вадимов черед настал. Подошел он к старейшинам, потянул заветный жребий. Взял ту, что с серым, гусиным пером, с черной крапинкой посередине. Заклекотала птица-душа, забила крыльями, камнем бросилась к хозяину. Закричала Горислава от горя. Тут только и увидел Вадим, что стрела, вытященная из колчана, без наконечника. А толпа за спиной облегченно ахнула:

— Десятый!

В голове пустота, как в порожнем котле. В груди сердце стучит глухо-глухо: «Тебе, тебе, тебе! Снова тебе!» Увидел мать Висту, ее строгое лицо, с вытянутым в тонкую нитку ртом. Любава что-то шепчет, тихо шевеля губами. Разобрал:

— Видно от судьбы не уйдешь!

У самого на глаза слезы навернулись: «Что же это!?» Мать молча взяла его за руку, повела собирать в дорогу. Тяжкие это были сборы, хоть и доставала мать Виста наряды из того ларя, где припасено все для особого случая. Вот и настал он. Достала мать белую сорочку, по вороту вышитую, шелковый плащ лазоревый с куньим подбоем, высокую шапку соболью, такую в пору и жениху одевать. Подумала немного. Принесла один из отцовских поясов с крупной пряжкой-туром. Опоясала Вадима. Может пояс-оберег поможет сыну в чужой стороне? На шею надела тонкую, витую гривну красного золота. Все ж не холоп, а княжий сын. Отошла на два шага, оглядела придиричливо, поворачивая перед собой то туда, то сюда. И вдруг, никогда Вадим не видел мать такой, разрыдалась, бросилась ему на грудь, запричитала:

— Что же буду без тебя я делать, дитяtko? Каково же тебе будет на чужой-то, на сторонushке? Что скажу твоему

я батюшке, что поведаю, о твоей о злой, о доле, горемычная? Улестает от меня-то сокол ясный. Да разлука мне с тобой горше смертыньки!

Причитала мать, причитала и спрашивала. Да что же ей ответишь? Вадим каменно молчал, только гладил рукой теплые материнские волосы. А к горлу подкапывал противный, вязкий ком. Не сказать из-за него ничего, не вздохнуть. Жалко было мать, и Гориславу, да и себя тоже.

Мать успокоилась сама. Смахнула слезинки, повисшие на ресницах. Даже улыбнуться постаралась. Подтолкнула в спину.

— Ну иди. Провожать не пойду, не на век же расстаемся, — а у самой глаза до краев тоски полны. Да не простой тоски, тоски смертной. «Не увижу больше ее!» — больно сжалось сердце в недобром предчувствии, но Вадим не остановился, не оглянулся. Толкнул тяжелую дверь на крыльцо.

После полумрака сеней яркий свет резанул по глазам. Да так сильно, будто снова жарко ахнула рядом громовая стрела. Зажмурился Вадим и словно въяве увидел перед собой чужого воина, по виду варяга. Уже седого, заматерелого в сечах, с отметиной от вражеского меча на правом виске. Стоял варяг широко расставив ноги, крепко сжимая сильной рукой рукоять меча, а за его спиной колыхались копья немалого войска. Даже стяг разглядел Вадим, незнакомый, малиновый, с белым соколом посередине. Сложив крылья, камнем падал он на добычу. Видно и хозяин был таков. Не успел Вадим оглянуться назад, увидеть свою дружину под отцовским знаменем с золотым туром, как обнаженный меч холодно блеснул в руке у находника. Схватился Вадим за левый бок, судорожно ища рукоять своего клинка на поясе. Напрасно! Тут только и понял, что пригрезилось ему это. Тряхнул головой, провел ладонью по глазам, стряхивая наваждение. Вот тогда и заметил он Гориславу.

Девушка стояла чуть в сторонке. На ее побледневшем и похудевшем лице ярко горели широко раскрытые глаза. А в глазах застыл испуг, как если бы увидела она такое, чего ждала, но чего страшилась. Смотрела она прямо на Вадима и юноша шагнул к суженой. Горислава подалась к нему, но с места не сошла. Лишь губы ее неразборчиво бормотали:

— Все так,.. переступень трава,.. Болдырь проклятый,..

все как видела, . плащ лазоревый,.. гривна золотая. Прости, сразу не поняла! — она всхлипнула, закрыв рот рукой, чтобы не заголосить. Вадим прижал ее к себе. Уткнулся лицом в ее двойную макушку. А сказать ничего не смог. Все ком проклятый. Что ты с ним будешь делать, не уходит и все.

— Вадимушка, миленький! Ты ведь вернешься, я же знаю, вернешься! Ты ведь меня не бросишь? — горячо шепчет Горислава, а ее мягкие волосы щекожут Вадиму щеку.

— Я тебя ждать буду сколько надо! Только ты возвращайся скорей. Ведь вернешься!? — в горле запершило от гвоздичной пряности ее волос. Хотел сказать: «Жди», а вышло:

— Не знаю...

Чья-то тяжелая рука легла на плечо. Обернулся. Домажир, ключник Гостомысла, зовет.

— Старейшины ждут!

Вот она дружинная изба. Вслед за Домажиром вошел Вадим в светлую гридницу. Сколько раз бывало мальчишкой хотел он попасть сюда, на советы отца со старшей дружиной. Сколько раз видел себя в мечтах здесь, восседающим за дубовым столом рядом с прославленными кметями. Вот и сбылись мечты. Только смутная тревога поселилась в сердце, недоброе предчувствие закралось в душу. Вадим попытался понять, что это, но у него ничего не получилось. Как тогда на жертвенном камне, когда он пытался заглянуть за ограду. Нет, не выходит. Он обвел глазами собравшихся: старцы градские, волхвы, раненый воевода, десятский Порей и те девять, кому выпал жребий. Он десятый. Старейшины медлят чего-то, переглядываются, вздыхают. Вадим посмотрел на Ярого, но и старый воевода отвел глаза. Тогда Радимир, жрец Велеса, откашлялся и повел свою речь издалека.

— Все вы знаете, что давным-давно наши предки жили в той земле, где заходит солнце. Издавна повелось у них так, что жили они вольно, ни от кого не зависели и никому дани не платили. Сами бывало брали с соседей, как мы сейчас с корел или чуди, но платить — никому! А все потому, что превыше всего ценили они свободу. И ради нее не щадили ничего, даже жизни.

В гриднице застыла напряженная тишина. Кудесник обвел внимательным взглядом десять юношей, подчер-

кивая этим что то, о чем он говорит, относится как раз к ним.

— Вот взять тебя, Вадим, — продолжал он. — Тебе дали имя твоего дяди. Это был отважный воин и, я думаю, в тебе отразилась его душа. Ведь души, уходя в ирий, и там заботятся о нас, а часто возвращаются, чтобы возродиться к новой жизни. Значит жизнь, которую мы живем, она не одна. И то, какой она сможет стать, зависит от вас. Только от вас самих, — подчеркнул Радимир. Он еще хотел что-то добавить, но Данислав опередил его.

— Да что там! — махнул рукой купец, а его надтреснутый, старческий голос показался всем предвестником смерти. — Лучше лишиться сыновей жизни, чем отцов свободы.

Вадим судорожно сглотнул и тихо спросил за всех:

— Нам нужно умереть?

И за те мгновения, пока не прозвучал ответ, юноша понял каков он будет. «Какая она, смерть?» — пронеслось у Вадима в голове. — «Что там за чертой?» И словно отвечая на его вопрос, перед ним возникло видение капища. Вот она — черта. Ограда. За ней другой мир. Но ограду скрывает какая-то сумрачная пелена. «Нам нужно умереть?» Из сумрака выступают черепа с глубокими провалами глазниц. Их рты щерятся в отвратительной ухмылке. Они то знают ответ. «Нам нужно умереть?»

— Да, — печально ответил Гостомысл.

Враз потемнела светлая гридница. Из окон, словно из глазниц черепов, брызнула могильная тьма. Затопила собой все, превратила в прах и тлен. «Зачем жить? Зачем любить? Кому нужно все это?» — как черви копошились мысли в мозгу. А кто-то, кажется Вольгаст, наставлял обреченных:

— Благодородная смерть возродит вас к жизни еще более благодородными!

— Как нам сделать это? — деревянно шевелит губами Вадим.

— Постарайтесь достойно. Главное, чтобы sweи ушли подальше от Ладоги. Можно в Нево-озеро, а можно и в Котлине. Находники следующим летом собираются вернуться. Мы их будем ждать. А вас здесь ждать уже не будет никто! — жестоко отрезал Данислав.

«Вот и все,» — как последние капли в пересохшем роднике прошелестела мысль. И осталось не тело, так, оболочка без жизни. А птица-душа устремилаь ввысь. В

бескрайнее небо, которое есть Род*. Род могучий, седой и древний, как сам этот мир. Род, который есть все сущее в мире светлом и в мире подлунном. Род всепроникающий, творящий и несотворенный. Непостижимый Род, перед которым даже Сварог кажется младенцем. Нет для него ни зла, ни блага. Что ему судьба человеческая? Пылинка мироздания, растворенная в бесконечности. И тают в нем, трепещущие крылами птицы-души, но растворяясь, не исчезают, а сливаются с вечностью, может для того, чтобы возродиться вновь.

Увидев тех, кому суждено было отправляться к находникам, и среди них Вадима, Горислава кинулась к любимому. Однако суженый словно и не заметил ее. Вместе с другими заложниками он направился к крепостным воротам. Вся небольшая дружина сопровождала их. Гориславе показалось, что даже бросься она ему под ноги, Вадим просто перешагнул бы через нее, такой холодный и отчужденный был у него взгляд. Губы ее обиженно задрожали, а не успевшие просохнуть глаза, вновь наполнились слезами. «Бесчувственный чурбан! Только о себе и думает! А мне каково? Не знаю! — передразнила она его. — А я что, знаю?!» И вдруг замерла, вспомнив, где она видела такие холодные, безжизненные глаза. Именно такие, холодные, отрешенные, отчужденные от всего земного, неживые глаза были у него там, на жертвенном камне. Горислава охнула и отчаянно бросилась к воротам, но отцовские руки остановили ее. Она забилась пойманной птицей, силясь вырваться, убежать, улететь к своему ненаглядному! Горислава кричала, захлебываясь в рыданиях до тех пор, пока спасительная пелена забвения не накрыла ее. Последнее, что она слышала, были слова отца: «Забудь его! Он уже мертвый!»

* * *

Шел Вадим к находникам, шел, но ничего не видел вокруг. Только глазницы черепов черными провалами маячили перед его взором, обещая последний ответ. «Какая она смерть?» Закачалось все под ногами. Глянул вниз, вода плещется. Вот они сходни еловые, переброшенные с корабля на берег, последняя ниточка, что с родимой землей связывает. «Может это черта?» Взмахнули весла и уж нет ее. Все дальше ладожский берег. Все дальше. А над крепостью крик журавлиный стоит. Жалобный.

Прощальный. Тут рванулось из груди, не крик, стон еле слышный. Знать, не улетела птица-душа, не смогла оставить хозяина. Затопила все жгучая боль. Ничего не оставила. словно тело все стало болью одной. Тоской да болью.

А старик Волхов знай плещет волной за бортом: «Все пройдет! Все! все!» Подхватил варяжские суда, быстрее понес. словно и ему не по нраву пришлось незваные гости. Вот повернул он. Плавно. Могуче. И ушла за поворот родимая Ладога. Навсегда ушла. Навеки.

Долго сидел Вадим, не проронив ни слова, не спуская глаз с уходящего назад речного берега. Никто не тревожил его. Видно у остальных на душе было не лучше. Свєї почти все были заняты на веслах и лишь шестеро вооруженных стражников лениво наблюдали за словенами. На корме, рядом с кормчим, у рулевого весла стоял свейский конунг. Высокий. Красивый. Гордый. Его голубые глаза насмешливо смотрели на пленников, словно говоря: «И это сыновья лучших людей?» Этот взгляд, презрение в нем сквозившее, задела Вадима. «Кто ты таков, чтобы нас судить?» Юноша почувствовал, что где-то в глубине его души начали закипать гнев и злость. Не просто злость, а яростная злоба. «Злоба и ненависть это то, что сейчас нам нужно. Злоба и ненависть это единственное, что нам остается, — глядя в глаза конунга, подумал Вадим. — Как там сказал Данислав? Нужно умереть достойно? Хорошо! Ты увидишь, как умирают достойно!» Свєї будто прочел его мысли. Нахмурился сурово. Что-то, наклонясь, тихо сказал стоявшему рядом великану. Тот нагнулся к своим ногам. Что он там делал, Вадим разглядеть не сумел, так как палуба была завалена добычей. Но когда свей поставил на ноги связанного человека в изорванной и окровавленной одежде, юноша сразу узнал его.

— Вершко! — вырвалось у Вадима.

Пленник завертел головой, жмурясь от солнца, видно держали его без света. Свєї разрезал веревки на его руках и грубо толкнул к ладожским заложникам, сгрудившимся возле мачты. Вершко едва не упал, но Вадим и Мечислав, сын Чурилы, серебрянника, поддержали его. Вершко недоверчиво оглядел всех, будто опасаясь подвоха.

— Что ты, Гостомыслов сын, смотришь на нас, как волк на рогатину? — спросил его скорый на язык Булгак. Приходился он Вадиму ровесником, а отцом у него был

Поздей-бронник. Вершко смерил его снисходительным взглядом, дескать не тебе, сыну кузнеца, да мальчишке, вопросы мне задавать. А сам обратился к Молчану, который был среди ладожан старшим. Этой весной исполнилось ему восемнадцать.

— Что вы тут делаете? — Молчан только засопел в ответ и кивнул на Вадима. Вот мол, кто лучше объяснит. Вадим и вправду коротко рассказал ему о переговорах со свеями, о несчастливых гаданиях, о решении старейшин.

— Значит, умереть достойно, — тихо, словно для себя, повторил Вершко. — И как вы собираетесь это сделать?

Все молчали. Только сын Нежилы-серебрянника, Мал, тихо всхлипнул. Был он среди обреченных самым младшим, едва минуло ему тринадцать. Булгак растерянно развел руками.

— Оружия-то у нас нет.

— Зато у нас есть время, — веско сказал Бажен, племянник Данислава.

— Точно. Уж чего, чего, а времени у нас хватает — вся жизнь! — зло усмехнулся Мечислав.

— До самой смерти, — добавил Бажен.

— Сейчас у нас, пожалуй, ничего и не выйдет. Данислав был прав. Сейчас свеи настороже, все при оружии. А вот дня через два, три... — рассуждал Вадим. — Я так понимаю, чтобы умереть достойно, лучше умереть в бою. Да и свеям какой-никакой урон.

— А я вот что скажу, — после недолгого раздумья заявил Вершко. — Нам всем может и умирать незачем.

— Как! — разом загорелись глаза у Мечислава и Бажена, а все остальные теснее придвинулись к Вершко. Только Молчан остался по-прежнему невозмутим.

— А так! — Вершко поглядел на Вадима. — Ты же сказал, что в Ладоге нас не будут ждать вместе с варягами. А если мы вернемся без них?

— Ну тогда не знаю, — пожал плечами сын Ратибора.

— А я знаю! — Булгак так и кипел от нетерпения. — Надо всем попрыгать в воду, а на берегу — в лес. Только нас варяги и видели!

— Пока ты до берега доплывешь, варяги тебя раз десять из лука подстрелят, — остудил его Мечислав. — Хорошо бы корабль захватить, — мечтательно протянул он.

— Не выйдет, — отрезал Бажен. — Свеев слишком много. По крайней мере, трое на каждого из нас.

— Да, пожалуй, — согласился Вершко. — Многим из

нас придется принять смерть, — он обвел взглядом сразу помрачневшие лица. — Но тот, кто останется в живых, должен вернуться в Ладогу и передать старейшинам, что Некрас Болдырь предатель!

Он рассказал всем, что случилось с ним ночью у све-ев. А под конец наказал всем:

— Пока будем вести себя так, словно смирились с неизбежным. А сами будем наблюдать, все замечать и готовиться! Боги помогут нам!

Весь первый день свеи шли на веслах. Видно опасались погони. Да и все их плавание сильно напоминало бегство. Свейский конунг хмурился и часто поглядывал за корму. Особое беспокойство доставляли ему арабские корабли. Были они приспособлены ходить только под парусом, а ветер все время дул с северо-запада, навстречу. Вадим заметил, как долго спорили Олав и Хавард что с ними делать. Конунг предлагал сжечь эти тихоходные корыта, путающиеся под ногами. Однако Урманин убедил его не делать этого. С арабов перебросили на корабли Олава канаты и тащили их, как скотину на привязи. Людей на веслах менять было некому, поэтому к вечеру все выбились из сил. Крепя сердце, свейский конунг приказал на ночь причалить к пологому берегу Невы-озера. Но сходни на берег не сбрасывали и свеи спали прямо на кораблях, завернувшись в кожаные мешки. Всю ночь стража перекрикивалась сквозь туман, а едва рассвело и люди наспех перекусили, конунг приказал трубить отплытие.

В первый день о заложниках словно забыли. И Вадим достаточно хорошо мог разглядеть корабль свеев. Был он раза в полтора больше, чем словенские лодьи, да пожалуй, и красивее. Вадим залюбовался изогнутым, точно лебединая шея штевнем, украшенным богатой резьбой и резной головой медведя. Свейское судно имело по двенадцать весел с каждого борта, не считая рулевого. Правда сейчас, из-за нехватки людей, гребли только восемнадцать воинов. Да и араб, которого тянули на канате, сильно замедлял его ход. Однако Вадим почувствовал, каким стремительным оно могло быть, и невольно залюбовался кораблем, как добрым скакуном.

— Что? Нравится моя морская лошадка? — спросил насмешливый голос за спиной. Вадим обернулся и увидел перед собой свейского конунга. Юноша смущенно опустил глаза и ничего не ответив, отошел к своим. Конунг только усмехнулся, но продолжать разговор не стал.

Зато на следующее утро подошел к словенам сам. И, обменявшись приветствиями, повел такую речь, что мол взял он их не как простых пленников, а как своих друзей, а потому надеется на их товарищеское участие в своих делах. Словене хмуро молчали. Тогда конунг напрямую спросил их, кто готов сесть на весла его корабля. Поскольку им все равно нечем заняться, продолжал он, они могли бы таким образом скоротать время, да и кое-чему научиться.

— Ну, что скажешь, сын конунга? — обратился он к Вадиму. — Я же вижу, что тебе так и хочется взяться за весло. Так чего ты ждешь?

Вадим переглянулся с Вершко и тот согласно кивнул.

— Хорошо, — ответил Вадим свею. — Показывай, куда нам сесть?

Конунг хлопнул его по плечу и довольно улыбнулся. Кроме Вадима, за весла сели Вершко, Мечислав, Молчан, Бажен и Нечай, шестнадцатилетний сын плотницкого старосты Богуна. Хитрый свей рассадил их с умыслом, так, чтобы между словенами было по два, три варяга. Усевшись на морской сундук, Вадим примерился к веслу. Весло бы ясеновое, тяжелое, почти в пять сажен длиной, с отполированной многими руками рукояткой. Однако, с первым гребком, как только юноша ощутил под лопастью весла бунтующую тяжесть воды, его охватило совершенно новое чувство. Казалось он слился с кораблем, стал его частью, разделяющей его цели, каковы бы они не были. Когда мускулы разогрелись в работе, а нервы привыкли к ритму, Вадим огляделся по сторонам.

Вокруг сидели воины Олава. В основном они были ровесниками своего вождя, редко кому было больше тридцати. Многие из них были раздеты до пояса и на бронзовых от загара телах вспухали тугие узлы мускулов. У многих Вадим заметил рваные рубцы старых ран, метивших те места, куда в бою вошло чужое железо. Прямо перед Вадимом сидел молодой, светловолосый свей. На его спине, почти под левой лопаткой, на загорелой коже резко выделялся длинный, белый шрам, похоже от широкой боевой секиры. Вадим с невольным уважением подумал, что не всякий остался бы жив после такого удара. Свей повернул к нему голову и широко улыбнулся.

— Меня зовут Ингвар! — крикнул он, играючи управляясь с тяжелым веслом. — Я из Агдира!

— Тоже урманин? — закричал в ответ Вадим, изо всех сил налегая на непокорное весло.

— Да, — засмеялся свей. — Так вы называете нас, норвежцев. А почему ты сказал тоже?

— К нам в Ладогу приплывал Хавард Урманин.

— Нет! — замотал головой молодой воин. — Это отец у него был норвежец, а сам он родился уже в Упланде. Так что он свей. А ты, говорят, сын конунга? Это правда?

— Да.

— Для сына конунга ты неплохо обращаешься с веслом.

Эта похвала в устах врага почему-то обрадовала Вадима. Он еще старательнее налег на ясеневую рукоять.

— Как же ты, урманин, попал к свеям? — просто из любопытства спросил он своего собеседника и тут же заметил, как напряглись сильные руки Ингвара.

— Херсир Заральд убил моего отца, всю семью и сжег мой дом, — глухо ответил он. — Я убил сына Харальда. Но Херсир оказался могущественнее меня и я был вынужден бежать. Вот и попал в Бирку. А что мне еще оставалось? — Ингвар надолго замолчал.

Вадим тоже греб молча и внимательно поглядывал по сторонам. Весь второй день варяги снова шли на веслах. К вечеру начало слегка штормить и налетавший порывами северо-западный ветер бросал в лица гребцов пригоршни мелких, холодных брызг. Корабль, хотя и тяжело нагруженный вздрагивал на мелкой волне. Низкие рваные облака проносились над судами свеев, почти цепляясь за мачты. Несколько раз начинал накрапывать мелкий, частый дождь. К заходу солнца показалось широкое Невское Устье. Здесь свейский конунг и приказал бросать якоря. Как и в прошлую ночь сходит на берег не спустили, а стража всю ночь не смыкала глаз. «Видно Олав опасается ночного нападения, — подумал Вадим. — По себе других судит». Ижоры, населяющие берега реки, вряд ли нападут на свеев, подумалось ему. Были ижоры народом лесным, больше привычным к охоте, чем к войне. Жили в глухих лесах, каждый родом своим, от других особо. Где ж им напасть на такую флотилию. За день Вадим сильно устал, наворочавшись тяжелым веслом. Он уже почти заснул, когда кто-то осторожно тронул его за плечо.

— Кто? — тихо прошептал юноша.

— Я, — узнал он прерывистый шепот Вершко. — Решать надо что делать!

Через день уже поздно будет.

— Да, — откуда-то сбоку подтвердил Мечислав.

— Пока вы на веслах сидели, я все заметил, — с ехидцей в голосе сообщил Третьяк. Его отец, Мстислав, был в Ладоге лучшим мастером среди златокузнецов. — Свечи-то уже и тетины с луков сняли, и секиры да мечи поразвесили, я уж не говорю про щиты да брони. Видать, не боятся нас, море почуяли.

— Третьяк прав, — поддержал его Вершко. — Не сегодня-завтра свечи выйдут в Котлино озеро, а там уж до берега вплавь не добраться. Поэтому надо действовать завтра, пока мы еще в Невском Устье.

Уговорились так, если представится случай напасть на свеев, используя весла. Если удастся, захватить оружие и стать у ближнего к берегу борта. Старшие, Вершко, Молчан, Мечислав, Бажень, Горазд и Вадим будут сдерживать свеев. А Мал, Третьяк, Нечай, Булгак и Истома прыгнут за борт. Когда они будут уже на берегу, за ними последуют и те, кто уцелеет в бою. На этом и порешили.

Однако на следующий день случая не представилось. С самого утра свейский конунг усадил их за весла и гребли они почти до самого заката. Конунг опять рассадил словен между своими воинами. Словно догадываясь о замыслах ладожан. Если на бортах рядом с гребцами висело их оружие, то там, где сидели словене его предусмотрительно убрали. Погода окончательно переменялась. Расплывчатое желтое пятно солнца едва пробивалось сквозь низкую пелену хмурого неба. Да и у людей настроение было соответствующее. Вадим попытался было заговорить с Ингваром, своим вчерашним знакомцем, но тот только буркнул в ответ: «Драппу* сочиняю!» и продолжал сосредоточенно налегать на весло. «Что такое драппа?» — подумал Вадим. Слово было для него новым и незнакомым. Он поломал над этим голову, а потом бросил. «Зачем забивать голову чем-то ненужным, если осталось жить, может, день один?» — горько подумалось ему.

Он припомнил Гориславу. Не такую, какой видел в последний раз, бледную, заплаканную, с темными кругами под глазами, а веселую, задорную, счастливую, какой запомнил ее тогда, на торгу, когда провожали отца. Снова заглянул в ее темные, переменчивые глаза, глаза, кото-

рые сулили ему так много. Кому-то они теперь отдадут свои посулы? Взор Вадима затуманился, в горле запершило, словно от гвоздичной пряности волос любимой. «Вадимушка! Любый мой... Я тебя ждать буду, сколько нужно!» — прямо в ухо зашептали жаркие, девичьи губы. Сладко замерло в груди сердце. Вадим смахнул слезинку, скатившуюся по щеке и быстро оглянулся, не видал ли кто? Нет. И он снова налег на весло. Грести было гораздо легче. То ли привык, то ли помогало быстрое течение реки. Ее заросшие густым лесом берега провожали варяжские корабли настороженными взглядами. «Эх! — вздохнул Вадим. — Надо было с ижор не дань требовать, а союз заключать. Тогда бы находники не подобрались к Ладоге незамеченными. Да и лесовики с их верными луками вместе с нашей дружиной — сила! Вот сейчас, посади по сотне лучников на каждом берегу, да на стрелы пакли горящей наверти, мало бы кто из свеев ушел! Как вернется отец с Киева, расскажу ему, — решил юноша, но тут же спохватился. — Отец-то вернется, а вот я, навряд ли!»

В эту ночь, как и в предыдущие ничего не случилось. Вадим, хоть и устал, но сон к нему не шел. Вершко сказал, что на следующее утро свеи выйдут в Котлино озеро, что мол, за поворотом Невское Устье делится на несколько рукавов. И все! Прощай мечты о возвращении в родную Ладогу. Там, за морем, чужая земля, а значит и смерть. Мрачное, холодное царство Велеса. Вадим поежился. Глянул в темное, ночное небо. В разрывах облаков тускло мерцали мелкие звезды. Юноша попытался отыскать небесных лосих*, мать и дочь. Но не нашел. Это огорчило его. «То знак дурной, — решил он и почему-то успокоился. — Раз так, то надо хоть выспаться.» Он плотней закутался в кожаный мешок, который дали ему свеи и заснул.

Следующее утро выдалось таким же хмурым, как и вчерашний день. Зато ветер переменялся. Подул с северо-востока. Свеи повеселели и оживились. Подняли на мачту рею с широким, прямоугольным, полосатым парусом. На «Медведе», так назывался корабль свейского конунга, парус был красно-белым. Варяги вытащили весла и сложили их вдоль бортов. Отверстия, предназначенные для них, закрыли круглыми крышками, со странными рисунками снаружи. Вадим глянул через борт. Река вокруг них пестрела парусами, красно-белыми или бело-зелеными на свейских и датских кораблях, простыми бе-

лыми у арабов. Наконец-то их отцепили от канатов и они поплыли самостоятельно. Правда, свои непривычные к парусам арабов сначала действовали неуклюже. Арабы рыскали из стороны в сторону, распутивая остальные суда.

— Море! — услышал Вадим позади себя знакомый голос. Он обернулся и увидел улыбающегося Ингвара. Норвежец был в синем плаще из шерстяного сукна. Плащ был заколот на правом плече крупной, позолоченной фибулой.

— Куда это ты так нарядился? — удивился Вадим. — Мы что, уже приплыли в Бирку? Я думал она гораздо дальше.

— Нет! — засмеялся Ингвар. — До Бирки еще неделя пути. Я сочинил драппу и сейчас исполню ее конунгу Олаву. Хочешь послушать?

— Ты мне сначала скажи, что такое драппа, — предложил ему Вадим.

— Драппа — это хвалебная песнь! — приосанившись, ответил Ингвар. — И сочинять такие песни большое искусство. Тех, кто владеет этим искусством называют скальдами. Ну ладно, я вижу конунг уже готов слушать. — Он направился на нос корабля. — Когда-нибудь я расскажу тебе как оно возникло, — махнул своей рукой Вадиму.

Вадим поглядел за борт. Судя по всему, Невское Устье кончилось. Свейские корабли выкатывались на простор Котлина озера, которое, как говорили, впадает в Варяжское море. Ничего особенного Вадим не заметил. И справа и слева темнела узкая полоса берега, где-то там, на краю окоема горбился небольшой островок, покрытый лесом. Вода в Котлин озере у берегов была мутная, грязно-серая, чем дальше от берега, тем она становилась темней, наливаясь какой-то свинцовой синевой. «Нево-озеро поболее этого будет», — пренебрежительно пожав плечами, подумал Вадим.

Он оглянулся. Свои сгрудились на носу корабля. Ладожские заложники стояли чуть сзади, особняком. Вокруг них, у бортов, расположились пять или шесть воинов с копьями и щитами. Это были стражники. Но они почти не обращали внимания на словен, и, вытягивая шеи, пытались заглянуть через плечи товарищей. На корме у рулевого весла стоял дородный, высокий свей. Еще двое что-то делали у снастей. Остальные, затаив дыхание,

смотрели туда, где под резной фигурой медведя восседал конунг. Его окружали берсерки и старый воин с зеленым стягом. Перед конунгом стоял Ингвар и громким, чистым голосом то ли читал, то ли пел свою драппу. Звуки были вроде и знакомы, но смысл ускользал от Вадима. Но вот Ингвар повторил припев и юноша разобрал:

Губителя данов
Сегодня я славлю!

Свеи одобрительно загудели, а Ингвар продолжал:

Щитов спор* был страшен,
Но славой украшен,
Колец даритель*,
Врагов победитель.

Сын Бьерна с Кургана
Сполна славы бранной
Сегодня нажил,
Врагов уважил.

Губителя данов
Сегодня я славлю!

Вадим заметил, как сначала суровое лицо конунга теперь разгладилось и он с интересом ждал продолжения. На соседних кораблях тоже слышали драппу и они подошли ближе к «Медведю». А чистый голос Ингвара торжественно рокотал:

С серпом ран* отважный
Врывался в стан вражий.
Что ясеню битвы*
Врагов молитвы?

Народы горды
Ему покорны.
Рукою твердой
Конем морским* правит,
Себя страшиться он всех заставит.

Припев подхватили сразу несколько голосов и песня, словно гордая птица, расправив крылья, взмыла над волнами.

Губителя данов
Сегодня я славлю!

В это время Вадим заметил, что справа от мачты, там, где стоял один из стражников, кто-то забыл боевой то-

пор. Он возбужденно потянул за руку Вершко и показал ему глазами оружие. Тот так же молча показал его Молчану, а тот велел остальным приготовиться. И, шепнув что-то Мечиславу и Бажену, взглянул на корму.

Владыка боя*
Был им доволен.
На вече сечи*
Был им примечен
Отважный воин,
Что славы достоин.
В Восточных странах
Его славы бранной
Забудут не скоро!

И уже с нескольких кораблей могуче, торжествующе и победно грянул припев.

Губителя данов
Сегодня я славлю!

Вадим и Вершко, схватив тяжелое весло, как тараном ударили им воина, стоящего у борта. Он, выронив из рук копье, перелетел через планширь и с криком рухнул в воду. Молчан кошкой метнулся к топору и тут же обрушил его на затылок ближайшего свей. Тот молча повалился на палубу, а юркий Истома уже тянул меч из ножен убитого. Мечислав, подхвативший копье стражника, с силой ударил одного из варягов, возившихся со снастями. Копье вошло ему в грудь и глубоко впилось в доски борта. Захлебнувшись кровью, варяг осел, но копье не позволило ему упасть. Бажен и Горазд набросились на другого свей. Они сбили его с ног, а Горазд, стиснув ему горло, яростно колотил его голову о палубные доски. Один из стражников, закрывшись щитом и выставив вперед копье, устремился на Вершко и Вадима, но Мал бросился ему под ноги. Свей, грохоча окованным щитом, рухнул на палубу, тяжелое весло обрушившееся ему на голову, размозжило ее. Бросив весло, Вершко подобрал копье и сунул Вадиму меч.

— На корму! Отходим на корму! — закричал он ладожанам.

Высокий свей, стоявший у рулевого весла, схватил секиру и, не дожидаясь нападения ладожан, сам кинулся в бой. Лезвие своего тяжелого топора он обрушил на все еще склоненного Горазда. Удар пришелся по правому плечу и почти отсек руку. Обливаясь кровью, Горазд упал

на полузадушенного свея. Бажен, выхватив меч, шагнул навстречу врагу, но, подскользнувшись в луже крови, растянулся на палубе. Свей заревел победно, занес секиру над Баженом, однако нанести удар не успел. Вздрыгнув, тупо посмотрел на копье, торчащее в своем боку и повалился на Бажена. Мечислав вовремя подоспел на помощь другу.

— Век не забуду, — прохрипел тот, выбираясь из-под тяжелого тела кормчего.

— Сочтемся, — бросил Мечислав, устремляясь на помощь Булгаку.

Но помочь не сумел. Один из стражников метнул свое копье. Мечислав заметил, как оно вошло в грудь Булгака, а широкий наконечник показал свое жало между лопаток. Мечислав яростно бросился на свея, однако он успел закрыться щитом и отступить.

— Прыгайте живей, — поторапливал Вершко Третьяка и Нечая. — А Мал где? — завертел он головой.

Свеи на носу уже опомнились, разобрали оружие, Вадим заметил воинов быстро натягивающих тетивы на луки. «Эх, не успели!» — мелькнуло в голове. Он увидел свейского конунга, возглавляющего своих воинов. Мала с копьем, бегущего ему навстречу.

— Куда!? — что было сил закричал он. Но было уже поздно.

Мал метнул копье. Что еще мог сделать мальчишка? Свейский конунг играючи поймал его на лету. Усмехнулся зловеще, верной рукой послал назад. Мал, выпучив глаза, захлебываясь кровью, скорчился на палубе, сжимая сведенными в судороге пальцами древко копья, торчащее из живота.

— Фалы руби! Руби ванты! — долетел до Вадима отчаянный крик Молчана.

Их с Истомой свеи прижали к борту. Яростно лязгало железо. Рубаха на левом плече Молчана потемнела от крови. Вадим вскочил на борт и со злостью рубанул туго натянутый канат. Сначала один, потом второй. Наверху что-то затрещало. Тяжелая рея сначала накренилась, а потом стремительно рухнула вниз, придавив нескольких свеев. Огромное полотнище паруса накрыло сражающихся у мачты. Зловеще пропела возле уха чужая стрела. «Не моя!» — обрадовался Вадим. Вершко, подоспевший к рулевому веслу, круто поставил корабль поперек волны. Корабль вздрогнул, словно напоровшись на подводную ска-

лу. Все люди повалились с ног. Вадим, почувствовал, как неведомая сила швырнула его на палубу, протащила по ней, обдирая колени и с силой бросила о противоположный борт. Поднявшись на пошатывающихся ногах он увидел на палубе Третьяка и Нечая. Их, как и Вадима сбросило с борта, только вот повезло им меньше. У Третьяка из горла торчала стрела, а Нечай силился встать на переломанных ногах. Мечислав склонился над искалеченным соплеменником.

— Добей... — Вадим едва разобрал просьбу Нечая и, зажмурившись, услышал только глухой стук копья о палубные доски. Подхватив с залитой кровью палубы свой меч, Вадим огляделся. Возле мачты он увидел Молчана, который мял в своих медвежьих лапах какого-то варяга. Видно варяг попался под стать ему. Обхватив словенина руками, он притиснул его к борту, давя и ломая ребра. Молчан страшно захрипел, выпучив глаза, напярк последние силы и вместе со свеем, не разжимая рук, перевалился через борт.

Два других варяга приставили острия своих мечей к груди Истома. Тот, видно, обронил свой меч, когда Вершко поставил корабль поперек волны.

— Сдавайся! — выкрикнул один из них. Истома только презрительно рассмеялся и бросился грудью на свейские клинки.

Те sweи, что были на носу «Медведя» перебирались через обломки реи, через пузырящееся полотнище паруса на корму. «Пора уходить!» — решил Вадим.

— Остальных живыми! — услышал он раздраженный голос свейского конунга. — Они мне нужны только живыми!

Держась за борт, Вадим добрался до кормового штевня, там, где у рулевого весла стоял Вершко. Он все время старался держать корабль поперек волн. «Медведь» так и сотрясаясь под их натиском. Доски обшивки стонали и скрипели. «Жаль корабль, если потонет», — почему-то подумал Вадим. Кроме них с Вершко на корме были Бажен и Мечислав.

— Что будем делать? — обратились они к сыну Гостомысла.

— Хотел я затопить это корыто, да видно ничего не выйдет. Крепкая оказалась посудина, — поморщился Вершко. В левом плече у него торчал обломок варяжской стрелы. — Мы сделали все, что могли. Надо уходить. Кто-

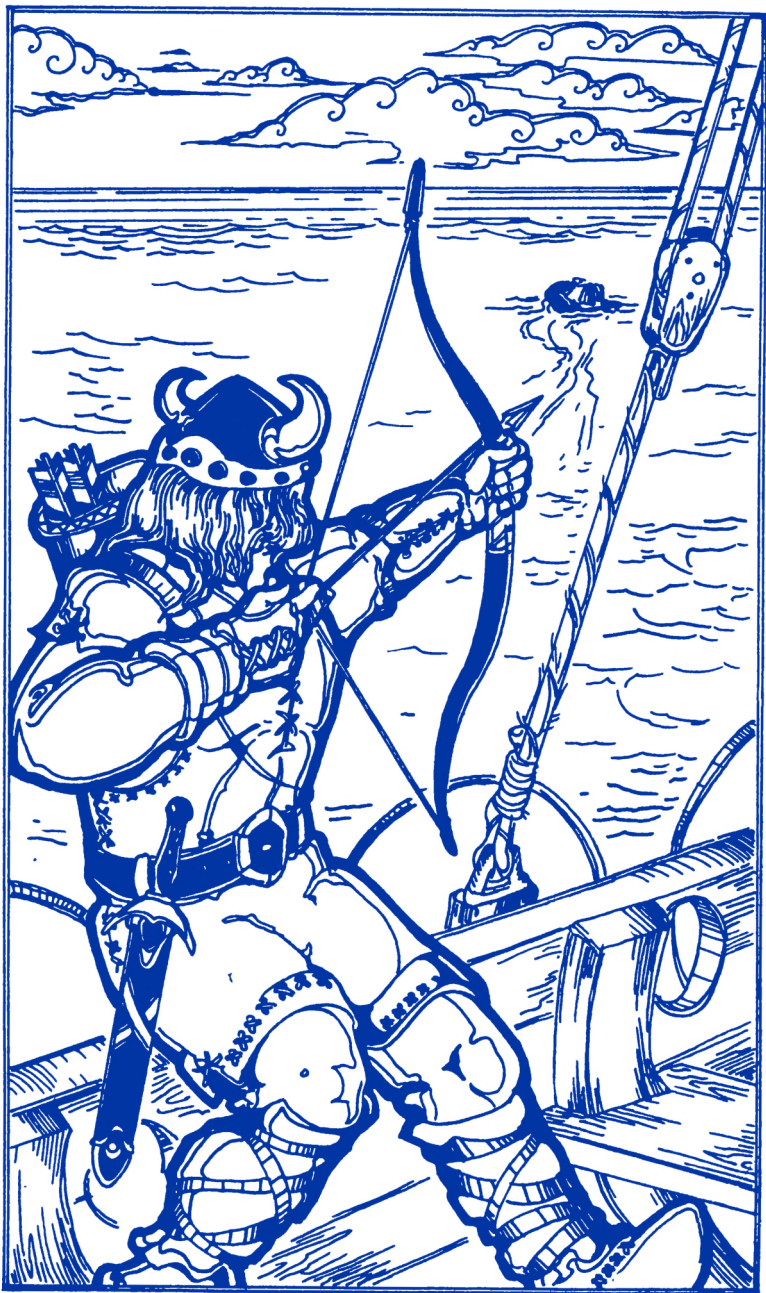
нибудь из нас должен дойти до Ладоги. И помните, что там предатель! — он шагнул к борту, перекинул через него одну ногу, здесь-то варяжские стрелы и настигли его. Две ударили в грудь, а одна в горло. Видно били с соседних судов. Бажену стрела угодила в правую руку. Он с отвращением вырвал ее из раны и вместе с Вадимом и Мечиславом шагнул за борт.

Холодная вода сразу зашипала содранные колени. Одежда в один миг ставшая тяжелой словно броня, тянула вниз. Вадим вынырнул. Отфыркался, огляделся по сторонам. Берег темнел узенькой полосой где-то справа от него. Совсем рядом возвышалась громадина «Медведя». Было видно как там срочно садились на весла. Что-то звонко шлепнулось в воду у самой щеки. Вадим посмотрел по сторонам. Мечислава видно нигде не было. Бажен в нескольких саженях от него пытался выгребать одной левой рукой.

— Держись, Бажен, — крикнул ему Вадим.

Стрелы стали шлепать вокруг него все чаще. Он нырнул. А когда вынырнул, Бажена уже не было. Только на том месте, где была его голова, в воде расплывалось бурое облачко. «Когда же моя?» — равнодушно подумал Вадим. Грести, плыть к берегу, не хотелось, словно все силы ушли на ожидание смерти, а теперь осталась одна пустота. Он поглядел на бледное пятно солнца, на хмурое, низкое небо. Мелкие волны с пенными барашками плясали и толкались кругом. Белое крыло чайки, внезапно мелькнувшее перед глазами, подарило последнюю надежду.

Вдруг страшная боль обожгла тело под правой лопаткой. В открытый в крике рот хлынула вода. Захлебываясь, Вадим попытался вынырнуть, но ноги свело предательской судорогой. Черный, просмоленный борт чужого корабля, было последнее, что он увидел, прежде чем свинцовые волны сурового моря навсегда сомкнулись над ним.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА

В номере:

Виктор Потапов "Охотник за смертью"

Фантастический боевик

Сергей Журавлев "Находники". Повесть

